

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2023. Том 11, № 3

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М.
Опыт исследования духовно-нравственного состояния
российского общества 6

Авдеев Е. А., Воробьев С. М.
Традиционные ценностные основы общероссийской
идентичности: на примере молодёжи Северного Кавказа 37

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Богданов В. С.
Социальное неравенство как политико-управленческая
проблема развития регионов России. Часть 2 55

Мерзляков А. А.
Компаративный анализ объективных и субъективных показателей
по оценке состояния социальных неравенств в регионах 68

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

Бинеева Н. К., Магранов А. С.
Восприятие студенческой молодёжью Юга России
социально-экономической и политической ситуации в стране
(на материалах региональных исследований). 87

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Семёнов Е. В.
Развитие сети научных журналов в России:
стратегические, технологические и организационные
вопросы 116

ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Назаров М. М.
Искусственный интеллект и алгоритмические решения
в социальной сфере: представления молодёжи 141

Селеткова Г. И., Бурова О. А., Ганина О. А., Середкина Е. В.
Типы отношения жителей города Перми к сервисным
роботам 159

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА

Зорина А. Е.
Детерминанты готовности к риску
как ресурса женского предпринимательства 176

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ларина Е. В.
Сравнительный анализ социальных практик профилактики
наркопотребления: российский и зарубежный опыт 187

CONTENT

MODERN RUSSIAN SOCIETY

Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M.
Experience of investigating the spiritual and moral state
of Russian society. 6

Avdeev E. A., Vorob'ev S. M.
Traditional value foundations of all-Russian identity:
case study of the Northern Caucasus youth 37

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Bogdanov V. S.
Social inequality as a political and managerial issue
in the development of Russian regions. Part 2 55

Merzlykov A. A.
The objective and subjective indicators comparative analysis
for assessing social inequalities in regions 68

SOCIOLOGY OF YOUTH

Bineeva M. K., Magranov A. S.
Perception of socio-economic and political situation in Russia
by student youth of the southern region
(based on regional studies) 87

SOCIOLOGY OF SCIENCE

Semenov E. V.
Development of the scientific journals network in Russia:
strategic, technological and organizational issues 116

INNOVATIONS IN RUSSIAN SOCIETY

Nazarov M. M.
Artificial Intelligence and algorithmic solutions
in the social sphere: youth attitudes 141

Seletkova G. I., Burova O. A., Ganina O. A., Seredkina E. V.
Types of city dwellers' attitudes towards service robots
in the city of Perm 159

SOCIOLOGY OF RISK

Zorina A. E.
Determinants of risk readiness as a resource
in women's entrepreneurship 176

SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR

Larina E. V.
Comparative analysis of social practices in drug abuse prevention:
Russian and international experience 187

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Галина Петровна Бессокирная¹
Ольга Александровна Большакова²
Татьяна Муртазаевна Караханова³

^{1, 2, 3} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³ patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

Для цитирования: Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М. Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 6–36. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.1. EDN LCMOLE.

Аннотация. На материалах повторных исследований, проведённых в 2003–2020 гг. в областных центрах семи регионов Российской Федерации, анализируется духовно-нравственное состояние российского общества. Рассмотрены самооценки религиозного чувства и важности ценностей «нравственные качества, мораль», «религиозная вера», «религиозная деятельность»; представления о нравственных нормах и отступлениях от них, смысложизненные ориентиры разных групп горожан. Ценность «нравственные нормы, мораль» была и остаётся важной для большинства городских жителей. Однако её важность постепенно уменьшается. Важность ценности «религиозная вера» и особенно ценности «религиозная деятельность» существенно ниже. Обе ценности являются важными для меньшинства. Наблюдается взаимосвязь между важностью ценности «нравственные нормы, мораль» и важностью ценности «религиозная вера». Духовно-нравственные ценности горожан находят отражение в их реальных затратах времени на религиозную деятельность. Эти затраты весьма скромные. Представления горожан о нравственных качествах-добродетелях как о норме остаются стабильными и они идентичны у работающих жителей и у студентов. Среди доминирующих смысложизненных ориентиров горожан: «материальное благополучие», «физическое здоровье», «труд для заработка», «дети», «брак, семья». Для верующих более важными являются ценности «дети», «брак, семья». Оценки различных сторон повседневной жизни практически не различаются у верующих и у неверу-

© Бессокирная Г. П., 2023

© Большакова О. А., 2023

© Караханова Т. М., 2023

ющих. Судя по самооценкам респондентов, нравственное состояние российского общества улучшается, несмотря на обнаруженные в 2007–2020 гг. признаки размывания представлений о качествах-добродетелях и качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от нормы. Однако оценки нравственного состояния российского общества у горожан хуже, чем оценки условий своей повседневной жизни и социального самочувствия. На оценку нравственного состояния общества влияет негативная оценка справедливости в российском обществе. Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей будут способствовать социальной адаптации горожан в новой социальной реальности.

Ключевые слова: религиозная вера, духовно-нравственные ценности, нравственные качества-добродетели, смысложизненные ориентиры, социальная адаптация, горожане

Введение

Роль религии в современном российском обществе становится всё более актуальной темой для научного анализа. Многолетний мониторинг, который ведут сотрудники Центра «Религия в современном обществе» ФНИСЦ РАН, позволил накопить необъятное количество исследований, посвящённых различным ракурсам данной проблемы [1, с. 8]. Одной из крупных публикаций является коллективная монография «Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах)», в которой наряду с теоретико-методологическими вопросами на эмпирических данных анализировалась роль религии в формировании гражданской и нравственной позиций человека [2, с. 277–323]. Результаты активного участия Центра в работе над мегапроектом РФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (руководитель проекта – М. К. Горшков, академик РАН) отражены в пяти книгах, опубликованных в течение 2015–2017 гг. В частности, подвергнуты анализу: влияние религии на ценностное сознание россиян [3, с. 166–197], религиозные смыслы в современной России [4, с. 233–313], влияние религиозного фактора на социальное самочувствие и поведение россиян [5, с. 366–391], ресурс интеграции и риски в религиозном пространстве России [6, с. 253–291], поиск единства религии и общества в современной России [7, с. 287–307]. В последние годы сотрудниками Центра опубликованы работы, в которых анализировались: религиозная ситуация в России и в её регионах [8], религиозный фактор и социально-политические предпочтения [9], религия в условиях пандемии [10]. В целом же научный интерес коллектива Центра в значительной степени направлен в сторону изучения взаимоотношений религии и политики [1, с. 8].

Вместе с тем проблемы духовной жизни, духовности россиян как таковые изучаются социологами только эпизодически. Исследовалась духовность в представлениях советского и постсоветского человека [11; 12], сравнивались ценностные ориентации, культурные предпочтения

и историческая память православной и атеистической молодёжи [13], проводились исследования духовно-нравственных ценностей студенческой молодёжи [14; 15]. В ряде работ психологов и социологов предпринимались попытки оценить нравственное (духовно-нравственное, религиозно-нравственное) состояние российского общества (см. обзор в [16]). Представляется, что с этой целью явно недостаточно используются первичные данные опросов ВЦИОМ и других исследовательских центров и компаний [17, с. 98], результаты научных публикаций. Кроме того, зачастую духовность анализируется вне религиозного контекста, без объясняющей роли которого трудно выйти на правильные выводы. Так, отсутствуют публикации, подобные фундаментальному труду В. Ф. Чесноковой, посвящённому процессу воцерковления народа России [18], в котором использованы первичные данные опросов Фонда общественного мнения, проведённых в 1992, 2000 и 2002 гг., а также статье В. Н. Лексина [19], в которой предпринята попытка системного описания отношений верующих и неверующих в повседневной жизни: в семье, на работе и в сфере неформального общения.

В сложившихся реалиях, когда обострился вопрос сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе (потребовавший принятия решений на уровне государственной политики¹), проведение социологических исследований, мониторинга по данной проблематике несомненно актуализируются.

В исследованиях сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии ФНИСЦ, которые проводятся в течение полувека, попытки анализа религиозно-нравственного состояния общества, духовно-нравственных ориентиров в повседневной жизни городских жителей предпринимаются с конца 1990-х гг. [20; 21]. Ценности «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль» рассматриваются в качестве одной из трёх групп жизненных ценностей [22]. Особое внимание уделено анализу динамики этих двух ценностей по данным исследований в 2003–2008 гг. [23]. Необходимость дальнейшей разработки вопросов состояния духовно-нравственной стороны общественного сознания (помимо самостоятельной их важности) связана, с нашей точки зрения, и с тем, что оно обуславливает в значимой степени в ряду других обстоятельств успешность трансформационных процессов в России.

В настоящей статье мы опирались на подход к анализу духовности, разработанный С. Б. Токаревой, и на сделанный ею вывод о том, что «... кризис духовности ... порождается комплексной причиной, включающей в себя три момента: теологический, проявляющийся в утрате религиозного чувства, метафизический, связанный с девальвацией абсолютных ценностей, и культурологический, выражающийся в общей дезорганизации

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2023).

жизни и потере человеком смысло-жизненных ориентиров» [24, с. 248]. Эти тезисы согласуются с тем, что человек по своему существу «есть живой, личный дух», который в нём – самое главное, начало творческое. Он развивается и раскрывается в человеке, «одухотворяя и подчиняя себе все естественные силы его души – ум, чувства и волю». С самосознанием духа связано нравственное самосознание человека [25, с. 15–23].

С вышеизложенной методологической позиции целью статьи является попытка оценить духовно-нравственное состояние российского общества (на примере населения ряда областных центров), направленность происходящих в нём изменений, а также его влияние на процессы социальной адаптации. Исходя из данной цели, поставлены следующие задачи:

- рассмотреть феномен «религиозное чувство» как один из критериев оценки нравственного состояния общества, направленность его изменений у разных групп городских жителей;
- проанализировать нравственный выбор горожан (второй критерий нравственного состояния общества) в контексте нравственных качеств, перечень которых использован нами в течение 2003–2020 гг.;
- выяснить смысло-жизненные ориентиры городских жителей (третий критерий);
- определить, как религиозно-духовный статус (первый критерий), нравственное самоопределение (второй критерий) и смысло-жизненные ориентиры (третий критерий) влияют на социальную адаптацию горожан.

Эмпирической базой являлись преимущественно данные исследования, осуществлённого в 2019–2020 гг. (до начала пандемии), в ходе которого проведён опрос работающего городского населения в Пскове ($n = 302$, территориальная выборка), студентов очных отделений вузов в Пскове, Омске и Москве по целевой выборке ($n = 176$) и работников промышленного предприятия в Омске по целевой выборке ($n = 214$, в т. ч. 176 рабочих). Для сравнительного анализа привлекались данные двух исследований городского населения, осуществлённых в Пскове, Смоленске и Саратове в 2003–2004 гг. ($n = 454$) и 2007–2008 гг. ($n = 552$). Работающее население составляло в первом исследовании 308 человек и 407 человек – во втором. С этой же целью были использованы данные опроса рабочих по целевой выборке на восьми промышленных предприятиях в Пскове, Брянске, Кирове, Владимире и Омске в 2014 году ($n = 926$). В Пскове опрошено 203 человек, а в Омске – 202 человека. Для сравнительного анализа привлечены и данные РМЭЗ НИУ ВШЭ¹ о работающих жителях в областных центрах РФ за 2000–2021 гг. ($n = 76\,738$).

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Религиозное чувство как один из критериев оценки духовно-нравственного состояния общества

В анализе формирования духовно-нравственного состояния российского общества мы исходим, прежде всего, из фундаментальной роли в этом процессе религиозного чувства его членов, определяющего в значительной степени направленность духовно-нравственных ориентиров, так как «чувства – это общее проявление нашей внутренней жизни». Религиозному чувству «принадлежит решающий голос во всех жизненных вопросах верующего человека...» [25, с. 21–22]. Этот аспект сознания сложно поддаётся социологическому измерению и требует осторожности в формулировании выводов.

В первом приближении оценка (формальная) состояния религиозного чувства в российском обществе содержится в составе опрошенных по их вероисповеданию. Абсолютное большинство опрошенных нами работающих жителей Пскова, рабочих в Пскове и Омске, а также студентов вузов в Пскове, Омске, Москве (от 79 до 93%) отнесли себя к православным христианам, каковыми они являются по крещению. Другие христианские конфессии представлены в основном среди студентов (до 6%) и рабочих в Омске (до 5%), мусульман в числе опрошенных – до 8%. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в период наблюдений с 2000 по 2021 год в среднем 92,6% работающего населения в областных центрах РФ отнесли себя к православным, по годам эта доля менялась очень мало. Также мало менялись и доли крещённых в других христианских конфессиях (в пределах 0,2%) и мусульман (5–6%). Здесь следует добавить, что начаток религиозного чувства есть у каждого из крещённых православных христиан, которых большинство, как видим, среди опрошенных работающих горожан, а дальше – дело духовного опыта.

Состояние религиозного чувства раскрывается (в той или иной мере) в самоидентификации респондентов с предлагаемыми вариантами этого состояния, приведёнными в таблице 1.

Самооценки религиозного чувства у разных групп городского населения не обнаружили статистически значимых межпоколенческих различий¹, несмотря на то, что подавляющее большинство работающих жителей из младшего поколения, а также студентов были крещены в 1990-е и 2000-е гг., нередко в младенчестве по инициативе родителей, т. е. не самостоятельно. Выявлена общая тенденция для большинства групп респондентов: преобладают «стремящиеся к вере» и вместе с «неверующими» они составляют примерно две трети опрошенных. Среди рабочих дифференциация в зависимости от областных центров отсутствует. Вместе

¹ К младшему поколению отнесены горожане, социализация которых проходила уже в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст произошло в 2000-е гг. Они родились в 1985 году и позже, а во время исследования им было не больше 35 лет. К старшему поколению отнесены все остальные горожане, которым во время исследования было больше 35 лет.

Таблица 1
Самоидентификация разных групп горожан по состоянию религиозного чувства, 2019–2020 гг., доля ответивших, %

Идентифицировали себя с...*	Студенческая молодёжь			Младшее поколение рабочих		Старшее поколение рабочих		Работающее население Пскова	
	Псков	Омск	Москва	Псков	Омск	Псков	Омск	младшее поколение	старшее поколение
Верующими	41	19	26	26	30	37	34	24	42
Стремящимися к вере	47	24	19	41	42	44	51	44	41
Неверующими	12	57	56	33	28	19	15	32	17

* Варианты идентификации респондентов в анкетной формулировке в 2019–2020 гг.: «действительно верующие, а не только относящиеся к определённой религиозной конфессии», «стремящиеся к вере, но пока неверующие», «совсем неверующие». Далее в анализе будут использоваться формулировки, приведённые в таблице 1.

с тем среди студентов существенные территориальные различия в религиозной самоидентификации определились (коэффициент Крамера $V = 0,297^{***}$)¹. «Верующих» студентов в Пскове существенно больше, чем в Омске и Москве, где показатели почти одинаковые, а «неверующих», наоборот, меньше. Это – повод для размышлений.

Для определения изменений в религиозном чувстве работающих горожан мы воспользовались данными РМЭЗ НИУ ВШЭ. В указанном мониторинге применяется 5-членная шкала, в которой: «вы верующий человек» – 1, «вы скорее верующий, чем неверующий человек» – 2, «вы скорее неверующий человек» – 3, «вы неверующий человек» – 4, «вы атеист» – 5. Для задач нашего анализа варианты ответа 3, 4, 5 объединены в одну группу – «неверующие».

Приведённые на рисунке 1 данные свидетельствуют о том, что на протяжении длительного времени наблюдался рост числа верующих (с 24,1% в 2000 г. до 36,3% в 2014 г.). Однако в последующие годы указанная тенденция поменялась на противоположную. В 2021 году верующие составляли 22,3%. Модальной в 2001–2021 гг. была группа «скорее верующие, чем неверующие». С 2016 года она составляет не менее половины работающего населения в областных центрах России. Число неверующих за анализируемый период снизилось с 34,0% (2000 г.) до 25,8% (2021 г.), но в последние три года (2019–2021 гг.), как и в первые годы исследования (2000–2003 гг.), число неверующих превышает число верующих.

¹ Уровень значимости коэффициентов связи Крамера V: * – 5%, ** – 1%, *** – 0,1%.

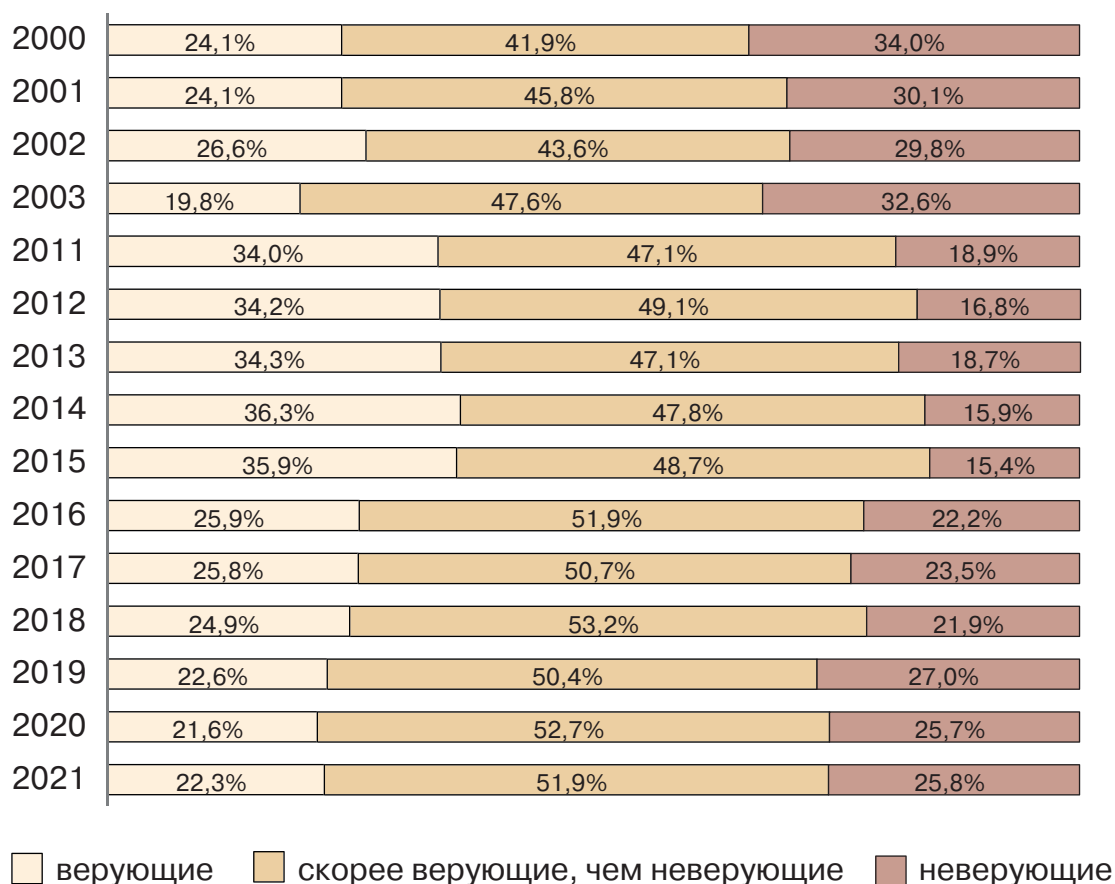

Рис. 1. Динамика самооценок религиозного чувства работающих жителей в областных центрах РФ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2021 гг., %

Вышеприведённые тенденции динамики религиозного чувства работающих городских жителей в областных центрах РФ, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, мы сочли целесообразным сравнить с изменениями, выявленными по данным повторных исследований, осуществлённых сотрудниками сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии ФНИСЦ РАН. Нами использовалась 3-членная шкала, варианты ответов приведены в таблице 1. Тенденции динамики, проанализированной по трём точкам (2003–2004 гг., 2007–2008 гг. и 2019–2020 гг.), вписываются в тренды, зафиксированные в «Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения» (см. рис. 2).

В 2003–2008 гг. число «верующих» среди работающих жителей Пскова, Саратова и Смоленска выросло с 33 до 44%. За тот же период доля «неверующих» сократилась с 27 до 22%. В 2003–2004 гг. модальной группой были «стремящиеся к вере» (40%), а в 2007–2008 гг. модальной стала группа «верующие» (44%). В 2019–2020 гг. (Псков) модальной вновь являлась группа «стремящиеся к вере» (42%). К этому году доля «верующих» уменьшилась (до 35%), а число «неверующих» почти не изменилось (23%).

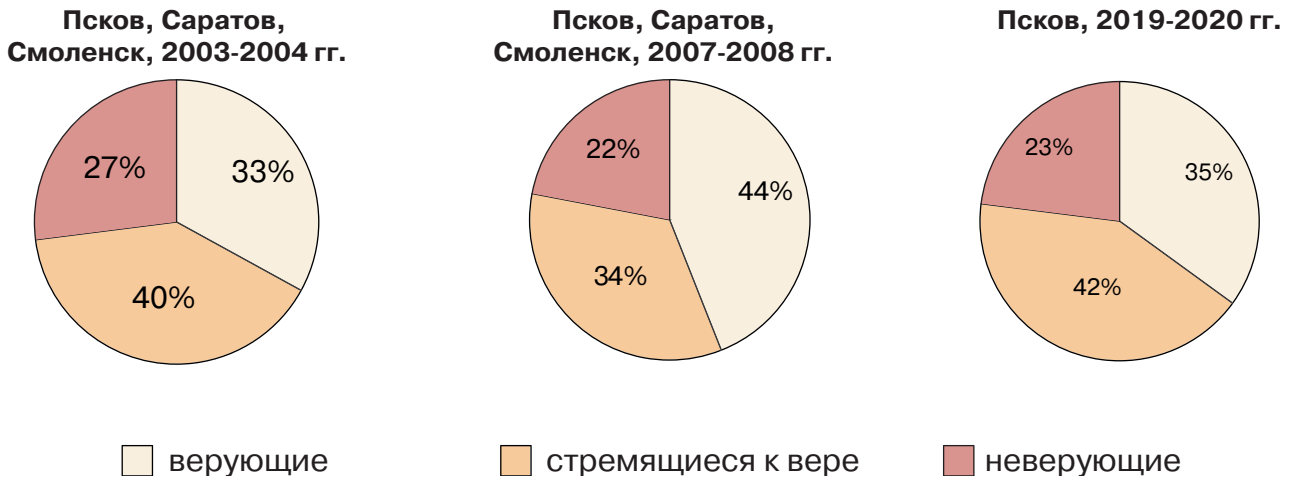

Рис. 2. Самооценки религиозного чувства работающих жителей, ФНИСЦ РАН, 2003–2020 гг., %

Заслуживает внимания и динамика самооценок религиозного чувства у рабочих в Пскове и в Омске за 2014–2020 гг. Результаты анализа (см. рис. 3) также совпали с тенденциями, зафиксированными РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2014–2021 гг. для работающих жителей в областных центрах РФ.

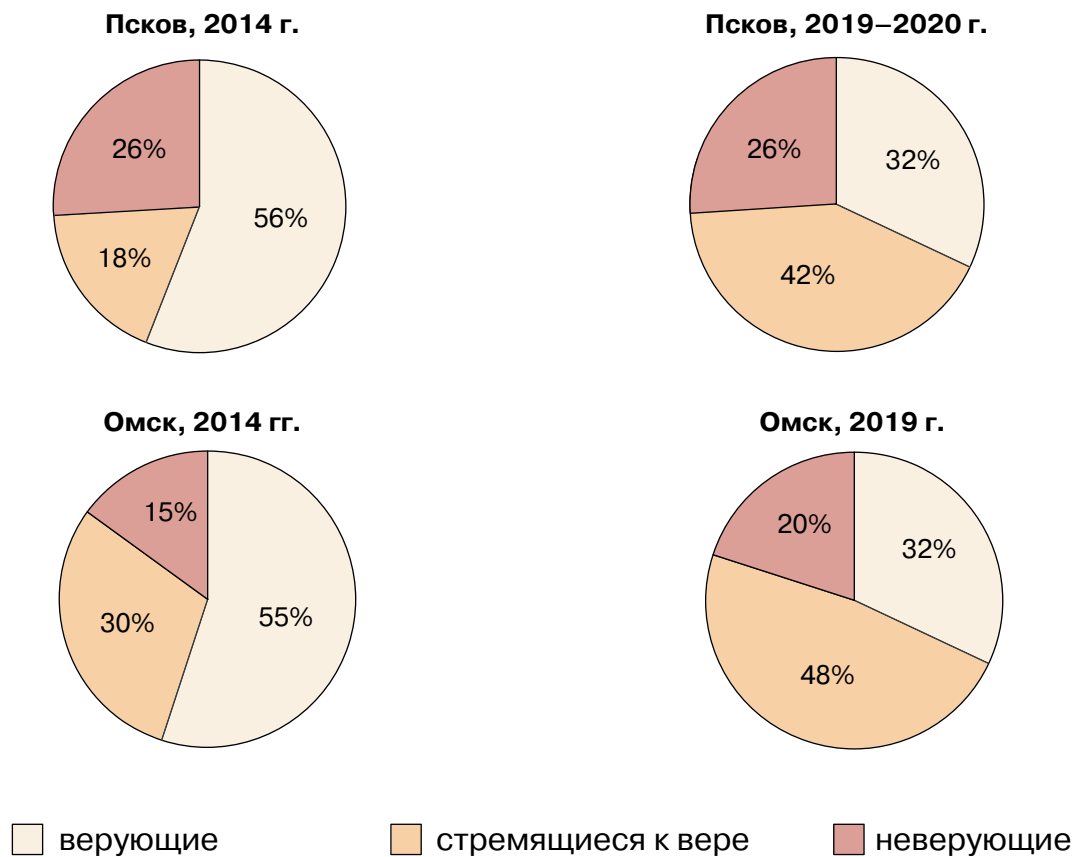

Рис. 3. Самооценки религиозного чувства рабочих, ФНИСЦ РАН, 2014–2020 гг., %

Среди рабочих стало меньше «верующих» и в Пскове, и в Омске. В 2014 году в обоих городах «верующие» являлись большинством (56 и 55% соответственно), а в 2019–2020 гг. модальной стала группа «стремящиеся к вере» (42 и 48%). Число «неверующих» увеличилось только в Омске.

Дополняют эту картину данные, позволяющие увидеть перспективу возможных изменений духовно-нравственных ориентиров уже в следующем поколении, так как они свидетельствуют о «религиозном чувстве» несовершеннолетних детей – по оценкам их родителей. В семьях «верующих» родителей (здесь и далее – семьи с детьми до 18 лет) в 2003–2004 гг. (Псков, Саратов, Смоленск) насчитывалось 75% «верующих» детей, в 2007–2008 гг. – 80%, к 2019–2020 гг. (Псков) наметилась тенденция к незначительному снижению (78%). При этом у родителей из младшего поколения работающих жителей Пскова – 61% «верующих» детей, а у родителей из старшего поколения – 91%. Выросла доля «верующих» детей и у работающих горожан, идентифицирующих себя со «стремящимися к вере»: 18, 40 и 44% (в 2003–2004 гг., 2007–2008 гг. и 2019–2020 гг. соответственно). Заметный рост числа «верующих» детей у «верующих» родителей наблюдается у рабочих: в Пскове – с 58% в 2014 году до 89% в 2020 году, в Омске – с 57% до 87% за этот же период. У рабочих, «стремящихся к вере», с 2014 по 2020 г. в Пскове доля «верующих» детей снизилась (с 44% до 32%), а в Омске осталась без изменений (42%).

Для углубления результатов измерения религиозного чувства в нашем распоряжении были данные о важности для разных групп горожан таких ценностей жизни, как «религиозная вера», «религиозная деятельность» и «нравственные нормы, мораль». Рассчитанные индексы субъективной важности «религиозной веры» и «религиозной деятельности» оказались у всех работающих в Пскове, рабочих в Пскове и Омске, а также у студентов в трёх областных центрах ниже 3 баллов¹ (соответственно 2,7 и 2,4; 2,6 и 2,5; 2,2 и 1,8; 2,2 и 1,9). По данным за 2014 и 2019–2020 гг., произошло снижение индексов важности «религиозной веры» у рабочих в Пскове и Омске, назвавших себя «верующими» (с 3,2 до 2,6; с 3,0 до 2,2 соответственно). Аналогичная тенденция наблюдалась и у «стремящихся к вере», и у «неверующих». По ценности «религиозная деятельность» та же направленность изменений коснулась в основном «верующих» рабочих в двух указанных городах (2,8 и 2,5; 2,6 и 1,8 соответственно).

Более важной разные группы городских жителей считали ценность «нравственные нормы, мораль», которая оценивается выше 3 баллов: индекс от 3,6 балла (у студентов в Пскове, Омске и Москве) до 4,1 балла (у рабочих Омска), а в среднем у работающих жителей в Пскове – 4,0 балла. Тем не менее снижается субъективная значимость и этой ценности, причём у «верующих» (у рабочих в Пскове с 4,3 до 3,9 балла в 2014–2020 гг.). Однако важность «нравственных норм, морали» осталась незатронутой

¹ Индекс вычислялся по 5-балльной шкале. В таблицах сопряжённости шкала «укрупнялась», т. е. из 5-членной (1, 2, 3, 4, 5) преобразовывалась в 3-членную (1+2, 3, 4+5).

регрессивной тенденцией у рабочих в Омске (значимость даже возросла!), причём как у «верующих», так и у «неверующих» (3,8 и 4,1 балла; 3,7 и 4,2 балла в 2014 и 2020 гг. соответственно). Феномен, также наталкивающий на размышления о причинах такой дифференциации.

Вместе с тем весьма важным является вывод о наличии связи между важностью ценности «религиозная вера» и важностью ценности «нравственные нормы, мораль» для всех групп городских жителей, о чём свидетельствуют коэффициенты Крамера V . Для всех работающих в Пскове $V = 0,185^{***}$, в младшем поколении – $0,201^*$, а в старшем поколении – $0,181^*$; у рабочих в Пскове – $0,173^*$; в Омске – $0,169$ (V значим на уровне 7%); у студентов – $0,158$ (V значим на уровне 7%). Данная связь подтверждается закономерностью снижения индексов важности названных выше ценностей в зависимости от отнесения к «верующим», «стремящимся к вере» и «неверующим»: 3,4 и 4,2 балла; 2,5 и 3,9 балла; 1,9 и 3,7 балла соответственно у работающих в Пскове. Однако число тех, кто согласен с суждением о том, что «нравственный закон, нормы диктуются религиозной верой», сокращается, т. е. уменьшается сама база для взаимосвязи, показанной выше. Среди работающих в Пскове, отнёсших себя к «верующим», в 2003–2004 гг. их было 21%, в 2007–2008 гг. – 24%; а в 2014 году среди рабочих – 11% (более поздние результаты аналогичных замеров у нас, к сожалению, отсутствуют). Свидетельством того, что сокращается данная база, является и рост с 2003 года по 2008 год числа опрошенных горожан, затруднившихся с ответом: с 36 до 48%. Выявленные тенденции в динамике духовных ценностных ориентаций городских жителей, однако, не указывают на признаки значительного ослабления религиозного чувства, но и об усилении его, вероятнее всего, говорить рано.

Остановимся на «религиозной деятельности» – ценности жизни, предполагающей деятельностьную реализацию религиозного чувства. Важность её даже «верующие» оценивают лишь в 3,0 балла (все работающие жители в Пскове). По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ (вопрос: «Посещали ли Вы религиозные службы, собрания или другие религиозные мероприятия? Если «да», то как часто?»), доля работающего населения в областных центрах РФ, которое «никогда не посещает» религиозные мероприятия, за 2016–2021 гг. в среднем составила 21%. Самая большая группа респондентов посещает религиозные мероприятия «несколько раз в год» – 38% в среднем за 2016–2021 гг., «раз в год» и «реже 1 раза в год» – 33% и от 1 до 3 раз в месяц – 6%. Динамика частоты посещений религиозных мероприятий в целом положительная, т. к. число «никогда не посещающих» уменьшается. Результаты наших замеров (в проведённых опросах учитывались только посещения церкви и только православными) показывают, что число тех, кто «никогда не посещают церковь» больше, но оно также снижается по трём точкам. В 2003–2004 гг. и 2007–2008 гг. – Псков, Саратов, Смоленск и 2019–2020 гг. – Псков – 44%, 46%, 35% соответственно. В ответах респондентов (православных) на вопрос «Молитесь ли вы дома?», напротив, просматривается негатив-

ная тенденция. По тем же трём точкам ответили, что «не молятся» 56, 59 и 70% респондентов соответственно.

Данные проведённых обследований бюджета времени свидетельствуют об активизации религиозной деятельности в реформирующемся российском обществе. При этом «пик» религиозной деятельности пришёлся на 2007–2008 гг. В 1965 году её времяресурс у работающих псковитян был всего 1,4 и 0,7 минуты в неделю на мужчину и женщину соответственно, в 1986 году – 4,9 и 4,2 минуты, в 1997–1998 гг. – 0,0 и 35,7 минуты [26, с. 66]. В 2007–2008 гг. (Псков, Саратов) затраты времени на религиозную деятельность у работающих горожан составляли 0,1 часа в неделю на мужчину и 0,8 часа – на женщину, а в 2019–2020 гг. (Псков) они сократились до 0,1 часа в неделю и у мужчин, и у женщин. При этом за 2007–2020 гг. у рабочих этот времяресурс увеличился с 0,0 до 0,2 часа в неделю у мужчин и с 0,1 до 0,2 часа у женщин. Положительные изменения выявлены также у студентов: 0,0 часа у юношей и девушек в 2007–2008 гг. (Псков, Саратов) и 0,4 часа у юношей и 0,5 часа у девушек в неделю в 2019–2020 гг. (Псков). У рабочих в Омске (2014–2020 гг.) фиксировались очень малые времязатраты (менее 0,1 часа в неделю в 2014 г.), которые у мужчин к концу анализируемого периода времени исчезли совсем, а у женщин увеличились до 0,2 часа в неделю.

Объективная информация (данные бюджета времени) о затратах времени на религиозную деятельность сравнивалась с индексами важности «религиозной веры» и «религиозной деятельности» (с целью их согласования/рассогласования). Как уже отмечалось, затраты времени на религиозную деятельность весьма незначительны, что говорит в пользу согласования с низкими самооценками важности обеих ценностей (индексы менее 3 баллов по 5-балльным шкалам). В направленности самой динамики одних и других показателей у разных групп городских жителей также несколько больше согласования, т. е. как респонденты снижают самооценки, так и реально действуют.

Таким образом, присутствует некоторое ослабление религиозного чувства и вербально определяемого, и в показателях деятельности, но оно не является достаточным, чтобы видеть в этом приблизившийся духовно-нравственный кризис.

Нравственный выбор человека как отражение его религиозного чувства: состояние и динамика за 2003–2020 гг.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с необходимостью нравственного выбора, выбора между добром и злом. На него воздействуют «разные степени духовности... есть, как мы говорим, люди – скоты, люди – трава и есть люди – ангелы», у первых духовность очень низка [27, с. 218]. В православной христианской духовно-нравственной традиции укоренёнными являются нравственные качества, на которые как на добродетели

указывает благая совесть в человеке и которые являются руководством к личному нравственному совершенствованию. Совесть является «некой специфической способностью нравственного суждения, с помощью которого человек в каждом конкретном случае определяет, как ему поступить» [28, с. 72]. Благая или неблагая совесть, обусловленная состоянием религиозного чувства и духа людей, «руководила» отнесением приведённых ниже нравственных качеств либо к «норме», либо к «отступлению» от нее.

Перечень нравственных качеств-добродетелей, использованный в наших исследованиях повседневной деятельности городских жителей, составлялся в русле православной христианской духовно-нравственной традиции (табл. 2). Однако в нём, наряду с качествами-добродетелями (пп. 1–12, 14, 16–19 в табл. 2), содержатся и те качества, которые таковыми

Таблица 2

Динамика распределения работающих городских жителей в зависимости от отнесения ими нравственных качеств к норме, 2003–2020 гг., доля от числа ответивших, %

Нравственные качества	2003–2004 гг. Псков, Саратов, Смоленск	2007–2008 гг. Псков, Саратов, Смоленск	2019–2020 гг. Псков
1. Чувство долга (чувство обязанности выполнять возложенное, данное обещание, «помнить добро»)	95	94	92
2. Жить своим трудом	92	88	86
3. Жизнерадостность, оптимизм	–	91	89
4. Верность, честность	–	90	92
5. Отзывчивость, стремление заступиться за обиженного	90	88	85
6. Терпение	–	87	83
7. Верность семье, детям	–	–	87
8. Совестьливость	–	87	86
9. Любовь к Отечеству, верность ему	–	–	80
10. Умение прощать причинённое зло, обиду	–	–	72
11. Скромность	–	68	65
12. Потребность делиться с нуждающимися	63	63	62
13. Гордость	60	52	49–
14. Бескорыстие	57	67	56
15. Честолюбие	56	62	73
16. Мягкосердечие	49	49	65
17. Религиозная вера	–	–	55
18. Довольствоваться тем, что имеешь	–	–	52
19. Отдавать лучше, чем брать	–	–	47
20. Влечение к деньгам, вещам, зависимость от них	36	18	36
21. Превыше всего – личные интересы	–	20	36
22. Праздность–	–	17	20
23. Чревоугодие	15	10	13
24. Иметь внебрачные связи	–	11	12
25. Тщеславие	8	12	14
26. Уныние	–	7	14
27. Сквернословие	–	6	12

* Знак «–» означает отсутствие нравственного качества в анкете при проведении опроса.

не являются (пп. 13, 15, 20–27 в табл. 2). С 2003 по 2020 г. перечень несколько менялся и дополнялся. Объём располагаемой нами информации позволяет рассмотреть направленность трансформации в нравственном самоопределении респондентов (в отношении добра и зла) как отражении изменений в их религиозном чувстве. Список нравственных качеств, приведённый в таблице 2, относится к 2019–2020 гг. Результаты распределения ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, каковы Ваши собственные представления о нравственных нормах и отступлениях от них?» содержат данные только о том, как респонденты видят нравственную норму.

Из качеств, выделенных выше как добродетели, качества с 1-го по 8-е являются нормой для абсолютного большинства городских жителей (92–83%). Вместе с тем заметны наметившиеся признаки снижения с 2007 по 2020 год числа одобряющих эти нормативные характеристики поведения, кроме качеств «верность, честность» и «совестливость». Достаточно большим является и число респондентов, видящих норму в 9-м и 10-м качествах-добродетелях «любовь к Отечеству...» (80%) и «умение прощать...» (72%). Остальные добродетели (пп. 11–12, 14, 16–18) поддерживают более половины опрошенных, среди которых и «религиозная вера» (55%), т. е. также достаточно много респондентов. Степень поддержки качества «потребность делиться...» практически не изменилась, норма качества «скромность» несколько снизилась, а вот норма качества «бескорыстие» снизилась существенно и вернулась к уровню 2003–2004 гг. «Востребованность» нормы «мягкосердечие» увеличилась почти в 1,5 раза, подчёркивая тем самым факт жёсткости и даже жестокости времени, в котором мы живём.

К качествам, не относящимся к добродетелям, но имеющим высокую поддержку, относятся «гордость» и «честолюбие». При этом за 2003–2020 гг. произошло значительное снижение поддержки первого качества как нравственной нормы (с 60 до 49%), а оценка второго качества как нравственной нормы, напротив, повысилась (с 56 до 73%). Более трети опрошенных (36%) считают нормой «влечение к деньгам, вещам, зависимость от них» и «превыше всего – личные интересы». Другие качества, не относящиеся к добродетелям – с 22-го по 27-е, – в качестве норм принимают менее 20% респондентов. В 2007–2020 гг. одобрение всех этих шести качеств как нравственных норм росло, что является отрицательной тенденцией: степень поддержки качества «праздность» увеличилась с 17 до 20%, «чревоугодие» – с 12 до 14%, «тщеславие» – с 8 до 14%, «иметь внебрачные связи» – с 11 до 12%, «уныние» – в 2 раза и «сквернословие» – в 2 раза.

У младшего и старшего поколений рабочих и в Пскове, и в Омске не обнаружено статистически значимых различий (на уровне 5%) в самооценках нравственных качеств. В Пскове исключение составляет норма

«религиозная вера», а в Омске – качества «довольствоваться тем, что имеешь» и «мягкосердечие». По всему работающему населению Пскова также не зафиксировано поколенческих различий, исключение – также качество «религиозная вера», но связь слабая ($V = 0,177^{**}$). В Пскове у всех работающих горожан и у рабочих заметные различия наблюдаются только по нормам: «превыше всего – личные интересы» (42 и 32% соответственно), «религиозная вера» (55 и 61%). Абсолютное большинство студентов (как и другие группы горожан) считают нормой качества-добродетели с 1-го по 8-е: «верность, честность» (90%), «чувство долга...» (88%), «верность семье, детям» (88%), «жизнерадостность, оптимизм» (87%), «отзывчивость, стремление заступиться за обиженного» (84%), «терпение» (81%), «жить своим трудом» (78%), «совестливость» (77%). «Бескорыстие» (67%) и «отдавать лучше, чем брать» (56%) имеют у студентов даже более сильную поддержку, а «любовь к Отечеству...» (57%) наиболее слабую в сравнении с другими группами. Статистически значимых различий в оценках студентами большинства нравственных качеств в зависимости от города проживания не выявлено. Исключение составляют только «жизнерадостность», «оптимизм», «умение прощать...», «отдавать лучше, чем брать», «довольствоваться тем, что имеешь», «иметь внебрачные связи», «тщеславие». В частности, в Пскове чаще, чем в Омске и Москве, студенты считают нормой: «довольствоваться тем, что имеешь», «умение прощать...», «отдавать лучше, чем брать». Выявленные различия связаны, с нашей точки зрения, с самооценками религиозного чувства. Ранее отмечалось (см. табл. 1), что в Омске и Москве большинство студентов неверующие (57 и 56% соответственно), а в Пскове неверующих студентов только 12%. В качестве отступления от нормы более половины студентов рассматривают: «тщеславие» (64%), «иметь внебрачные связи» (62%), «уныние» (61%), «чревоугодие» (61%), «сквернословие» (55%).

В продолжение анализа приведённых в первом разделе статьи показателей связей между важностью ценностей «религиозной веры» и «нравственных норм, морали» для разных групп городских жителей выявлялись их связи и с представлениями о нравственных качествах (как о норме и отступлении от неё). С ценностью «религиозная вера» статистически значимых связей – 8 (коэффициенты Крамера V от 0,268*** до 0,128*), а с ценностью «нравственные нормы, мораль» – 12 (коэффициенты Крамера V от 0,197*** до 0,129*). При этом в обоих случаях представления о нравственных качествах (как о норме и отступлении от неё) идентичны и совпадают с представлениями о нравственных качествах (как о норме и отступлении от неё) в зависимости от самооценок религиозного чувства («верующие», «стремящиеся к вере», «неверующие»). В Пскове работающие жители, для которых каждая из двух вышеназванных духовно-нравственных ценностей является более значимой (4 или 5 баллов по 5-балльной шкале), а также «верующие» чаще считают нормой такие добродетели,

как «религиозная вера», «довольствоваться тем, что имеешь», «отдавать лучше, чем брать», «умение прощать...», «потребность делиться...», «отзывчивость, стремление заступиться...», «скромность», и реже – «превыше всего – личные интересы». Работающие жители, для которых «нравственные нормы, мораль» являются более значимой ценностью, чаще в качестве нормы выбирали также и «терпение», «бескорыстие», «верность, честность», реже – «чревоугодие». Верующие работающие жители реже выбирали в качестве нормы «гордость» и «иметь внебрачные связи».

Вместе с тем отсутствует статистически значимая связь между важностью «религиозной веры», «нравственными нормами, моралью» и 13 другими качествами: «чувство долга...», «жить своим трудом», «совестливость», «верность семье, детям», «любовь к Отечеству...», «мягкосердечие», «жизнерадостность, оптимизм», «честолюбие», «влечение к деньгам, вещам...», «тщеславие», «уныние», «праздность», «сквернословие». Отсутствие статистической связи, однако, не говорит о том, что внутренний «нравственный барометр» не опирается на религиозное чувство, которое может быть даже не осознаваемым человеком.

Была выдвинута гипотеза о возможности выделения четырёх групп нравственных качеств с учётом духовно-нравственных ориентаций городских жителей и распределений их представлений не только в отношении нормы, но и в отношении отступления от неё. *Первая группа* включает нравственные качества, которые считают нормой большинство горожан (вариант ответа «норма»). *Вторая группа* – нравственные качества, которые большинство горожан не считают нормой (варианты ответа «затрудняюсь ответить» или «отступление от нормы»). *Третья группа* – нравственные качества, которые чаще считают нормой верующие и те работающие городские жители, для которых более значимы ценности «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль». *Четвёртая группа* – нравственные качества, чаще выбираемые в качестве нормы людьми, для которых более значима ценность «нравственные нормы, мораль».

Для проверки выдвинутой гипотезы осуществлена факторизация всех 27 нравственных качеств. Предварительно коды вариантов ответа на вопрос «Скажите, пожалуйста, каковы Ваши собственные представления о нравственных нормах и отступлениях от них?» были перекодированы: 1 – отступление от нормы, 3 – затрудняюсь ответить, 5 – норма. Для факторизации использован метод главных компонент с последующим вращением варимакс. На первом этапе, основываясь на собственном значении выше 1, выделились восемь компонент. Полная объяснённая дисперсия составила 58,2%. Последовательное исключение из факторизации нравственных качеств с общностями менее 0,400 позволило остановиться на 4-компонентной модели (табл. 3). В ней доля полной объяснённой дисперсии составляет 51,7% (15,8; 13,7; 11,9; 10,3 по компонентам соответственно) и близка к аналогичному показателю в 8-компонентной модели.

Таблица 3

Группы нравственных качеств, соответствующие выделенным компонентам*

Нравственные качества	Компоненты			
	1	2	3	4
Верность, честность	0,759			
Совестливость	0,703			
Чувство долга	0,675			
Жить своим трудом	0,600			
Терпение	0,555			
Верность семье, детям	0,509			
Превыше всего – личные интересы		0,691		
Влечение к деньгам, вещам		0,688		
Праздность		0,653		
Иметь внебрачные связи		0,550		
Бескорыстие		-0,552		
Чревоугодие			0,702	
Сквернословие			0,677	
Тщеславие			0,589	
Уныние			0,545	
Довольствоваться, тем, что имеешь				0,816
Отдавать лучше, чем брать				0,752

* Внутри компонент качества расположены по величине факторных нагрузок.

Нравственные качества, которые вошли в первую компоненту, оцениваются большинством работающих жителей Пскова как норма. Все они являются качествами-добродетелями. Во вторую и третью компоненту включены те нравственные качества (вторая группа по гипотезе), которые большинство респондентов не считают нормой. Во вторую компоненту с отрицательным знаком входит также «бескорыстие» (качество-добродетель). Следовательно, чем чаще данное качество выбирается людьми в качестве нормы, тем они реже оценивают как норму четыре другие качества, входящие во вторую компоненту. В четвёртой компоненте – нравственные качества, отнесённые по гипотезе к третьей группе. Их нормой чаще считают верующие, а также те, для кого «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль» более важны.

С учётом результатов факторного анализа для анализа динамики представлений городских жителей за 2007–2020 гг. не только о норме (динамика, показанная в таблице 2), но и отступлении от неё, были отобраны 6 качеств-добродетелей и 8 нравственных качеств, которые к таковым не относятся. Установлено, что представления о 5 из 6 качеств-добродетелей как о норме остаются стабильными. Только 1–6% работающих горожан считают отступлением от нормы «чувство долга», «верность, честность», «жить своим трудом», «терпение», «совестливость». В то же время наблюдается увеличение доли тех, кто считает отступлением от нормы «бескорыстие» (с 9 до 23%). Число городских жителей, рассматривающих качества «превыше всего – личные интересы» и «влечение к деньгам и вещам...» как от-

ступление от нормы, за 2007–2020 гг. уменьшилось (с 48 до 34% и с 56 до 41% соответственно). Сократилось и число тех, кто считает отступлением от нормы «чревоугодие», «уныние», «праздность», «тщеславие», «иметь внебрачные связи», «сквернословие» (на 9–22%). Однако большинство работающих горожан считают всё же отступлением от нормы сквернословие (61%), «уныние» (57%), «иметь внебрачные связи» (54%), «чревоугодие» (54%) и половина – «тщеславие» (50%). Таким образом, в целом направленность динамики свидетельствует о формирующейся тенденции размывания представлений о качествах- добродетелях и нравственных качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от неё. Эта отрицательная тенденция требует внимания. Представляется, что с дальнейшим ослаблением религиозного чувства такая динамика нравственных смыслов может повести общество в сторону, противоположную от традиционных духовно-нравственных ценностей.

Смысложизненные ориентиры горожан

В качестве третьего критерия оценки духовно-нравственного состояния общества рассматриваются смысложизненные ориентиры населения, которые должны показывать, как отвечает сам себе человек на вопрос «для чего жить?» и, исходя из цели, «как жить?». В этих смысложизненных ориентирах неизбежно проявляются смыслы первого и второго критериев оценки нравственного состояния общества.

Вектор смысложизненных ориентиров закладывается уже тем, что люди находят для себя в религиозной вере. Это видно по ответам на вопрос «Что, по Вашему мнению, люди находят в религиозной вере?» (допускалось несколько ответов). Знаковыми и несколько неожиданными (опрошенные в подавляющем большинстве православные) – с точки зрения фундаментальной и смысложизненной истины – явились значительные доли тех, кто находит в вере «путь к вечной жизни, спасению души», которое осуществляется через «покаяние, очищение души» (24 и 38% соответственно из числа работающих в Пскове и 30 и 53% из числа «верующих»). При этом вера является «смыслом жизни» для немногих (19 и 27% соответственно). Фактически фундаментальная и смысложизненная истина веры и смысл жизни в сознании людей согласованы мало, т. е. таково состояние религиозного чувства, духа. Эта малосогласованность проявляется и в том, что значительная часть людей видит смысл исповедания веры, прежде всего, в «облегчении душевных переживаний, страданий» (соответственно 40% работающих и 54% верующих жителей Пскова), хотя уместно вспомнить, что 83% работающих жителей Пскова видят в «терпении» нравственную норму.

Вместе с тем приведённые цифры сопоставимы с числом тех, для кого вера является «морально-нравственной опорой» (36% работающих и 51% верующих жителей Пскова). Немаловажно и признание, что вера позволяет людям испытывать «чувства общности с близкими по духу

людьми» (20 и 27% соответственно). Полученные распределения опрошенных – это свидетельства различий в их духовном опыте и догматической и катехизической грамотности.

Опрошенные были разделены на две группы – в зависимости от их отношения к поведению, отвечающему благочестивому образу жизни христианина. В первую группу включены те, кто находят в религиозной вере «путь к вечной жизни, спасению души», «покаяние, очищение души», «смысл жизни» (благочестие). Во второй группе – респонденты, не выбравшие ни одного из этих вариантов ответа. В результате выявлен определённый когнитивный диссонанс между мнением о благочестии и другими нравственными характеристиками респондентов, рассматривавшимися выше. Между религиозным чувством и мнением о благочестивом поведении связь весьма тесная ($V = 0,328^{***}$), но с важностью ценностей «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль» мнение о благочестии связано значительно слабее ($V = 0,172^*$ и $V = 0,141^*$ соответственно). Большинство (63%) респондентов, отнесённых к первой группе, не считают важной ценность «религиозная вера» и четверть (26%) не считают важной ценность «нравственные нормы, мораль». Не обнаружены статистически значимые связи между нравственными нормами «отдавать лучше, чем брать» и «довольствоваться тем, что имеешь» и мнением о благочестивом поведении христианина. При этом в обеих выделенных группах почти четверть (23%) опрошенных считают эти качества-добродетели отступлением от нормы.

Логика анализа подвела нас к тому, что в числе главных смысло-жизненных ориентиров следует рассматривать ценности «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль». Анализ смыслов и целей жизни для респондентов проводился через идентификацию этих смыслов с важностью жизненных ценностей, среди которых – и эти две духовно-нравственные ценности¹.

Данные, приведённые в таблице 4, свидетельствуют о том, что ценность «нравственные нормы, мораль» весь анализируемый период времени (2003–2020 гг.) входила в группу доминирующих жизненных ценностей. Эта ценность, как и другие ценности (кроме ценности «религиозная вера»), являлась важной для абсолютного большинства работающих горожан. В 2003–2008 гг. важность этой ценности даже увеличивалась в трёх городах (с 4,1 до 4,3 балла). В Пскове соответствующие индексы в тот период возросли с 4,3 до 4,4 балла, но в 2007–2020 гг. отмечено снижение важности данной ценности до 4,0 балла, т. е. к концу анализируемого периода важность ценности «нравственные нормы, мораль» для работающих горожан в Пскове уменьшилась. В рейтинге доминирующих ценностей за 2003–2020 гг. данная ценность у работающих городских жителей переместилась с 7–8-го на 9-е место.

¹ При анализе будем опираться преимущественно на данные о работающих жителях Пскова. Данные о жизненных ценностях других больших социальных групп горожан см.: [29].

Таблица 4

Динамика жизненных ценностей городских работающих жителей, 2003–2020 гг.

Жизненные ценности	2003–2004 гг., Псков, Саратов, Смоленск		2007–2008 гг., Псков, Саратов, Смоленск		2019–2020 гг. Псков	
	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс*, ранг	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс*, ранг	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс*, ранг
Материальное благополучие	93	4,6 (1)	96	4,7 (1)	92	4,5 (2–4)
Физическое здоровье	88	4,5 (2–4)	87	4,5 (4–5)	92	4,6 (1)
Труд для заработка	87	4,5 (2–4)	87	4,5 (4–5)	89	4,5 (2–4)
Дети	87	4,5 (2–4)	91	4,6 (2–3)	79	4,2 (5)
Брак, семья	84	4,4 (5)	88	4,6 (2–3)	79	4,1 (6–8)
Общение	79	4,2 (6)	–**	–**	91	4,5 (2–4)
Нравственные нормы, мораль	78	4,1 (7–8)	84	4,3 (7–8)	67	4,0 (9)
Права человека	75	4,1(7–8)	81	4,3 (7–8)	75	4,1 (6–8)
Безопасность, правопорядок	68	4,0 (9)	87	4,4 (6)	77	4,1 (6–8)
Религиозная вера	25	2,6 (10)	25	2,6 (9)	30	2,7 (10)

* Индекс – среднее арифметическое по 5-балльной шкале.

** Знак «–» означает отсутствие ценности в анкете при проведении опроса.

«Религиозная вера» – ценность важная лишь для меньшинства работников. В 2003–2008 гг. она являлась важной для 1 из 4 респондентов в трёх городах. В Пскове в этот период времени ценность «религиозной веры» несколько увеличилась (с 2,4 до 2,9 балла), но к 2019–2020 гг. уменьшилась до 2,7 балла и остаётся на последнем месте среди ценностей (см. табл. 4).

Что же касается стабильно доминирующих ценностей в иерархии жизненных ценностей горожан, то к ним следует отнести пять из них: «материальное благополучие», «физическое здоровье», «труд для заработка», «дети», «брак, семья», что даёт основание для определения их как первоочередных смысловых ориентиров для людей.

Анализ данных (Псков, 2019–2020 гг.), свидетельствует о том, что иерархия жизненных ценностей имеет определённые различия в зависимости от самооценок религиозного чувства. Например, для «верующих» более важными ценностями являются «брак, семья» и «дети». Однако в структуре жизненных ценностей и «верующих», и «неверующих» «нравственные нормы, мораль» расположены на предпоследнем месте, «религиозная вера» – на последнем. При этом зафиксирована тесная связь между важностью ценности «нравственные нормы, мораль» и самооценкой религиозного чувства ($V = 0,195^*$). Данная ценность значительно важнее для «верующих», чем для «неверующих» (4,2 и 3,7 балла соответственно).

Изучая смысложизненные ориентиры людей в контексте оценки нравственного состояния общества, исследователи применяют разные подходы. Мы считаем наиболее обоснованным, когда такой анализ проводится с учётом религиозной составляющей. Тем не менее уместно привести некоторые выводы – по результатам иных подходов. В исследовании (общероссийская выборка), в котором изучались смысложизненные ориентиры (хотя, на наш взгляд, вопрос касался больше качества жизни, а не её смысла), проведённом в советский период в 1981–1982 гг., на заданный открытый вопрос «Что для вас означает “хорошо жить”?» респонденты чаще всего отвечали: «быть материально обеспеченным» (35,4%), «иметь хорошую семью, детей» (29,6%), «иметь интересную работу, честно трудиться» (26,2%), «быть здоровым, иметь здоровых близких людей» (18,4%) [30, с. 156]. Результаты исследований в современной России, полученные с помощью анализа критериев успеха человека в жизни (в рамках мегапроекта), выявили аналогичные по содержанию ответы о смысложизненных ориентирах от разных групп россиян¹. Для рабочих (данные за март 2016 г.) признаками жизненного успеха человека являлись, прежде всего: «финансовое благополучие» (58%), «работа, бизнес» (56%), «создание семьи, рождение детей» (55%) [31, с. 49]. Для работающего населения (данные за май 2017 г.) на первых двух местах: «наличие семьи и детей» (67%) и «интересная работа» (51%) [32, с. 126]. В 2022 году респондентам предлагался вопрос о том, что определяет жизненный успех человека в первую очередь. В результате получены всё те же представления россиян о жизненном успехе – это «создание семьи и рождение детей» (59%), «здоровье» (53%) и «финансовое благополучие» (50%) [33, с. 194]. Вообще говоря, данный подход к исследованию смысложизненных ориентаций выводит сам жизненный успех практически в главное смысложизненное понятие, самоцель жизни. В российской же духовно-нравственной традиции, её православном понимании жизненный успех всегда поверяется духовным измерением и служит главной цели и смыслу жизни человека – спасению его души.

В итоге результаты анализа показывают, что смысложизненные ориентиры носят на себе печать несколько искажённого понимания главных нравственных смыслов жизни человека, распространение которого не приостановлено. В силу этого респонденты, отвечая на вопросы о нравственном состоянии общества, склонны вставать на позицию: «я – хороший человек, а в нравственном нездоровье общества виноваты его остальные члены». Из ответов респондентов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, изменились люди и отношения между ними за последние 10–15 лет?» (данные за 2005–2015 гг.) складывается резко негативный тренд – «... буквально обвал традиционно присущих, а, возможно, (если судить по этим данным) приписываемым россиянам качеств – доброжелательно-

¹ Приводятся только те мнения об успехе человека в жизни, которые разделили не менее половины опрошенных.

сти, душевности, искренности, бескорыстия. Ослабление таких качеств отметили 59% – 61% опрошенных. Одновременно с этим, по мнению подавляющего числа опрошенных, произошло усиление проявлений агрессивности, рост цинизма. Хотя нельзя не отметить и то, что в массовом сознании фиксируется замедление подобных тенденций. Если сравнивать полученные данные с результатами исследования, проведенного ИС РАН в 2012 году, то видно, что несколько сократилось (на 9% и 7% соответственно) число тех, кто считает, что эти негативные качества среди россиян усиливаются» [4, с. 355]. Вывод по данным мегапроекта за 2017 год звучит ещё более резко: «как представляется россиянам, они всё больше и больше утрачивают позитивные человеческие качества» [34, с. 329].

Социальная адаптация в контексте критериев оценки духовно-нравственного состояния общества

Анализ социальной адаптации с учётом религиозного чувства, рейтинга нравственных качеств, главных духовно-нравственных смысло-жизненных ориентиров заслуживает особого внимания¹. Нами впервые предпринята попытка анализа взаимосвязей самооценок религиозного чувства и показателей социального самочувствия работающих горожан – по данным исследования в Пскове в 2019–2020 гг. (табл. 5).

Как выяснилось, статистически значимая связь имеется только между самооценками религиозного чувства и удовлетворённостью работой ($V = 0,204^{**}$). Взаимосвязей между самооценками религиозного чувства и удовлетворённостью важнейшими внепроизводственными условиями повседневной жизни (тем, как люди питаются, одеваются, жилищными условиями, материальным положением), а также удовлетворённостью жизнью в целом и личным счастьем зафиксировано не было. При этом оценки нравственного состояния общества хуже, чем оценки условий собственной повседневной жизни. Установлено также, что удовлетворённость нравственным состоянием общества не связана не только с самооценками религиозного чувства, но и с оценками важности для опрошенных ценностей «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль».

В то же время тесная связь ($V = 0,248^{***}$) зафиксирована между оценкой работающими горожанами нравственного состояния общества и логическим индексом субъективного благополучия². При низком уровне субъективного благополучия у респондентов индекс удовлетворённости нравственным состоянием общества – 2,5 балла, при среднем – 2,8 балла, а при высоком – 3,7 балла. При высоком уровне субъективного благополучия большинство (66%) респондентов удовлетворены нравственным состоянием общества, а не удовлетворены им только 10%. При низком

¹ Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России анализировалась по данным исследования, проведённого в апреле 2015 года в рамках мегапроекта [35].

² Индекс субъективного благополучия – логический индекс, вычисляемый на основе двух переменных «удовлетворённость жизнью в целом» и «личное счастье» [36, с. 584–586].

Таблица 5
Социальное самочувствие работающих жителей Пскова в зависимости
от самооценок религиозного чувства, 2019–2020 гг.

Показатели социального самочувствия	Верующие		Стремящиеся к вере		Неверующие		Все опрошенные	
	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс*	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс	Доля вариантов ответов «4+5», %	Индекс
Удовлетворённость работой	72	3,9	53	3,7	61	3,7	61	3,7
Удовлетворённость тем, как питаетесь	70	3,9	68	3,7	71	3,9	69	3,8
Удовлетворённость тем, как одеваетесь	64	3,7	67	3,7	65	3,7	66	3,7
Удовлетворённость жилищными условиями	69	3,8	60	3,6	50	3,5	54	3,6
Удовлетворённость материальным положением	58	3,6	45	3,3	50	3,5	51	3,4
Удовлетворённость жизнью в целом	69	3,8	59	3,6	68	3,8	65	3,7
Личное счастье	93	4,2	84	4,0	81	4,0	87	4,1
Удовлетворённость нравственным состоянием общества	54	3,5	49	3,4	50	3,5	50	3,4
Оценка справедливости в обществе	34	2,8	24	2,5	26	2,7	28	2,7

* Индекс – среднее арифметическое по 5-балльной шкале.

уровне субъективного благополучия удовлетворены нравственным состоянием общества только 29% опрошенных, а не удовлетворены им 46%. В то же время не обнаружено статистически значимых связей между логическим индексом субъективного благополучия и оценками религиозного чувства, важности духовно-нравственных ценностей, мнениями работающих горожан о характеристиках благочестивого поведения христианина.

В нашем исследовании обнаружен фактор, который также тесно связан с оценкой работающими горожанами нравственного состояния общества. Этот фактор – удовлетворённость справедливостью в обществе ($V = 0,244^{**}$)¹. Если респонденты считали, что справедливость в современной России не соблюдается, то индекс удовлетворённости нравственным состоянием общества – 1,6 балла, а если полагали, что справедливость соблюдается, – 4,5 балла. Если респонденты считали, что

¹ Вопрос: «Исходя из Ваших представлений о справедливом обществе, скажите, соблюдается ли в настоящее время справедливость в современной России?».

справедливость в обществе не соблюдается, то только чуть больше трети (36%) были удовлетворены нравственным его состоянием. Среди тех, кто удовлетворён соблюдением справедливости в обществе, удовлетворённых нравственным состоянием абсолютное большинство (71%).

В сознании значительной части респондентов, скорее всего, всё совершается здесь и сейчас, а завершение земной жизни означает конец без какого-либо продолжения. Поэтому в основании их неудовлетворённости постоянно находятся причины, далекие от необходимости стремления к личному духовному и нравственному совершенствованию, так как отсутствует понимание связи между таким стремлением и улучшением жизни в стране.

Данная логика объясняет и динамику удовлетворённости нравственным состоянием общества – по результатам наших повторных исследований. Улучшение материальных факторов имеет своим продолжением рост удовлетворённости нравственным состоянием общества, что видно из данных за последние годы. В Пскове в 2003–2004 гг. были удовлетворены нравственным состоянием общества 17% респондентов, в 2007–2008 гг. – 23%, а в 2019–2020 гг. – 50%, при этом поколенческих различий в оценке нравственного состояния общества не выявлено. Положительная динамика наблюдалась в 2014–2020 гг. и в рабочей среде. Доля рабочих, удовлетворённых нравственным состоянием общества, за этот период выросла почти вдвое и в Пскове (с 30 до 55%), и в Омске (с 19 до 36%). Таким образом, несмотря на то, что выше зафиксирована отрицательная тенденция размывания представлений о качествах-добродетелях и нравственных качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от неё, удовлетворённость работающих горожан нравственным состоянием общества, начиная с начала 2000-х гг. возросла.

Выводы

Анализ духовно-нравственного состояния российского общества с помощью трёх критериев его оценки позволил сформулировать следующие выводы. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что в течение 2000–2021 гг. не происходило поступательного усиления религиозного чувства работающих горожан. Наши данные не выявили статистически значимых поколенческих различий у работающих горожан, а также региональной дифференциации в характере самооценок религиозного чувства, за исключением студенческой молодёжи, самооценки религиозного чувства которой имеют территориальные особенности. Внушает оптимизм практически не снижающаяся с 2003 года и значительная доля «верующих» детей – по оценкам их «верующих» родителей и даже родителей, «стремящихся к вере». Немалое число таких детей в семьях «верующих» родителей из младшего поколения. Важным выводом является наличие статистически значимой связи между важностью ценности «религиозная

вера» и важностью ценности «нравственные нормы, мораль» для разных групп городских жителей. Анализ динамики времядеятельностных показателей реализации религиозного чувства выявил стабильные весьма низкие показатели времени, отводимого на религиозную деятельность. Тем не менее выявленные тенденции динамики религиозного чувства (первый критерий) не содержат в себе достаточных признаков приближающегося кризиса духовно-нравственного состояния общества.

Анализ характеристик нравственного выбора горожан (второй критерий) выявил, что из 17 нравственных качеств-добродетелей только 8 считаются нормой подавляющим большинством работающих горожан и студенческой молодёжью, это: «чувство долга», «жить своим трудом», «верность, честность», «верность семье, детям», «терпение», «совестливость», «отзывчивость, стремление заступиться за обиженного», «жизнерадостность, оптимизм». Качества «довольствоваться, тем, что имеешь», «отдавать лучше, чем брать» нормой чаще считают «верующие», а также те, для которых «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль» более важны. Выявлено 4 нравственных качества, которые расцениваются большинством работающих горожан и студенческой молодёжи как отступление от нормы: «сквернословие», «уныние», «иметь внебрачные связи», «чревоугодие». Оценка динамики нравственного выбора горожан показала наличие тенденции размывания представлений о качествах-добродетелях и качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от нормы. Развитие этой тенденции может повести общество в сторону, противоположную от традиционных духовно-нравственных смыслов.

Анализ смысло-жизненных ориентиров, проведённый через идентификацию их с важностью жизненных ценностей, показал, что доминирующими у работающих городских жителей в современной России остаются «физическое здоровье», «материальное благополучие», «труд для заработка», «дети», «брак, семья». При этом для верующих более важными являются «брак, семья» и «дети». За период 2003–2020 гг. у работающих городских жителей важность «религиозной веры» несколько повысилась, а важность «нравственных норм, морали», напротив, снизилась. Ценность «религиозная вера» по-прежнему на последнем месте и у верующих, и у неверующих. Наблюдается когнитивный диссонанс между различными критериями, которые были использованы для анализа духовно-нравственного состояния российского общества. Оценки нравственного состояния российского общества у работающих горожан повысились к 2019–2020 гг., несмотря на тенденцию размывания представлений о качествах-добродетелях и качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от нормы. При этом они находятся на весьма низком уровне и, как правило, хуже, чем оценки основных сторон своей собственной повседневной жизни и у верующих, и у неверующих. Установлено, что оценки нравственного состояния общества не связаны не только с самооценками религиозного чувства, но и с оценками важности

для опрошенных ценностей «религиозная вера» и «нравственные нормы, мораль». В то же время оценки нравственного состояния общества тесно связаны с обобщёнными оценками субъективного благополучия и оценками справедливости в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 11. Религия в российском обществе: логика изменения статуса и роли. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 64 с. ISBN 978-5-89697-395-9.
2. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / М. М. Мчедлова, А. В. Логинов, В. М. Гундяев [и др.] ; отв. ред. М. П. Мчедлов ; Российская академия наук, Институт социологии. Москва : Институт социологии Российской академии наук, 2008. 415 с. ISBN 978-5-89697-154-2. EDN **PCXPUE**.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2015. 336 с. ISBN 978-5-7777-0593-8. EDN **TRLPKH**.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь Мир, 2015. 432 с. ISBN 978-5-7777-0604-1. EDN **VNKUTL**.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2016. 424 с. ISBN 978-5-7777-0630-0. EDN **WEWCVD**.
6. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2016. 400 с. ISBN 978-5-7777-0630-8. EDN **XVUERT**.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017. 427 с. ISBN 978-5-7777-0687-4. EDN **YYWQBH**.
8. Этническое и религиозное многообразие России / В. А. Тишков, В. В. Степанов, В. В. Амелин [и др.] ; под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. 561 с. ISBN 978-5-4211-0205-2. EDN **YVBWXE**.
9. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 7–21. DOI **10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21**. EDN **GCZVIC**.
10. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2021. С. 462–483. DOI **10.19181/ezheg.2021.20**. EDN **UXGAML**.
11. Подлесная М. А., Ильина И. В. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 1 // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 3. С. 32–41. DOI **10.33581/2521-6821-2022-3-32-41**. EDN **KACRYJ**.
12. Подлесная М. А., Ильина И. В. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 2 // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 4. С. 34–41. DOI **10.33581/2521-6821-2022-4-34-41**. EDN **JKUUEJ**.

13. Православная и атеистическая молодёжь: ценностные ориентации, культурные предпочтения и историческая память / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, Е. Н. Кофанова, А. Г. Шевченко // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 437–478. EDN **ZFBEGD**.
14. Ван Х., Манеров В. Х., Фрай А. Е. Совесть: история познания, состояние в современной России, представления студентов. Часть 2. Представления студенческой молодёжи о совести: кросс-культурные различия, эволюция во времени, влияние духовной жизни // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 1. С. 80–86. DOI [10.33910/2686-9527-2021-3-1-80-86](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-80-86). EDN **INEFKH**.
15. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Богдан И. В. Универсализм ценностей студенческой молодёжи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, №1 . С. 97–109. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109). EDN **SZDMTN**.
16. Юревич А. В. Эмпирическая оценка нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179. DOI [10.24411/1813-145X-2018-10111](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10111). EDN **XYPVDV**.
17. СоциоДиггер. 2021. Т. 2, Вып. 8 (13): Религиозный активизм. 101 с.
18. Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 304 с. ISBN 5-8291-0359-1. EDN **SULLZJ**.
19. Лексин В. Н. «Другие»: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. Социология. Этнология. 2008. № 1. С. 147–188. EDN **ITRIJ**.
20. Караханова Т. М. Некоторые подходы к исследованию религиозно-нравственного состояния общества // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : Изд-во Института социологии РАН, 1999. С. 110–124. EDN **UKXSIZ**.
21. Караханова Т. М. Нравственная составляющая образа жизни горожан // Образ жизни горожан в объективных и субъективных показателях / Отв. ред. Т. М. Караханова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2002. С. 33–42.
22. Караханова Т. М. Жизненные ценности городских жителей // Ценности повседневной деятельности горожан / Отв. ред. Т. М. Караханова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2004. С. 6–27. EDN **SRSUFL**.
23. Бессокирная Г. П. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова, Т. М. Караханова. Москва : Институт социологии РАН, 2010. 344 с. ISBN 978-5-89697-185-6. EDN **QOMLAB**.
24. Токарева С. Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. 256 с. ISBN 5-85534-872-5. EDN **QWGFGT**.
25. Нефедов Г., протоиерей. Основы христианской нравственности. М. : Сибирская благовонница, 2008. 287 с. ISBN 5-88060-071-8. EDN **QUNKYB**.
26. Караханова Т. М. Изменения в религиозном самоопределении и его отражении в жизнедеятельности городских жителей: 1965–1998 гг. // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах / Отв. ред. Т. М. Караханова. М. : Институт социологии РАН, 2001. С. 59–72.
27. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия: Дух, душа и тело. Ростов на Дону : Троицкое слово, Сибирская Благовонница, 2001. 317 с. ISBN 5-222-01795-8.
28. Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. М. : Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 1994. 240 с.

29. *Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А.* Рабочая и студенческая молодёжь: ценности повседневной жизни, бюджет времени // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 40–58. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8432](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8432). EDN [XHHNCS](#).
30. *Возьмитель А. А.* Ценностно-нормативное содержание образа жизни в советской и постсоветской России // Россия реформирующаяся : ежегодник : Вып. 8 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН, 2009. С. 150–167. EDN [PVTJAP](#).
31. *Латова Н. В.* Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность // Terra Economicus. 2022. Т. 20, № 4. С. 99–114. DOI [10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114). EDN [SXTYUA](#).
32. *Темницкий А. Л.* Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3 (26). С. 121–142. DOI [10.19181/vis.2018.26.3.529](https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529). EDN [YWAGXZ](#).
33. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2022. 284 с. DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984). EDN [GJITZD](#).
34. *Андреев А. Л.* Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 16 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2018. С. 319–347. DOI [10.19181/ezheg.2018.14](https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.14). EDN [XUOHFB](#).
35. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко, Е. Н. Кофанова // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 14 / Отв. ред. М. К. Горшков ; Институт социологии РАН. Москва : Новый хронограф, 2016. С. 468–495. EDN [WBLZPP](#).
36. *Татарова Г. Г., Кученкова А. В.* «Удовлетворённость жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 565–589. DOI [10.19181/ezheg.2020.24](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24). EDN [FRWRDQ](#).

Сведения об авторах

Г. П. Бессокирная

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
AuthorID РИНЦ: [74344](#)

О. А. Большакова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
AuthorID РИНЦ: [738446](#)

Т. М. Караханова

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
AuthorID РИНЦ: [74345](#)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 11.06.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1)

EXPERIENCE OF INVESTIGATING THE SPIRITUAL AND MORAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY

Galina Petrovna Bessokirnaya¹

Olga Aleksandrovna Bolshakova²

Tatiana Murtazaevna Karakhanova³

^{1, 2, 3} Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

¹ gala@isras.ru,

ORCID [0000-0001-7099-7772](https://orcid.org/0000-0001-7099-7772)

² baolga7@rambler.ru,

ORCID [0000-0003-2501-6001](https://orcid.org/0000-0003-2501-6001)

³ patruhev@isras.ru,

ORCID [0000-0002-6497-9188](https://orcid.org/0000-0002-6497-9188)

For citation: Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. Experience of investigating the spiritual and moral state of Russian society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):6–36. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.1).

Abstract. This article examines the spiritual and moral state of Russian society based on repeated studies conducted between 2003 and 2020 in the regional centres of seven regions of the Russian Federation. The study analyses self-assessments of religious feelings and the importance of values such as “moral qualities”, “religious faith” and “religious activity.” It also explores perceptions of moral norms and deviations from them, as well as the life orientations of various urban population groups. The value of “moral norms and morality” has been and remains important for the majority of urban dwellers, although its significance is gradually decreasing. The importance of values such as “religious faith” and especially “religious activity” is substantially lower, but they remain important for a minority. There is a correlation between the importance of “moral norms and morality” and the importance of “religious faith”. The spiritual and moral values of urban residents are reflected in their actual time spent on religious activities, that, however, is relatively modest. Urban dwellers’ perceptions of moral virtues as norms remain stable and identical for both working citizens and students. Among the dominant life orientations of urban dwellers are “material well-being”, “physical health”, “work for earnings”, “children”, and “marriage, family”. For the religious, values like “children” and “marriage, family” are more significant. Evaluations of various aspects of daily life practically do not differ between believers and non-believers. According to self-assessments of respondents, the moral state of Russian society is improving, despite signs of blurring distinctions between virtues and non-virtues as norms and deviations from norms observed between 2007 and 2020. However, evaluations of the moral state of Russian society by urban dwellers are lower than their assessments of the conditions of their daily lives and their social well-being. Negative assessments of justice in Russian society influence evaluations of its moral state. The preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values will contribute to the social adaptation of urban residents in the new social reality.

Keywords: religious faith, spiritual and moral values, moral qualities-virtues, life-meaning indicators, social adaptation, urban dwellers

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., ed. Religion in Russian society: the logic of changing the status and role. Scientific notes of the FNISC RAS. [Religija v rossijskom obshhestve: logika izmenenija statusa i roli. Uchjonye zapiski FNISCz RAN]. 2022;(11). Moscow : FNISCz RAN. 64 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-395.
2. Mchedlov M. P., ed. Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes. [Religija v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnykh processakh)]. Moscow : Institut sociologii RAN; 2008. 415 p. (In Russ.).
3. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., eds. Russian society and challenges of the time. The first book. [Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja]. Moscow : Ves' Mir; 2015. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0593-8.
4. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., eds. Russian society and challenges of the time. The second book. [Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja]. Moscow : Ves' Mir; 2015. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0604-1.
5. Gorshkov M. K., Tikhonov N. E., eds. Russian society and challenges of the time. The third book. [Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ja]. Moscow : Ves' Mir; 2016. 424 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0630-0.
6. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., eds. Russian society and challenges of the time. The fourth book. [Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja]. Moscow : Ves' Mir; 2016. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0630-8.
7. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., eds. Russian society and challenges of the time. The fifth book. [Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja]. Moscow : Ves' Mir; 2017. 427 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0687-4.
8. Tishkov V. A., Stepanov V. V., eds. Ethnic and religious diversity of Russia. [Ehtnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii]. Moscow : IEA RAS; 2018. 561 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4211-0205-2.
9. Mchedlova M. M., Kofanova E. N. Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Sociopolitical Preferences. *RUDN Journal of Political Science=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2020;(1):7–21. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21).
10. Mchedlova M. M., Kofanova E. N., Shevchenko A. G. Religion in a pandemic: attitude to the digitalization of religious practices. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Novy`j Xronograf; 2021;19:462–483. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2021](https://doi.org/10.19181/ezheg.2021).
11. Podlesnaya M. A., Ilyina I. V. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 1. *Journal of the Belarusian State University. Sociology=Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*. 2022;(3):32–41. (In Russ.). DOI [10.33581/2521-6821-2022-3-32-41](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-32-41).
12. Podlesnaya M. A., Ilyina I. V. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 2. *Journal of the Belarusian State University. Sociology=Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*. 2022;(4):34–41. (In Russ.). DOI [10.33581/2521-6821-2022-4-34-41](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-34-41).
13. Mchedlova M. M., Gavrilov Yu. A., Kofanova E. N., Shevchenko A. G. Orthodox and atheistic youth: value orientations, cultural preferences and historical memory. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodni*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Novy`j Xronograf; 2017;15:437–478. (In Russ.).
14. Wang H., Manerov V. Kh., Frai A.E. Conscience: Historical overview of research, state-of-the-art in modern Russia, students' views. Part 2. Students'

- perceptions of conscience: Cross-cultural differences, evolution in time, the impact of spiritual life. *Psychology in Education*. 2021;3(1):80–86. (In Russ.). DOI [10.33910/2686-9527-2021-3-1-80-86](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-80-86).
15. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Bogdan I. V. Universalism of student youth values and the development of Russian society. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*. 2021;21(1):97–109. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109).
 16. Yurevich A. V. Empirical Estimates of Modern Russian Society's Morals. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin=Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2018;(4):168–179. (In Russ.) DOI [10.24411/1813-145X-2018-10111](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10111).
 17. Religious activism. *SocioDigger=SocioDigger*. 2021;2(8).101 p. (In Russ.).
 18. Chesnokova V. F. A narrow path: The process of churching of Russian population at the end of the XX century [Tesnym putem: process vocerkovlenija nasele-nija Rossii v konce XX veka]. Moscow : Akademicheskij proekt; 2005. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0359-1.
 19. Leksin V. N. "Others": believers and non-believers in everyday life. *Mir Ros-sii. Sociologiya. E`tnologiya=The Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2008;(1):147–188. (In Russ.).
 20. Karakhanova T. M. Some approaches to the study of the religious and moral state of society. In: Daily life and labor behavior of the working population [Povsed-nevnaja zhiznedejatel'nost' i trudovoe povedenie rabotajushhego naselenija]. Moscow : Institut sotsiologii RAN; 1999. P. 110–124. (In Russ.).
 21. Karakhanova T. M. The moral component of the lifestyle of citizens. In: Lifestyle of citizens in objective and subjective indicators [Obraz zhizni gorozhan v ob`ektivnykh i sub`ektivnykh pokazatel'jakh]. Ed. by T. M. Karakhanova. Moscow : Institut sotsiologii RAN; 2002. P. 33–42. (In Russ.).
 22. Karakhanova T. M. Life values of urban residents. In: Values of everyday activity of citizens [Cennosti povsednevnoi deyatelnosti gorozhan]. Ed. by T. M. Karakha-nova. Moscow : Institut sotsiologii RAN; 2004. P. 6–27. (In Russ.).
 23. Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. Daily activities of urban residents during the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008) [Povsednevnaia dejatel'nost' gorodskikh zhitelej v gody reform: bjudzhet vremeni, cennosti, tendencii (1986-2008)]. Ed. by T. M. Karakhanova. Moscow : Institut sociologii RAN; 2010. 344 p. ISBN 978-5-89697-185-6. (In Russ.).
 24. Tokareva S. B. The Issue of Spiritual Experience and Methodological Foundations for the Analysis of Spirituality [Problema duhovnogo opyta i metodologicheskie osnovaniya analiza duhovnosti]. Volgograd : VolGU; 2003. 256 p. ISBN 5-85534-872-5. (In Russ.).
 25. Gennady (Nefedov), archpriest. Fundamentals of Christian morality [Osnovy khristianskoj npravstvennosti]. Moscow : Palomnik; Sibirskaia Blagozvonnica; 2008. 287 p. ISBN 5-88060-071-8. (In Russ.).
 26. Karakhanova T. M. Changes in religious self-determination and its reflection in the life of urban residents: 1965–1998. In: Budget of time and changes in the life of urban residents in 1965–1998 [Bjudzhet vremeni i peremeny v zhiznedeja-tel'nosti gorodskikh zhitelej v 1965–1998 godakh]. Ed. by T. M. Karakhanova. Moscow : Institut sociologii RAN; 2001. P. 59–72. (In Russ.).
 27. St. Luke (Voino-Yasenetsky). Spirit, soul and body [Dukh, dusha i telo]. Rostov-on-Don : Troickoe slovo, Sibirskaia Blagozvonnica; 2001. 317 p. (In Russ.).
 28. Platon (Igumnov), archpriest. Orthodox Moral Theology [Pravoslavnoe npravstven-noe bogoslovie]. Moscow : Svjato-Troic. Sergieva Lavra; 1994. 240 p. (In Russ.).
 29. Karakhanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Working and Student Youth: Values of Everyday Life, Time Budget. *Sociological science and social*

- practice=Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. 2021;9(3):40–58. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8432](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8432).
30. Voz'mitel' A. A. Value-normative content of lifestyle in Soviet and post-Soviet Russia. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Institut sociologii RAN; 2009;8:150–168. (In Russ.).
 31. Latova N. V. The human potential of Russian workers: values and attitudes. *Journal of Institutional Research=Zhurnal institutsionalnih issledovanii*. 2018;10(2):44–58. (In Russ.). DOI [10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114).
 32. Temnitskiy A. L. Life success values and their fulfillment for Russia's working population. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotziologii*. 2018;9(3):121–142. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2018.26.3.529](https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529).
 33. Sedova N. N. Meaningful attitudes of Russians in the context of their personal interests. In: Russian society and challenges of the time. The sixth book [*Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga shestaja*]. Ed. by M. K. Gorshkov and N. E. Tikhonova. Moscow : Ves' Mir; 2022. P. 194–201. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984).
 34. Andreev A. L. Post-soviet Russian society: social well-being, historical memory, ideals and values. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Novy`j Xronograf; 2018;16:319–347. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2018.14](https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.14).
 35. Mchedlova M. M., Gavrilov Yu. A., Kofanova E. N., Shevchenko A. G. The role of the religious factor in social adaptation in Russia. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Novy`j Xronograf; 2016;14:468–495. (In Russ.).
 36. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. “Life satisfaction” and “personal happiness” in the sociological dimension of subjective well-being. *Reforming Russia: yearbook=Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : Novy`j Xronograf; 2020;16:565–589. (In Russ.) DOI [10.19181/ezheg.2020.24](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24).

Information about the Authors

G. P. Bessokirnaya

Candidate of Economics,
Senior Researcher
ResearcherID: [T-9819-2018](https://orcid.org/0009-0001-9181-2018)
Scopus AuthorID: [6504478999](https://orcid.org/0009-0001-9181-2018)

O. A. Bolshakova

Candidate of Sociology,
Senior Researcher
ResearcherID: [T-6194-2018](https://orcid.org/0009-0001-9181-2018)

T. M. Karakhanova

Candidate of Economics,
Leading Researcher
ResearcherID: [U-1727-2018](https://orcid.org/0009-0001-9181-2018)
Scopus AuthorID: [6503934394](https://orcid.org/0009-0001-9181-2018)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 11.06.2023.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЁЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Евгений Александрович Авдеев¹
Сергей Михайлович Воробьев²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия,

¹ ewg.avdeev@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-4004-9610

² sergey_vorobev_54@mail.ru,

ORCID 0000-0002-8893-2595

Для цитирования: Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодёжи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 37–54. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.2. EDN LOPDWI.

Аннотация. Проблема сформированности и устойчивости общероссийской идентичности молодёжи приобрела особую актуальность и значимость в условиях возрастающих геополитических рисков и социокультурной конфронтации. В ценностно-мировоззренческих основах идентичности студентов наглядно проявляются противоречия между двумя основными социокультурными кодами: традиционным и современным. Разрешение данного противоречия может привести к повышению устойчивости общероссийской идентичности либо к постепенному её ослаблению. Результаты исследования свидетельствуют, что основные элементы традиционной российской ценностной матрицы сохраняют своё значение как основы общероссийской идентичности. Отсутствие значимых различий в оценках респондентов из числа русского и северокавказских народов, православных и мусульман свидетельствует об интегративной роли традиционных российских ценностей для народов, обладающих различными этнокультурными идентичностями. В иерархии идентичностей приоритетной для респондентов является локальная. Далее следуют общероссийская гражданская, ценностно-мировоззренческая и этнокультурная идентичности, принадлежность к «русскому миру». Маркёром ценностно-мировоззренческих различий между традиционалистами-коллективистами и модернистами-индивидуалистами является отношение к религии. Выявлено наличие статистически значимых различий в позициях нерелигиозных респондентов и верующих. Респонденты, не относящие себя ни к какому вероисповеданию, обладают менее выраженными этнокультурными и религиозными основаниями идентичности. Сформированность традиционных основ общероссийской идентичности молодёжи интерпретируется как свидетельство высокой степени общенациональной консолидации в полиэтничной молодёжной среде. Значимость традиционных идентификационных ценностей косвенно подтверждает наличие

частичной деполитизации идентичности, её переход в социокультурное измерение, что снижает риски этнополитической конфликтности.

Ключевые слова: молодёжь, Северный Кавказ, общероссийская идентичность, традиционные ценности, полиэтничность, поликонфессиональность

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

Введение: постановка проблемы

Проблема сформированности и устойчивости общероссийской идентичности приобрела особую актуальность и значимость на этапе становления современной России. Этот процесс сопровождался болезненной для общества утратой прежних традиционных идентификационных ценностей, обострением межэтнических отношений, национализмом и сепаратизмом. Резко усложнившаяся в настоящее время геополитическая ситуация, продолжающаяся конфронтация России и коллективно-Запада, усиливают значение ценностных оснований общероссийской идентичности, являющейся краеугольным камнем российской государственности. В ценностно-мировоззренческих основах идентичности современной молодёжи наглядно проявляются противоречия между традиционными и современными ценностными идентификационными основаниями. Снижение значимости традиционных оснований идентичности может привести к размыванию российского самосознания у молодёжи. Дальнейшие модернизационные процессы предполагают расширение степени значимости современных ценностей в идентичности российской молодёжи. Необходимы адекватные политические и управленческие решения государственной власти и общества по сохранению традиционных ценностных основ общероссийской идентичности в молодёжной среде, изучению их смыслового содержания и направления динамики.

В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается необходимость защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, являющихся основой общероссийской идентичности. В ней определены базовые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 30.03.2023).

Русская православная церковь также сформировала свою позицию в отношении традиционных ценностных основ общероссийской идентичности. В резолюции Всемирного Русского Народного Собора «Базисные ценности – основа общенациональной идентичности» были предложены следующие ценности: вера, справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура и национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение и жертвенность [1]. Следует отметить близость основных теоретико-методологических подходов власти и русской православной церкви в определении основных ценностей, составляющих ядро общероссийской идентичности, своеобразного цивилизационного кода России. Можно допустить невысокую степень воздействия на молодежь декларируемых ценностных основ, размытость их смыслового содержания. В. А. Тишков отмечает и возможные угрозы, связанные со стремлением конструирования общероссийской идентичности только на основе представлений об особом цивилизационном коде, которые, по его мнению, несут «в себе риск изоляционизма и исключительности, отторжение культурно-сложной природы общества и государства» [2, с. 269].

Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности были подвержены серьёзным изменениям в процессе модернизации России в течение всего XX в. Данный период характеризуется трансформацией ценностей, происходившей под влиянием активной секуляризации и урбанизации российского общества. Р. Инглхарт и К. Вельцель рассматривали два основных этапа ценностных изменений в процессе модернизации. Первая стадия характеризуется переходом от традиционных религиозных ценностей к секулярно-рациональным, она сопровождает движение от аграрного к индустриальному обществу. Вторая стадия характеризует процесс перехода от индустриального к постиндустриальному этапу, в ней происходит движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения и развития. Сам переход от индустриальных к постиндустриальным ценностям носит поколенческий характер [3; 4]. Р. Инглхарт отмечал, что в процессе социального развития, особенно при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, происходит снижение роли религии и традиционных ценностно-религиозных основ жизни людей [5].

Современная Россия движется к постиндустриальному обществу. Это движение характеризуется, особенно в молодежной среде, тенденцией, направленной на индивидуализм, мировоззренческий плюрализм, горизонтальный тип социальных отношений и консюмеризм. Наряду с этим в российском обществе начинает преобладать консервативный дискурс, предполагающий опору на традиции в поиске социокультурного кода нации и определении суверенного пути развития страны. В современной России «столкнулись прошлое с будущим, система общинно-коллективистских ценностей с индивидуалистической моралью» [6, с. 407]. Необходимо конвертировать традиционные ценностные основы в ресурс развития, что

предполагает возрастание значимости объединяющих социокультурных начал, исторических нарративов и духовно-нравственных ценностей, укоренённых в российском обществе. Традиционные духовно-нравственные ценности выступают основой устойчивости и функциональности социальных институтов, обеспечивающих развитие. Значимость созидательного потенциала общероссийской идентичности зависит от того, насколько её разделяет многонациональный народ России, насколько сформировано у молодёжи чувство принадлежности к основным смыслам и ценностям общенациональной истории и культуры. Не менее важен и образ будущего, формируемый на традиционном ценностном базисе и определяющий понятные для российского народа цели, смыслы и ориентиры.

Северокавказский регион отличается ярко выраженной полиэтничностью и поликонфессиональностью. Сложившиеся в нём этнокультурные нормы и ценности, высокая значимость традиционных социальных институтов и практик определяют специфику формирования общероссийской идентичности. Ценностное содержание идентичности характеризуется большим консерватизмом и традиционализмом, современные ценности не так ярко выражены. При этом для молодёжи, во многом существующей в глобальной инфокоммуникационной среде, современные ценности приобретают всё большее значение. В полиэтничной молодёжной среде северокавказского региона происходит взаимодействие традиционных и современных ценностей, характеризующееся взаимовлиянием традиционалистских и модернистских ценностных установок, возможной социокультурной конфликтностью. Значимость традиционных и современных ценностей по-прежнему зависит от принадлежности к определённым этноконфессиональным группам. В целом в сознании молодёжи снижается значимость традиционных ценностей и жизненных стратегий предыдущих поколений. Трансформация традиционного социального уклада, активные миграционные процессы, разнонаправленная глобализация определяют остроту социокультурных противоречий на Северном Кавказе, носящих межпоколенческий характер [7, с. 99].

Предметом анализа в статье является определение степени значимости для молодёжи Северного Кавказа базовых традиционных ценностных основ общероссийской идентичности: патриотизм, российская государственность, русский язык, российская культура и история, традиционная семья, религиозные традиции, коллективизм и социальная иерархия, эмоциональная связь и чувство общности с Россией. В условиях усложняющейся геополитической ситуации, размытость и несформированность ценностных основ общероссийской идентичности молодёжи может привести к социокультурной конфликтности, стиранию российского социокультурного кода, утрате гражданской консолидации и снижению уровня национальной сплочённости россиян. Оценки и представления молодёжи выступают значимым индикатором общественных настроений и степени сформированности общероссийской идентичности.

Теоретико-методологические подходы к исследованию ценностных оснований общероссийской идентичности

Ценностно-мировоззренческие основы общероссийской идентичности молодёжи определяют принадлежность индивида к российскому обществу и формируются на основе российской культуры, общих социальных институтов и практик. Наиболее значимы при этом такие сообщества, члены которых определяют и формируют значимые для коллективной самоидентификации ценности и смыслы. Сформированные ценности являются социальным конструктом, т. к. они выступают в качестве референтной системы координат, с которой индивид себя отождествляет. Они являются основами идентичности, имеющими социокультурную природу, определяют смысловое наполнение российских политических и правовых институтов, лежат в основе гражданского самосознания и испытывают влияние политико-институциональных перемен. Эти ценности становятся «зонтичным» конструктом и являются собирательной характеристикой оснований и смыслов, объединяющих российское общество и воплощающихся в межкультурных коммуникациях.

Ценностные основания идентичности молодёжи формируются в ходе социализации путём взаимодействия с другими людьми. При этом происходит соединение индивидуальных и коллективных оценок, формирование объединяющих социокультурных практик, наполняющих конструкт групповой идентичности ценностями и смыслами. Формирующаяся идентичность даёт возможность осмыслить и соотнести себя с другими, определить своё место в быстро меняющемся мире. Исследовательская ценность концепта «идентичность» заключается в том, что он позволяет «соединить индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, зафиксировать состояние и одновременно отразить динамику представлений человека о своём месте в мире и о своём «я»» [8, с. 21]. М. К. Горшков и Ф. И. Шереги, анализируя ценностные основания идентичности молодого поколения, подчёркивают, что «в условиях трансформации российского общества молодёжь представляет собой социальную ценность и общественное достояние, которое государство и общество должны хранить, заботясь о постоянном пополнении и продуктивном использовании её потенциала» [9, с. 663].

Большой вклад в изучение социокультурных основ идентичности россиян, разработку теоретико-методологических подходов и методик исследования идентичности, внесли многочисленные исследования, проводившиеся учёными Института социологии ФНИСЦ РАН [10; 11; 12; 13]. Пристальное внимание российским научным сообществом было уделено исследованию ценностно-смысловых основ общероссийской идентичности. Л. М. Дробижева определяла общероссийскую идентичность как «отождествление себя с общностью, представления о ней, эмоциональное переживание этих представлений (гордость, патриотизм) и

готовность к действию» [14, с. 484]. Особое значение при исследовании общероссийской идентичности отечественные учёные уделяют проблеме интеграции различных народов и культур. Выявление объединяющих ценностных и культурных основ общей исторической судьбы позволит наполнить гражданско-политическую платформу общероссийской идентичности глубинным социокультурным содержанием. В. А. Тишков подчёркивает, что «российская народ-нация – не результат унификации, а солидарное этническое многообразие», характеризующееся высокой степенью социально-политического и историко-культурного единства [2, с. 273]. М. К. Горшков и И. О. Тюрина подчёркивали значимость «синтеза гражданского и этнонационального сознания», который позволит включить в конструкт общероссийской идентичности уникальные социокультурные черты каждого народа России [15, с. 53]. Исследование смыслового содержания общероссийской идентичности, проводившееся Л. М. Дробижевой, Е. М. Арутюновой, С. В. Рыжовой и другими, показало, что у россиян не сложилось общего понимания смыслового наполнения общероссийской идентичности, были выявлены значительные различия в представлениях об этом. Гражданская составляющая идентичности имеет меньшее значение, чем её культурные характеристики [16, с. 262–263].

Специфика ценностно-смыслового содержания общероссийской идентичности населения Юга России изучалась Г. С. Денисовой, В. И. Денисовым и С. Я. Суцким. Результаты их исследований показали, что ценностно-смысловое содержание понятия «российская нация» неоднозначно интерпретируется полиэтничным населением. Такие ценностные установки как патриотизм и русская культура неоднозначно определяются различными этническими группами [17, с. 140–141]. Содержание и динамика трансформации общероссийской и этнической идентичности молодёжи региона исследовались В. А. Авксентьевым и Б. В. Аксюмовым. За 12 лет с 2009 по 2022 гг. существенного укрепления общероссийской идентичности ими не выявлено. В оценках респондентов из числа народов Кавказа сохраняется дисбаланс между общероссийской и этнической идентичностью в пользу последней. При этом в конструкте общероссийской идентичности возрастает значение её историко-культурного содержания [18].

Методология и эмпирическая база исследования

Основной задачей исследования стало определение степени сформированности традиционных основ общероссийской идентичности у полиэтничной молодёжи Северного Кавказа, выявление общих представлений о традиционных ценностях, имеющих надэтнический характер, определение этнокультурных различий восприятия молодыми людьми традиционных ценностей. Решение этой задачи позволит оценить интегративную роль общероссийской идентичности, степень значимости

социокультурных основ, её сформированность и устойчивость в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. В исследовании рассматривались основные элементы российской ценностной матрицы: религиозные традиции, коллективизм и родственные отношения, сильная и авторитетная власть, гражданская общность и государственничество, заключающиеся в патриотизме и ответственности за судьбу страны, семья, являющаяся базовой ценностью. Традиционная ценностная матрица выступает «генетическим кодом» России, образуя его информационно-коммуникативную структуру и сохраняя накопленное ядро культурного капитала в форме ценностей, традиций, обычаев и социальных практик, цементирующих российское общество [19].

Содержание общероссийской гражданской идентичности молодежи Северного Кавказа рассматривалось через призму ценностно-символического, гражданско-политического и эмоционально-чувственного компонентов. Ценностно-символическая составляющая определялась по степени значимости представлений молодых людей о российском государстве и его истории, русского языка и российской культуры, национальных традиций и обычаев. Гражданско-политический компонент оценивался путём выявления представлений молодежи о значимости исторической правды, гордости за Россию, принадлежности к великой державе и готовности защищать свою страну. Эмоциональная составляющая определялась путём замера субъективного восприятия образа «Мы», предполагающего ощущение близости, общности и солидарности с гражданами России, малой Родиной, людьми, придерживающимися таких же обычаев и традиций, ценностей и представлений о жизни, говорящих на русском языке и относящих себя к российской культуре. Место общероссийской идентичности в иерархии основных идентичностей (локальная, ценностно-мировоззренческая, этнокультурная, принадлежность к «русскому миру») определялась путём замера значимости и приоритетности самоидентификации с различными рефератными группами.

Гипотезой являлось предположение о наличии различий в позициях респондентов в зависимости от этнической принадлежности и отношения к религии. Религиозные основы идентичности являются более значимым ценностно-мировоззренческим фактором, чем этническая принадлежность. Наиболее существенными являются ценностно-мировоззренческие различия, которые условно могут быть описаны как традиционалистские и модернистские.

Эмпирические данные, ставшие основой исследования традиционных ценностных оснований общероссийской идентичности молодежи Северного Кавказа, были получены методом опроса-анкетирования, проводившегося в феврале – марте 2023 г. среди студентов ведущих вузов Северного Кавказа: Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставропольский государ-

ственный медицинский университет и Пятигорский государственный университет. Процедуру формирования выборки можно обозначить как «самоотбор». Контакт с респондентами осуществлялся дистанционно, молодые люди участвовали в онлайн опросе по собственной инициативе, принимая предложение стать участниками исследования. Анкета рассылалась по электронной почте и в мессенджерах преподавателями и кураторами студенческих групп. Были определены следующие квоты: объём выборки – 1400 респондентов в возрасте 18–24 года, 52% из которых девушки, 48% – юноши, 45% – этнические русские, 55% – респонденты из числа других народов. В ходе опроса проводилась корректировка выборки в режиме реального времени. Выбор в качестве объекта наблюдений студентов обусловлен значительной долей этой группы в когорте молодёжи 18–24 г. и её социальной активностью. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический и конфессиональный состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую и религиозную принадлежность. По результатам обработки данных опроса были выделены следующие группы: 45% русских респондентов, 45% – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10% составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам; 43% – православные, 33% – мусульмане и 20% – не относящие себя ни к какому вероисповеданию. Для оценки значимости базовых традиционных ценностей, сформированности общероссийской идентичности была использована 5-частная шкала Ликерта. Ответы были переведены в баллы. Максимальная оценка (5 баллов) свидетельствует о самой высокой степени значимости для респондентов ценностно-символических, гражданско-политических и эмоционально-чувственных компонентов общероссийской идентичности. На этапе обработки данных был осуществлён однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения влияния этнической принадлежности и отношения к религии на установки респондентов. На его основе была выявлена статистически значимая разница в ответах сравниваемых совокупностей. Для выявления различий в средних значениях данных различных групп респондентов был проведён тест Шеффе.

Результаты исследования

Определение степени значимости традиционных ценностных основ общероссийской идентичности проводилось путём анализа оценок респондентами ряда базовых традиционных ценностей. Наибольшей значимостью обладает любовь к Родине (4,51 балла). Следующей по значимости ценностной основой являются родственные отношения и коллективизм (4,48 балла). Не менее значимы также послушание и уважение старших (4,33 балла), традиционные семейные ценности (4,31 балла). Уважение и послушание по отношению к старшим являются более важными для респондентов из числа народов Северного Кавказа, чем для русских. Зна-

чительна для молодых людей и роль сильного суверенного государства (4,22 балла). Менее значима для респондентов ценность религиозных традиций (3,89 балла), сильной и авторитетной власти (3,8 балла). При этом для мусульман она имеет меньшее значение, чем для православных. Выявлены различия между представителями русских и народов Северного Кавказа в оценках важности религиозных традиций. Наибольшую роль они играют в жизни мусульманской молодежи. В целом различия в оценках по национальному признаку незначительны. Наименьшее значение традиционные ценности имеют для молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию. Ценностно-мировоззренческие различия между молодыми людьми в большей степени определяются религиозным, а не этническим фактором (см. табл. 1).

Таблица 1

Традиционные ценности, которые разделяют респонденты разных национальностей и вероисповедания (средние значения по подгруппам)¹

Традиционные ценности	Национальность		Вероисповедание			В целом по массиву ответивших
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православные	Мусульмане	Не относящие себя ни к какому вероисповеданию	
Любовь к Родине	4,53	4,59	4,61	4,51	4,29	4,51
Родственные отношения и коллективизм	4,51	4,56	4,59	4,47	4,32	4,48
Послушание и уважение старших	4,24	4,51	4,44	4,52	3,88	4,33
Традиционные семейные ценности	4,32	4,4	4,51	4,42	3,77	4,31
Сильное суверенное государство	4,29	4,23	4,34	4,17	4,03	4,22
Религиозные традиции	3,75	4,14	4,12	4,32	2,72	3,89
Сильная и авторитетная власть	3,86	3,82	3,99	3,82	3,41	3,8

Однофакторный дисперсионный анализ показал наличие различий в ответах сравниваемых групп респондентов. F-статистика (2,9712) превышает критическое значение F (2,4771), p-значение (0,0240) меньше выбранного альфа-уровня (0,05), что подтверждает наличие статистически значимой разницы между средними значениями ответов сравниваемых

¹ Здесь и далее в аналогичных таблицах среднее значение считалось для ответов по пятибалльной шкале, причем затруднившиеся с ответом приравнивались к значению 3 балла, а не давшие никакого ответа, отказавшиеся отвечать в расчет не принимались. Показатели рассчитаны только для ответивших.

мых групп респондентов. F-статистика попарного сравнения православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (11,03) превышает критическое значение Шеффе (4,95). Попарные сравнения народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (9,26), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (9,17), русских и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (5,99) также указывают на наличие значимых различий между этими группами. F-статистика попарного сравнения православных и мусульман (0,08), русских и народов Северного Кавказа (0,35) указывает на то, что между ними нет статистически значимых различий. Значимые различия в средних оценках традиционных ценностных основ общероссийской идентичности связаны с отношением респондентов к религии.

Традиционные ценностные основы патриотизма являются одной из составляющих гражданско-политических оснований общероссийской идентичности. В оценках степени значимости наиболее важной ценностью для молодёжи стало сохранение исторической правды и российской культуры (4,43 балла). Следующей важной ценностью для респондентов является гордость за Россию (4,32 балла). Чуть менее значимыми ценностями выступают чувство принадлежности к великой державе (4,16 балла) и готовность защищать свою страну (4,15 балла). Значимых различий по национальной и религиозной принадлежности не выявлено. Есть различия в степени важности этих ценностей между религиозными и нерелигиозными молодыми людьми. Для последних значение гордости за Россию, чувства принадлежности к великой державе и готовность защищать страну существенно ниже (см. табл. 2).

Таблица 2

Важность патриотических ценностей для респондентов различных национальностей и вероисповедания (средние значения по подгруппам)

Патриотические ценности	Национальность		Вероисповедание			В целом по массиву ответивших
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православные	Мусульмане	Не относящие себя ни к какому вероисповеданию	
Сохранение исторической правды и российской культуры	4,48	4,45	4,57	4,42	4,21	4,43
Гордость за Россию	4,36	4,37	4,5	4,37	3,89	4,32
Чувство принадлежности к великой державе	4,16	4,25	4,37	4,25	3,6	4,16
Готовность защищать свою страну	4,11	4,24	4,3	4,36	3,57	4,15

F-статистика (6,8199) превышает критическое значение F (2,7728), р-значение (0,0009) меньше (0,05), что подтверждает наличие статистически значимой разницы между средними баллами в сравниваемых группах респондентов. F-статистика попарного сравнения православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (27,29) превышает критическое значение Шеффе (5,54), что подтверждает наличие значимых различий между ними. Попарное сравнение мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (20,3), народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (18,62), русских и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (15,14) также указывает на различия в ответах между этими группами. F-статистика попарного сравнения ответов православных и мусульман (0,51), русских и народов Северного Кавказа (0,17) не превышает критического значения Шеффе.

Были исследованы оценки основных традиционных символов-интеграторов общероссийской идентичности. Наибольшую интегрирующую роль, независимо от национальности и вероисповедания респондентов, имеет русский язык (4,51 балла). Не меньшим объединяющим значением обладает и общее государство (4,5 балла). Есть различия в интегрирующей роли российской культуры и общего исторического прошлого. Большее объединяющее значение они имеют для православных и русских, меньшее – для мусульман и народов Северного Кавказа. Это объясняется значимостью для последних своих национальных языков, культур и историй, а также тем, что историческая память северокавказских народов сохраняет наряду с интегрирующими и потенциально конфликтные нарративы. Чувство ответственности за судьбу России снижается для нерелигиозных молодых людей. Если в целом ответственность за судьбу России оценивается в 4,23 балла, то респондентами, не относящими себя ни к какому вероисповеданию, – в 3,83 балла (см. табл. 3).

Выявлено наличие различий в сравниваемых группах респондентов. F-статистика (3,5097) превышает критическое значение F (2,6206), р-значение (0,0160) меньше (0,05). F-статистика попарного сравнения православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (11,25) больше критического значения Шеффе (5,24), что подтверждает наличие различий между двумя сравниваемыми группами. Существует разница и между православными и мусульманами (8,85), русскими и не относящими себя ни к какому вероисповеданию (7,81). F-статистика попарного сравнения русских и народов Северного Кавказа (2,81), народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (1,25), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (0,14) не выявила значимых различий в сравниваемых группах. Различия при оценке основных традиционных символов-интеграторов общероссийской идентичности также определяются отношением респондентов к религии.

При рассмотрении субъективного восприятия респондентами образа «Мы» выявлено определяющее значение в иерархии идентичностей респондентов следующих референтных групп: люди, проживающие там,

Таблица 3

Факторы, объединяющие респондентов разных национальностей и вероисповедания с гражданами России (средние значения по подгруппам)

Факторы, объединяющие респондентов с гражданами России	Национальность		Вероисповедание			В целом по массиву ответивших
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православные	Мусульмане	Не относящие себя ни к какому вероисповеданию	
Русский язык	4,67	4,37	4,67	4,28	4,52	4,51
Общее государство	4,55	4,55	4,6	4,49	4,32	4,5
Российская культура	4,58	4,16	4,64	4,01	4,23	4,34
Общее историческое прошлое	4,45	4,15	4,49	4,12	4,05	4,26
Ответственность за судьбу России	4,25	4,34	4,41	4,26	3,83	4,23

где родился респондент и прошло его детство (4,44 балла); граждане России (4,39 балла); люди, придерживающиеся таких же ценностей, представлений о жизни (4,35 балла); люди, придерживающиеся таких же обычаев и традиций (4,25 балла); люди, говорящие на русском языке и относящие себя к российской культуре (4,14 балла). Различия в оценках по национальности и вероисповеданию в целом незначительные, при этом идентификационное значение обычаев и традиций, русского языка и российской культуры ниже для респондентов, не относящих себя ни к какому вероисповеданию (см. табл. 4).

Однофакторный дисперсионный анализ подтверждает наличие различий в сравниваемых группах респондентов. F-статистика (3,0866) превышает критическое значение F (2,6206), p-значение (0,0272) меньше (0,05). Это подтверждает наличие статистически значимой разницы между средними баллами шести сравниваемых групп респондентов. F-статистика попарного сравнения средних ответов православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (13,71) больше критического значения Шеффе (5,24), что подтверждает наличие различий между ними. Попарное сравнение народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (8,25), русских и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (6,81), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (5,7) также указывает на различия между этими группами. F-статистика попарного сравнения православных и мусульман (1,73), русских и народов Северного Кавказа (0,06) свидетельствует об отсутствии значимых различий между этими группами. Отношение респондентов к религии определяет различия в средних значениях оценок основных идентификационных групп.

Таблица 4
Идентификация респондентов разных национальностей и вероисповедания с рядом социальных общностей (средние значения по подгруппам)

Социальные группы и общности	Национальность		Вероисповедание			В целом по массиву ответивших
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православные	Мусульмане	Не относящие себя ни к какому вероисповеданию	
Люди, проживающие там, где родился(ась) респондент, где прошло его(её) детство	4,45	4,5	4,53	4,46	4,23	4,44
Граждане России	4,52	4,42	4,59	4,25	4,18	4,39
Люди, придерживающиеся таких же ценностей, представлений о жизни	4,18	4,39	4,39	4,39	4,22	4,35
Люди, придерживающиеся таких же обычаев и традиций	4,21	4,35	4,32	4,41	3,81	4,25
Люди, говорящие на русском языке и относящие себя к российской культуре	4,27	4,1	4,34	4,01	3,9	4,14

Можно предположить, что в иерархии идентичностей наиболее значимой для респондентов является локальная идентичность – ощущение близости с малой Родиной. Следующими по значимости являются общероссийская гражданская, ценностно-мировоззренческая и этнокультурная идентичности, а также принадлежность к «русскому миру».

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о значимой интегрирующей роли для молодежи Северного Кавказа базовых традиционных ценностных основ общероссийской идентичности, таких как патриотизм, российская государственность, русский язык, российская культура и история, традиционная семья, религиозные основы, коллективизм и социальная иерархия, эмоциональная связь и чувство общности с Россией. Основные элементы традиционной российской ценностной матрицы сохраняют своё значение ценностных основ общероссийской идентичности. Отсутствие значимых различий в оценках респондентов из числа русского и северокавказских народов, православных и мусульман свидетельствуют о высоком уровне общенациональной консолидации, единстве народов, обладающих различными этнокультурными кодами. Ценностно-символический, гражданско-политический и эмоционально-чувственный компоненты общероссийской идентичности значимы для молодых людей и характеризуются высоким уровнем выраженности. Важность для респондентов ощущения своей причастности к российской истории, культуре, базовым

традиционным ценностям свидетельствует о тенденции к формированию надэтнических российских цивилизационных основ идентичности.

Гипотезу исследования можно считать частично подтвердившейся. Религиозные основы идентичности оказывают большее влияние на оценки респондентов, чем этническая принадлежность. Маркёром ценностно-мировоззренческих различий между традиционалистами-коллективистами и модернистами-индивидуалистами является отношение к религии. Для молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию, роль базовых традиционных ценностей и референтных групп, формирующих общероссийскую идентичность ниже средних значений. Было выявлено наличие статистически значимых различий в позициях нерелигиозных молодых людей и представителей остальных групп. Наибольшие различия существуют между православными и не относящими себя ни к какому вероисповеданию респондентами. Отсутствие статистически значимых различий между православными и мусульманами, русскими и народами Северного Кавказа косвенно свидетельствует о частичной деполитизации идентичности, её трансформации в сторону преобладания общероссийских социокультурных оснований, что снижает риски этнополитической конфликтности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базисные ценности – основа общенациональной идентичности // Всемирный Русский Народный Собор : [сайт]. URL: <https://vrns.ru/documents/bazisnye-tsennosti-osnova-obshchenatsionalnoy-identichnosti/> (дата обращения: 11.04.2023).
2. *Тишков В. А.* Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М. : АСТ, 2021. 416 с. ISBN 978-5-17-137246-0. EDN **LNPRJV**.
3. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель ; пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2. EDN **QOMHTL**.
4. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества / К. Вельцель, Р. Инглхарт, Э. Александер, Э. Д. Понарин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 4, № 15. С. 12–43. EDN **PKOYUB**.
5. *Inglehart R.* Giving Up on God. The Global Decline of Religion // Foreign affairs : [сайт]. 11.08.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-08-11/religion-giving-god> (дата обращения: 11.03.2023).
6. *Горшков М. К.* На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпужин. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с. ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022). EDN **ZNLAIZ**.
7. *Стародубровская И. В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 92–113. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-92-113](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113). EDN **VZMMJW**.
8. Идентичность: личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Л. А. Андреева, А. Л. Бардин, И. И. Баринов [и др.] ; отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017. 992 с. ISBN 978-5-7777-0697-3. EDN **PNIWQP**.

9. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. ISBN 978-5-89697-325-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020). EDN [BNSNDA](https://edn.bnsnda.ru/).
10. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 232–242. DOI [10.31857/S0869587320030068](https://doi.org/10.31857/S0869587320030068). EDN [JFCAHN](https://edn.jfcaxn.ru/).
11. Дробижева Л. М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого будущего государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24. DOI [10.17976/jpps/2015.05.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03). EDN [UJYYVB](https://edn.ujyyvb.ru/).
12. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9). EDN [IZTYSH](https://edn.iztysh.ru/).
13. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.]; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](https://edn.wgdkye.ru/).
14. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261). EDN [NAANUW](https://edn.naanuw.ru/).
15. Горшков М. К., Тюрина И. О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 44–57. DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57). EDN [YNUEKJ](https://edn.ynuekj.ru/).
16. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.]; отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. ISBN 978-5-89697-374-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021). EDN [AOEBHB](https://edn.aoebhb.ru/).
17. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г. С. Денисова, М. А. Герман, В. И. Денисов, С. Я. Суций. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 188 с. ISBN 978-5-907125-07-0. EDN [YLIXNJ](https://edn.ylixnj.ru/).
18. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI [10.31857/S013216250019645-2](https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2). EDN [NEOCFJ](https://edn.neocfj.ru/).
19. Деметрадзе М. Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. 2012. № 3 (335). С. 120–127. EDN [OXFXYF](https://edn.oxfxyf.ru/).

Сведения об авторах

Е. А. Авдеев

кандидат философских наук

доцент

AuthorID РИНЦ: [686511](https://elibrary.ru/author_index.action?id=686511)

С. М. Воробьев

кандидат политических наук, доцент,

доцент

AuthorID РИНЦ: [165159](https://elibrary.ru/author_index.action?id=165159)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 24.07.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2)

TRADITIONAL VALUE FOUNDATIONS OF ALL-RUSSIAN IDENTITY: CASE STUDY OF THE NORTHERN CAUCASUS YOUTH

Evgenij Aleksandrovich Avdeev¹

Sergej Mikhajlovich Vorob'ev²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia,

¹ ewg.avdeev@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-4004-9610

² sergey_vorobev_54@mail.ru,

ORCID 0000-0002-8893-2595

For citation: Avdeev E. A., Vorob'ev S. M. Traditional value foundations of all-Russian identity: case study of the Northern Caucasus youth. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(3):37–54. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2).

Abstract. The issue of forming and sustaining all-Russian identity among the youth has become particularly relevant and significant in the context of increasing geopolitical risks and sociocultural confrontation. The value and ideological foundations of student identity vividly reflect the contradictions between two main sociocultural codes: traditional and modern. Resolving this contradiction may lead to increased stability in all-Russian identity or its gradual weakening. The research results indicate that the main elements of the traditional Russian value matrix retain their significance as the basis for all-Russian identity. The lack of significant differences in the assessments of respondents from the Russian and North Caucasian peoples, Orthodox and Muslim adherents, indicates the integrative role of traditional Russian values for people with different ethnocultural identities. In the hierarchy of identities, the local identity is prioritised for the respondents. This is followed by all-Russian civil, value-ideological, ethnocultural identity, and belonging to the “Russian world”. The attitude towards religion serves as a marker for value-ideological differences between traditionalists-collectivists and modernists-individualists. The research reveals statistically significant differences in the positions of non-religious respondents and believers. Respondents who do not associate themselves with any religious denomination have less pronounced ethnocultural and religious foundations of identity. The formation of traditional foundations for all-Russian youth identity is interpreted as evidence of a high degree of all-national consolidation in the polyethnic youth environment. The significance of traditional identification values indirectly confirms the partial depoliticisation of identity, as it transitions into the socio-cultural dimension, that reduces the risks of ethno-political conflict.

Keywords: youth, North Caucasus, all-Russian identity, traditional values, polyethnicity, multiconfessionality

Acknowledgment: the study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00237 “Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of Youth Identity in the North Caucasus”.

REFERENCES

1. Basic values are the basis of national identity. *The World Russian People 's Council* [website]. Available at: <https://vrns.ru/documents/bazisnye-tsennosti-osnova-obshchenatsionalnoy-identichnosti/> (accessed: 11.04.2023).
2. Tishkov V. A. National idea of Russia. The Russian people and their identity. Moscow : AST; 2021. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-137246-0.
3. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow : Novoe izdatel'stvo; 2011. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-144-2.
4. Welzel Ch., Inglehart R., Aleksander E., Ponarin E. D. Unraveling links between culture and institutions on the example of human emancipation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2012;4(15):12–43. (In Russ.).
5. Inglehart R. Giving Up on God. The Global Decline of Religion. *Foreign affairs*. [website]. August 11, 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-08-11/religion-giving-god> (accessed: 11.03.2023).
6. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. M. K. Gorshkov,. Moscow : FNIS-Cz RAN; 2022. 703 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022).
7. Starodubovskaia I. V. Intergenerational relations and social transformations on the example of the North Caucasus. *Sociology of Power=Sociologiya vlasti*. 2019;31(1):92–113. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-92-113](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113).
8. Semenenko I. S. Category of identity in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities. In: Identity: Personality, society, politics. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow : Ves' Mir; 2017. P. 18–33. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0697-3.
9. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research. Moscow : FNIS-Cz RAN; 2020. 688 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-327-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020).
10. Gorshkov M. K. Russian society in the sociological dimension. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences=Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2020;90(3):232–242. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869587320030068](https://doi.org/10.31857/S0869587320030068).
11. Drobizheva L. M. Civil and ethnic identity and the image of the desired future state in Russia. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015;5:9–24. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2015.05.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03).
12. Drobizheva L. M. Russian identity: the search for a definition and the dynamics of distribution. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2020;8:37–50. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).
13. Drobizheva L. M., Arutiunova E. M., Evseeva M. A. [et al.]. Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice. Moscow : FNIS-Cz RAN; 2022. 434 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
14. Drobizheva L. M. Meanings of all-Russian civil identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2020;4:480–498. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261).
15. Gorshkov M. K., Tiurina I. O. Synthesis of ethno-national and civil as the basis of Russian identity. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: sociologiya*. 2018;18(1):44–57. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57).

16. Drobizheva L. M., Arutiunova E. M., Evseeva M. A. [et al.]. Content foundations of Russian identity. Regional and ethno-cultural contexts. Moscow : FNISCh RAN; 2021. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-374-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021).
17. Denisova G. S., German M. A., Denisov V. I., Sushchij S. Ia. Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region. Rostov-on-Don : Fond nauki i obrazovaniya; 2018. 188 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907125-07-0.
18. Avksent'ev V. A., Aksiumov B. V. "Identities portfolio" of the youth of the Southern Russia after 12 years. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya* 2022;7:76–87. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250019645-2](https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2).
19. Demetradze M. R. The Core of Traditional Values as a Phenomenon of Post-Soviet Societies. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2012;3:120–127. (In Russ.).

Information about the Authors

E. A. Avdeev

Candidate of Philosophy,

Associate Professor

ResearcherID: [ABA-9634-2021](https://orcid.org/0009-0001-9634-2021)

Scopus AuthorID: [57217380810](https://orcid.org/0009-0001-9634-2021)

S. M. Vorob'ev

Candidate of Political Science, Associate Professor,

Associate Professor

ResearcherID: [ABB-4151-2021](https://orcid.org/0009-0001-4151-2021)

Scopus AuthorID: [57217390630](https://orcid.org/0009-0001-4151-2021)

The authors contributed equally to this article.
The authors have no conflicts of interest to declare.

The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 2706.2023; accepted for publication 24.07.2023.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.

Часть 2

Владимир Сергеевич Богданов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

valarf@mail.ru,

ORCID [0000-0003-0176-1007](https://orcid.org/0000-0003-0176-1007)

Для цитирования: Богданов В. С. Социальное неравенство как политико-управленческая проблема развития регионов России. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 55–67. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3). EDN LPXZJG.

Аннотация. В данной статье предлагается ознакомиться с результатами лонгитюдного исследования феномена социального неравенства в контексте изучения отечественной системы управления, а именно через отношение (оценки) политико-управленческих групп регионов к функционированию сложившихся региональных систем управления, в частности через оценки доступности для населения базовых социальных институтов.

На первом этапе исследования были представлены результаты подготовки интегрального индекса политико-управленческих групп активности, на основе которого становится возможным проведение анализа избыточного социального неравенства в регионах России. Установлено, что разработанную систему показателей политико-управленческого неравенства регионов можно рассматривать через оценки специально выделяемых политико-управленческих групп. Это подтвердили пробные измерения на базе мультиномиального регрессионного анализа.

В данной статье представлены итоговые результаты исследования. На основе сконфигурированного эмпирического индекса проведено измерение оценки работы системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, способствующих или препятствующих: 1) поддержанию качества и доступности базовых социальных институтов региона, 2) созданию условий для гражданской и политической активности, включению политико-управленческих групп в процессы принятия решений по развитию региона.

По результатам исследования обоснован вывод о том, что систему базовых показателей выявления и измерения социального неравенства регионов можно анализировать через оценки специально выделяемых политико-управленческих групп, но обязательно с учётом дифференциации регионов по уровням социокультурной модернизации, т. к. для каждой группы территорий характерны свои уникальные типы избыточных неравенств, противоречий, проблем.

Предложенный подход целесообразно применять для установления негативных тенденций, способствующих активизации массовой политики, а также для

фиксации качества реализации публичной политики в регионах, территориально-поселенческих объектах.

Ключевые слова: социальное неравенство, группы политико-управленческой активности, региональная система управления, базовые социальные институты, социокультурная модернизация, социально-воспроизводственный процесс, массовая политика, публичная политика

Постановка проблемы

Как уже было отмечено в первой части статьи [1], изучение феномена социального неравенства как политико-управленческой проблемы развития регионов проводится в рамках общего исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН в ходе выполнения работ (НИР) по теме госзадания «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений».

На первом этапе изучен и эксплицирован генезис проблемы нивелирования неравенств, связанных с доступом к власти, собственности и перераспределению благ производства. Рассмотрены подходы к исследованию и преодолению различных типов социальных неравенств в отношениях федерального центра и регионов России. В рамках эмпирической проработки вопроса были представлены результаты конфигурирования интегрального индекса политико-управленческих групп (далее – «группы активности»). На основе выделенных групп активности проведена апробация выполнения анализа системы показателей, направленных на измерение оценки работы системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, способствующих или препятствующих: 1) поддержанию качества и доступности базовых социальных институтов региона, 2) созданию условий для гражданской и политической активности, включению политико-управленческих групп в процессы принятия решений по развитию региона.

Если говорить про актуальность измерения избыточного социального неравенства в оценках политико-управленческих групп регионов, то в первую очередь это связано с поддержанием качества и доступности для населения базовых социальных институтов региона. Как отмечает член-корр. РАН М. Ф. Черныш, «если в середине прошлого века было принято рассматривать институты как объективно заданные системы норм, обеспечивающие непротиворечивость существующих социальных практик, то в дальнейшем применительно к сложным обществам институты стали изучать как продукт отношений властвующей элиты и гражданского общества» [2, с. 6]. В качестве результирующей таких отношений современные исследователи всё чаще выделяют различные основания (в том числе институциональные) и типы избыточных неравенств, причём не только по экономическим признакам, но и по доступу к тем услугам, которые по закону в развитом обществе должны быть общим благом (на-

пример, получение полного объёма медицинских услуг, получение среднего и высшего образования и т. п.).

Исследовательской группой под руководством Н. Е. Тихоновой из Института социологии ФНИСЦ РАН зафиксировано на основе данных общероссийского исследования – массового опроса населения 2018 г., что в общественном сознании россиян государству по-прежнему отводится высокая роль в обеспечении социального благополучия населения страны. Это касается поддержания качества и доступности институтов, которые связаны с ответственностью федеральных властей и решением ими таких проблем, как получение медицинских услуг (столицы, Москва и Санкт-Петербург – 76,5%, центры субъектов РФ – 68,9%), возможность получения высшего образования (соответственно 72,6% и 61,9%), обеспечение жильём (62,2% и 44,1%), обеспечение рабочими местами (49,5% и 33%) [3, с. 321]. Следует отметить, что Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН также фиксирует значимость указанных проблем в своих исследованиях 2016 и 2020 гг. [4]. По сути, качество решения проблем указывает на то, как политико-управленческие системы регионов справляются или не справляются с прогрессирующим ростом различных типов неравенств [5], как проходят процессы включения (соучастия) или отчуждения населения от социального контроля за данными институтами. Этим вопросам и посвящён второй этап нашего исследования социального неравенства как политико-управленческой проблемы.

Элементы программы исследования

С опорой на теоретическую проработку проблем, а также на цели и задачи общего исследования, мы выдвигаем *цель нашего исследования*: установление политико-управленческих групп регионов (на основе критериев активности), с последующей фиксацией их оценок работы региональных систем управления, способствующих или препятствующих:

- 1) поддержанию качества и доступности базовых социальных институтов региона;
- 2) созданию условий для гражданской и политической активности, а также включению политико-управленческих групп в процесс принятия решений по развитию региона.

По сути, эти два пункта можно принять за рабочие гипотезы, в которых концентрируются «функция» и «дисфункция» как последствия политико-управленческой регуляции социально-экономических и социально-воспроизводственных процессов, выражающихся либо в конкретных социальных противоречиях, либо в благоприятных социальных эффектах, ожидаемых населением.

На втором этапе исследования, при помощи данных мультиномиального регрессионного анализа – через оценки сконфигурированных политико-управленческих групп активности (выделяем группы с высокой,

средней и низкой активностью), необходимо было решить следующие аналитические задачи:

- а) определить доступность базовых социальных институтов региона (индексы – каково состояние дел: с возможностью найти работу; с жилищным строительством и возможностью приобрести жильё; с работой органов здравоохранения; с профессиональным образованием и переквалификацией);
- б) выявить, как органы власти руководят решением проблем (индексы – как органы власти и управления решают вопросы: обеспечения рабочими местами; жилищного строительства и возможности приобрести жильё; работы органов здравоохранения; профессионального образования и переквалификации);
- в) установить, как происходит организация внутренней политики региона через призму процессов демократизации общественной жизни (индексы – честность и прозрачность выборов в органы власти; повышение роли местного самоуправления в жизни регионов и др.);
- г) выяснить, какова степень обеспокоенности недостатками региональных систем управления (индексы – нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений; неспособность руководства учитывать новые обстоятельства, уклонение от новаторских решений; ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти);
- д) уточнить необходимость коренных изменений в работе (индексы – коренные изменения требуются в работе: Правительства; аппарата губернатора региона; администрации города, посёлка, села; администрации предприятия, учреждения).

Результаты исследования

С характеристиками исследования, а также с процедурой разработки интегрального индекса политико-управленческих групп на основе суммирования дихотомических переменных подробно можно ознакомиться в первой части статьи [1]. Здесь отметим, что анализ данных производился на массивах Метапроекта «Гражданская экспертиза состояния и перспектив развития сферы управления в РФ». В рамках проекта в 2016 году было отобрано 12 регионов с разным уровнем социокультурного развития по версии ЦИСИ ИФ РАН. По согласованию с Н. И. Лапиным мы агрегировали группировку с шести до четырёх уровней социокультурного развития: первая группа – низкий уровень развития (республики Дагестан и Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего уровня развития (Республика Башкортостан, Омская область, Республика Саха (Якутия)), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвёртая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области). В указанных регионах собрано 6000 анкет, из них пригодных для анали-

за признано 5452). В 2020 году (исследование проведено в тех же 12 регионах, что и в 2016 году) пригодных для анализа оказалось 6013 анкет.

На втором этапе исследования для проверки связи между доступом к базовым социальным институтам и оценками их поддержания местными органами власти нами был использован метод парных корреляций (корреляция Спирмена). Отметим, что фиксируемая связь как итог корреляции является статистической, но не причинно-следственной. В итоге мы можем проследить отдельные тенденции при оценке группами политико-управленческой активности («высокая», «средняя», «низкая») доступа населения к базовым социальным институтам и оценками их поддержания местными органами власти 12 регионов (таблица 1). Существенные показатели связи имеют более высокие значения в оценках группы высокой активности, как в 2016, так и в 2020 гг. (кроме показателя 2016 года «Жилищное строительство / Возможность приобрести жильё»).

Наиболее проблемными зонами, которые выделяются на основе высоких оценок всех трёх групп активности («высокой», «средней», «низкой»), оказались: 1) обеспечение доступности и поддержание качества медицинских услуг органами местной власти, 2) обеспечение трудоспособного населения рабочими местами. Указанные критические показатели с высокими значениями характерны для 2016 и 2020 гг.

Таблица 1

Динамика изменений коэффициентов корреляции Спирмена между оценками доступа к базовым социальным институтам и оценками их поддержания местными органами власти 12 регионов, 2016 и 2020 гг.¹

Доступ к базовым социальным институтам в регионе / Поддержание качества базовых социальных институтов местными органами власти	Группы политико-управленческой активности в 2016 г.			Группы политико-управленческой активности в 2020 г.		
	Низкая n=1760	Средняя n=1672	Высокая n=2020	Низкая n=1855	Средняя n=1889	Высокая n=2269
Возможность найти работу / Обеспечение рабочими местами	0,605**	0,621**	0,633**	0,627**	0,622**	0,654**
Жилищное строительство / Возможность приобрести жильё	0,546**	0,558**	0,552**	0,510**	0,562**	0,606**
Работа органов здравоохранения / Организация работы здравоохранения	0,643**	0,660**	0,695**	0,660**	0,697**	0,707**
Профессиональное образование и переквалификация / Организация профессионального образования и переквалификации	0,624**	0,619**	0,672**	0,604**	0,578**	0,636**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

¹ Здесь и далее анализ производится для совокупностей респондентов, составивших по 6000 человек как в 2016, так и в 2020 гг.

В итоге мы можем предположить, что при определении степени доступности и поддержания социальных институтов необходимо учитывать оценки группы высокой активности как наиболее высокоресурсной группы. Включённые в неё респонденты в большей степени осведомлены и погружены в проблемы региона. Однако без внимания не должны остаться и отдельные сензитивные (критические) оценки групп «средней» и «низкой» активности, в том числе в контексте положения дел отдельно взятого региона с конкретным уровнем социокультурного развития.

Далее, на основе сензитивных оценок групп политико-управленческой активности необходимо было выявить конкретные типы избыточных неравенств в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, связанных отдельно:

- 1) с факторами доступа к базовым социальным институтам в регионе (таблица 1);
- 2) с мероприятиями по поддержанию базовых социальных институтов, проводимых местными органами власти в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (таблица 2);
- 3) с факторами организации внутренней политики в регионе, а также с факторами, уточняющими общую обеспокоенность разных групп «активности» недостатками региональных систем управления, влияющих в совокупности на доступ и поддержание качества социальных базовых институтов (таблица 3);
- 4) с факторами необходимости коренных изменений работы органов власти и управления (таблица 4).

Чтобы ответить на вопрос о том, с какими факторами более связаны оценки политико-управленческих групп, мы обращаемся к методу мультиномиальной регрессии. Он позволяет определить, есть ли связь между независимыми переменными (измеренными по любой шкале) и зависимой категориальной переменной (с 3-мя или более значениями). Данный вид регрессии выбран из-за того, что используемая зависимая переменная (оценки политико-управленческих групп) как раз и измерена по 3-х балльной шкале [6, с. 101].

Анализ данных таблицы 2 показывает, что в 2016 году для группы с «низкой активностью» была наиболее важной переменной строительства жилья, т. е. доступность нового жилья. Однако в оценках деятельности органов местной власти по решению вопросов жилищного строительства в регионе значимая связь не обнаружена. Высокие показатели связи были характерны для группы «высокой активности», которая указала на недостаточное внимание со стороны органов местной власти к решению вопросов, проблем организации профессионального образования и переквалификации. Это проявилось в ходе анализа данных 2016 и 2020 гг. Отдельно следует отметить, что в 2016 году концентрация проблемных локусов более значима для регионов с уровнем развития «ниже среднего». В 2020 году подобная ситуация в большей степени прослеживается в регионах с высоким уровнем модернизации.

Таблица 2
Факторы, определяющие оценку властно-управленческими группами доступности и поддержания качества базовых социальных институтов в 12 регионах с разным уровнем социокультурного развития в 2016 и 2020 гг. (анализ с использованием мультиномиальной регрессии)

Независимые переменные	Группы политико-управленческой активности в 2016 г. (значения Exp (B))		Группы политико-управленческой активности в 2020 г. (значения Exp (B))	
	Низкая	Средняя	Низкая	Средняя
Доступ к базовым социальным институтам в регионе				
Возможность найти работу	1,015 (0,054)	1,027 (0,054)	1,128* (0,049)	1,063 (0,048)
Жилищное строительство	1,228** (0,052)	1,051 (0,052)	0,911 (0,050)	1,005 (0,049)
Работа органов здравоохранения	1,026 (0,053)	1,031 (0,054)	1,039 (0,049)	0,947 (0,048)
Профессиональное образование и переквалификация	0,953 (0,052)	0,986 (0,053)	0,896* (0,047)	0,980 (0,046)
Поддержание качества базовых социальных институтов местными органами власти				
Обеспечение рабочими местами	0,932 (0,060)	1,013 (0,060)	0,923 (0,052)	1,019 (0,048)
Возможность приобрести жильё	0,980 (0,054)	1,003 (0,054)	1,096 (0,047)	1,019 (0,048)
Организация работы здравоохранения	1,022 (0,055)	0,904 (0,055)	0,935 (0,050)	0,994 (0,048)
Организация профессионального образования и переквалификации	0,852** (0,054)	0,903 (0,054)	0,857** (0,048)	0,870** (0,048)
Уровни социокультурной модернизации регионов (по версии ЦИСИ ИФ РАН)				
Высокий	1,319 (0,117)	1,043 (0,114)	1,816** (0,105)	2,179** (0,100)
Средний	1,284 (0,115)	0,944 (0,258)	1,169 (0,100)	1,022 (0,098)
Ниже среднего	1,459* *(0,114)	1,202 (0,111)	1,127 (0,101)	1,039 (0,099)
Низкий	0b	0b	0b	0b

Примечание: здесь и далее: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$ (*, ** – результат значим на уровне 95% и 99% доверительной вероятности); в скобках – значения стандартных ошибок; опорная категория – «высокая степень активности», $\text{Exp (B)} > 1^1$; «низкая степень активности» и «средняя степень активности» $\text{Exp (B)} < 1$, b – параметру присвоено значение ноль, так как он является избыточным.

¹ «Значение Exp (B) в регрессионном уравнении интерпретируется следующим образом: если $\text{Exp (B)} > 1$, более вероятно, что зависимая переменная примет значение знаменателя, т. е. опорной категории (в данном случае это С – общество справедливо), если $\text{Exp (B)} < 1$, то более вероятно, что зависимая переменная примет значение числителя (А или В, в зависимости от рассматриваемого уравнения)... Основное отличие данного вида регрессии от линейной заключается в том, что в уравнение вводится не Y в чистом виде (так как он не интервальный), а отношение вероятностной наступления или не наступления событий, которая логарифмируется. Мультиномиальная регрессия является частным случаем бинарной логистической регрессии, в которой Y вводится в уравнение регрессии...» [6, с. 102].

Таблица 3

Факторы, определяющие оценку властно-управленческими группами условий для гражданской и политической активности в 12 регионах с разным уровнем социокультурного развития в 2016 и 2020 гг. (анализ с использованием мультиномиальной регрессии)

Независимые переменные	Группы политико-управленческой активности в 2016 г. (значения Exp (B))		Группы политико-управленческой активности в 2020 г. (значения Exp (B))	
	Низкая	Средняя	Низкая	Средняя
Организация внутренней политики в регионе				
Демократизация общественной жизни, честность и прозрачность выборов в органы власти	1,179** (0,051)	1,035 (0,049)	0,829** (0,042)	0,933 (0,040)
Повышение роли местного самоуправления в жизни регионов	0,940 (0,056)	0,913* (0,055)	0,860** (0,047)	0,959 (0,045)
Обеспокоенность недостатками региональных систем управления				
Нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений	1,153** (0,052)	1,013 (0,051)	0,986 (0,053)	1,110* (0,051)
Неспособность руководства учитывать новые обстоятельства, уклонение от новаторских решений	0,921* (0,049)	0,982 (0,048)	1,106* (0,050)	0,924 (0,049)
Ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти	1,229** (0,045)	1,079* (0,045)	1,241** (0,045)	1,084 (0,044)
Уровни социокультурной модернизации регионов (по версии ЦИСИ ИФ РАН)				
Высокий	1,256 (0,121)	1,094 (0,115)	2,027** (0,114)	2,204** (0,109)
Средний	1,203 (0,119)	0,944 (0,116)	1,114 (0,107)	0,992 (0,105)
Ниже среднего	1,343** (0,120)	1,174* (0,115)	1,053 (0,109)	1,085 (0,105)
Низкий	0b	0b	0b	0b

Рассматривая таблицу 3, мы можем констатировать, что в 2016 и 2020 гг. наиболее проблемным из факторов организации внутренней политики в регионах стал фактор «демократизация общественной жизни, честность и прозрачность выборов в органы власти», что зафиксировано в оценках группы с низкой политической активностью в 2016 году. Подобный фактор детерминировал и в 2020 году, но в оценках группы «высокой активности». Также последняя группа указывала на необходимость повышения роли местного самоуправления в регионах.

Что касается факторов обеспокоенности недостатками региональных систем управления, то в 2016 году для группы «низкой активности» наиболее значимыми являлись проблемы нарушения обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений, а также отмечалась ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти. Последнее выделяется и в оценках группы «средней активности».

Таблица 4

Факторы, определяющие оценку властно-управленческими группами необходимости коренных изменений работы органов власти и управления в 12 регионах с разным уровнем социокультурного развития в 2016 и 2020 гг.
(анализ с использованием мультиномиальной регрессии)

Независимые переменные	Группы политико-управленческой активности в 2016 г. (значения Exp (B))		Группы политико-управленческой активности в 2020 г. (значения Exp (B))	
	Низкая	Средняя	Низкая	Средняя
Требуются коренные изменения работы органов власти и управления				
Правительства РФ	1,006 (0,041)	0,931 (0,040)	0,993 (0,038)	1,077* (0,037)
Аппарата губернатора республики, края, области, где проживают	1,006 (0,049)	1,038 (0,049)	0,955 (0,045)	1,033 (0,043)
Администрации города, посёлка, села, где непосредственно проживают	0,891* (0,049)	0,927 (0,048)	1,013 (0,047)	0,954 (0,046)
Администрации предприятия, учреждения, где работают или работали	1,088* (0,041)	1,150** (0,040)	0,933 (0,042)	0,909* (0,041)
Уровни социокультурной модернизации регионов (по версии ЦИСИ ИФ РАН)				
Высокий	1,201 (0,115)	1,039 (0,040)	1,928** (0,106)	2,020** (0,102)
Средний	1,271 (0,115)	0,949 (0,112)	1,146 (0,099)	0,996 (0,098)
Ниже среднего	1,425** (0,041)	1,213* (0,110)	1,195 (0,101)	1,046 (0,100)
Низкий	0b	0b	0b	0b

Для группы «высокой активности» значимым выступил фактор «неспособности руководства учитывать новые обстоятельства, уклонение от новаторских решений». В 2020 году первостепенными стали: 1) неспособность руководства учитывать новые обстоятельства, уклонение от новаторских решений, 2) ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти. По ним более высокие значения были отмечены в отзывах группы «низкой активности». Оценки группы «средней активности» указали в большей степени на фактор «нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений». Если рассмотреть концентрацию проблемных факторов в разрезе регионов по уровню развития, то в 2016 году они были наиболее сконцентрированы в регионах с уровнем «ниже среднего», а в 2020 году в регионах с высоким уровнем развития.

Анализ данных таблицы 3 позволил установить необходимость конкретных изменений в работе органов власти и управления, а также выделить регионы, в которых эти изменения нужно произвести в первую очередь.

Так, в 2016 году группы «низкой» и «средней» политической активности, а в 2020 году группа «высокой» активности, артикулировали

потребность в коренных изменениях в администрации предприятий, учреждений, где работают или работали респонденты. Плюс в 2016 году группа «высокой активности» считала необходимым провести коренные изменения в структуре и деятельности Администрации города, посёлка, села, где непосредственно проживают респонденты.

Также в 2020 году значимыми являлись оценки группы «средней активности» в отношении необходимости коренных изменений в деятельности Правительства Российской Федерации.

Если говорить о значимости изменений в разрезе регионов с различным уровнем развития, то наиболее высокие значения указывали в 2016 году на регионы с уровнем «ниже среднего», а в 2020 году на регионы с высоким уровнем развития.

Заключение

По результатам нашего исследования мы приходим к следующим выводам.

Анализ динамики изменений коэффициентов корреляции Спирмена между оценками доступа к базовым социальным институтам и оценками их поддержания местными органами власти в 12 регионах позволяет выявлять избыточные типы социального неравенства, а также характеризовать работу региональных систем управления в отношении их смягчения, нивелирования. В нашем случае (в 2016 и 2020 гг.) это связано с критическими оценками относительно: 1) получения качественных медицинских услуг в организациях здравоохранения, 2) обеспечения населения рабочими местами.

Эмпирически оцениваемые политико-управленческими группами факторы-проблемы (независимые переменные мультиномиальной регрессии) позволяют установить не только избыточные социальные неравенства в регионах, но и выделить влияющие на их остроту деформации региональных систем управления. В нашем исследовании выявлены факторы-проблемы, которые значимо связаны с организацией внутренней политики и конкретными недостатками региональных систем управления. В первую очередь это касается нарушения социальной обратной связи, отчуждения целевых групп от разработки и контроля выполнения принимаемых решений органами власти и управления. «Отчуждение» субъектов управления региона от целей, средств и результатов можно связать и с ещё одним значимым фактором-проблемой – «ориентацией руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти».

Важно отметить, что при оценке доступности и поддержания социальных институтов необходимо учитывать мнения группы высокой активности как наиболее высокоресурсной группы, т. к. включённые в неё респонденты в большей степени осведомлены и погружены в проблемы региона. Без внимания не должны остаться и отдельные сензитивные (критические) оценки групп «средней» и «низкой» активности, поскольку

ку эти группы также включены в процессы конфигурирования социально-экономических и социокультурных особенностей территорий, в итоге определяющих уровень их развития, модернизированности.

На основе проведённого анализа, мы делаем главный вывод: социальное неравенство как результат институциональных оснований, формирующихся под влиянием функционирования региональных систем управления, может и должен изучаться как феномен политико-управленческой деятельности. Недостаточное внимание к группам политико-управленческой активности, к их оценкам социально значимых проблем и противоречий может привести к дестабилизации публичного управления в регионах, а также к неуправляемым процессам массовой политики [7], вовлечения в неё большего количества жителей регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Богданов В. С.* Социальное неравенство как политико-управленческая проблема развития регионов России. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. № 4. С. 28–45. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9281](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9281). EDN [WBKQMq](https://edn.ras.ru/WBKQMq).
2. *Черныш М. Ф.* Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 3. С. 6–28. DOI [10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28). EDN [WRKCHQ](https://edn.ras.ru/WRKCHQ).
3. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова. Москва : ООО Весь Мир, 2022. 422 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN [XJGBFE](https://edn.ras.ru/XJGBFE).
4. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Гречаная [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN [YNARHI](https://edn.ras.ru/YNARHI).
5. *Красин Ю. А.* Социальное неравенство как политическая проблема // Полития. 2007. № 2 (45). С. 83–91. EDN [MLIOTZ](https://edn.ras.ru/MLIOTZ).
6. *Воронина Н. С.* Социальная справедливость в оценках российской молодёжи (на основе данных RLMS за 2019 г.) // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 95–108. DOI [10.31857/S0869049922020071](https://doi.org/10.31857/S0869049922020071). EDN [EVXLVA](https://edn.ras.ru/EVXLVA).
7. *Kornhauser W.* The politics of mass society. Glencoe: The Free Press of Glencoe, 1959. 256 p.

Сведения об авторе:

В. С. Богданов

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [276478](https://elibrary.ru/author_index.action?id=276478)

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 28.06.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3)

SOCIAL INEQUALITY AS A POLITICAL AND MANAGERIAL ISSUE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS. Part 2

Vladimir Sergeevitch Bogdanov

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Moscow, Russia,

valarf@mail.ru,

ORCID [0000-0003-0176-1007](https://orcid.org/0000-0003-0176-1007)

For citation: Bogdanov, V. S. Social inequality as a political and managerial issue in the development of Russian regions. Part 2. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;(11)3:55–67 (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3).

Annotation. This article presents the results of a longitudinal study on the phenomenon of social inequality within the context of studying the domestic governance system, specifically through the assessment of the attitudes of the regional political and administrative groups toward the functioning of established regional governance systems and the evaluation of the accessibility of basic social institutions to the population.

During the initial stage of the research, the results of preparing an integrated index of political and administrative activity group were presented, enabling the analysis of excessive social inequality in the regions of Russia. It was found that the developed system of indicators of political and administrative inequality in regions can be considered through the assessments of specially distinguished political and administrative groups. This was confirmed through trial measurements based on multinomial regression analysis.

The article presents the final results of the study. Based on the configured empirical index, the evaluation of the functioning of the governance system in regions with different levels of socio-cultural modernisation is measured. These levels either facilitate or hinder: 1) maintaining the quality and accessibility of the region's basic social institutions, and 2) creating conditions for civic and political activity, involving political and administrative groups in decision-making processes regarding regional development.

Based on the research results, it is justified that the system of basic indicators for identifying and measuring social inequality in regions can be analysed through the assessments of specially distinguished political and administrative groups. However, it is crucial to consider the differentiation of regions based on levels of socio-cultural modernisation, as each group of territories exhibits unique types of excessive inequalities, contradictions, and issues.

The proposed approach is useful for identifying negative trends that contribute to the activation of mass politics and for assessing the quality of public policy implementation in regions and territorial settlements.

Keywords: social inequality, groups of political and managerial activity, regional management system, basic social institutions, socio-cultural modernization, socio-reproductive process, mass politics, public policy

REFERENCES

1. Bogdanov V. S Social inequalities as an object of sociological analysis. Part 1. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2022;(4):28-45. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9281](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9281).
2. Chernysh M. F. Institutional foundations of inequality in modern society. *The world of Russia=Mir Rossii*. 2021;30(3):6–28. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28).
3. Tikhonova N. E., ed. *Unequal Opportunity Society: The Social Structure of the Modern Russia*. Moscow : Ves Mir; 2022. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0873-1.
4. Tikhonov A. V., Merzlyakov A. A., eds. *Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes*. Moscow : FNISCz RAN; 2017. 455 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-380-5.
5. Krasin Yu. A. Social inequality as a political problem. *Polity=Politiya*. 2007;2(45):83–91. (In Russ.).
6. Voronina N. S. Social justice in the assessments of Russian youth (based on RLMS data for 2019). *Social sciences and modernity=Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. 2022;(2):95–108. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869049922020071](https://doi.org/10.31857/S0869049922020071).
7. Kornhauser W. *The politics of mass society*. Glencoe : The Free Press of Glencoe; 1959. 256 p.

Information about the Author**V. S. Bogdanov**

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherId: [AAV-2997-2020](https://orcid.org/0009-0001-9220-2020)Scopus AuthorId: [57217069397](https://orcid.org/0009-0001-9220-2020)

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 28.06.2023.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ В РЕГИОНАХ

Андрей Александрович Мерзляков

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

andrey243@rambler.ru,

ORCID [0000-0001-8846-1423](https://orcid.org/0000-0001-8846-1423)

Для цитирования: Мерзляков А. А. Компаративный анализ объективных и субъективных показателей по оценке состояния социальных неравенств в регионах // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 68–86. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.4). EDN FORALF.

Аннотация. В статье поднимается проблема оценки степени чувствительности населения в отношении социально-экономической ситуации в регионах, которая заключается в том, что население имеет своё собственное представление о положении дел в регионе, и данные представления не всегда согласуются с официальной позицией региональных властей, принимающих решения, как правило, на основании статистических показателей. Такая оценка может быть осуществлена посредством компаративного (сравнительного) анализа объективных (основанных на данных статистики) и субъективных (основанных на социологических данных) показателей, характеризующих состояние социальных неравенств в регионах.

Представлены основные результаты компаративного анализа на примере оценки конкретных сфер жизнедеятельности, таких как рынок труда, жильё и состояние ЖКХ, дорожно-транспортная система, здравоохранение др. Методологической основой исследования стала концепция социокультурной модернизации, разработанная Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН. Эмпирической базой стали результаты фундаментальных исследований Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН, в рамках которых была выделена тесная связь социокультурного и социально-экономического уровней развития регионов. Сравнительный анализ субъективных и объективных показателей по оценке состояния социальных неравенств показал их линейно-нелинейную взаимосвязь, т. е. в одних случаях субъективная (социологическая) оценка может быть сопоставима с объективной, сформированной на основе статистических данных, в других случаях, такая оценка сильно отличается от данных статистики. В итоге была проведена корректировка исходной гипотезы, отмечающая, что в регионах обнаружена определённая взаимообусловленность глубины и остроты социальных неравенств, но она носит неустойчивый характер и зависит от региона и конкретной сферы деятельности.

Ключевые слова: объективные и субъективные показатели, социальное неравенство в регионах, компаративный анализ, регионы с разным уровнем развития, методика исследования

Введение

Многие специалисты и научные работники, анализируя состояние региона, как правило, берут в качестве базовых статистические данные, отображающие основные социально-экономические показатели его развития. Именно эти показатели чаще всего становятся основанием для формирования экспертных заключений и отчётов, показывающих текущее положение дел в регионе. В свою очередь органы власти (как регионального, так и федерального уровня), формулируя свои решения, придерживаются информации, представленной в данных материалах. Подобного рода информация является для них ориентиром в ходе разработки планов и программ стратегического развития как региона, так и страны в целом. По результатам такого анализа составляются различные рейтинги, выделяются субсидии, решается вопрос о предоставлении различных грантов в поддержку развития региона.

Не опровергая важности и необходимости использования данных статистики для оценки состояния регионального развития, применение исключительно статистической информации несёт в себе опасность подготовки «сухих» и порой не в полной мере объективных отчётов и заключений, не учитывающих социогуманитарный аспект. Это, в свою очередь, может привести к формированию некорректного, неточного прогноза, связанного с повышением как социально-экономического развития регионов, так и уровня жизни его жителей.

На повестке дня остаётся открытым вопрос: как само население оценивает состояние региона, согласуется ли его позиция с официальными данными и источниками, на основе которых создаются отчёты и планы по дальнейшему развитию. Таким образом, мы выходим на важную проблему сопоставимости официальной позиции по оценке развития региона, основанной на отобранных и тщательно проанализированных статистических данных и сформировавшейся в регионе общественной оценкой положения дел. Наши многочисленные исследования, проводившиеся на протяжении последних 15 лет, показывают, что население имеет своё собственное представление о социально-экономической ситуации в регионе, и данные представления не всегда согласуются с официальной позицией региональных властей [1; 2].

Поставленный вопрос выводит нас на более крупную проблематику социального благополучия, которое «рассматривается как интегральное понятие, в основе которого лежит система взаимосвязанных элементов, отражающих разные аспекты окружающей человека действительности» [3, с. 21]. Данная проблема носит междисциплинарный характер и изучается различными научными дисциплинами, но для социологов в первую очередь в центре внимания ставится вопрос поиска критериев и показателей для оценки социального благополучия общества в целом, его отдельных групп и общностей. Одни социологи рассматривают социальное благополучие как объективный феномен, другие утверждают, что он носит исключительно субъективный характер. Мы придерживаемся

мнения, высказанного Г. Е. Зборовским, который отметил, что «трактовка социального благополучия общества ...не может ограничиться лишь восприятием, субъективной картиной, субъективной оценкой. ...Обязательно требуются его объективные характеристики, связанные с их экономическим, социальным, социокультурным положением [4, с. 10–11]. Таким образом, поиск критериев должен осуществляться на основе совмещения объективного и субъективного, при этом «субъективная оценка социального благополучия значит (для социолога – прим. автора) не меньше, если не больше, чем объективная» [3, с. 22].

Особую значимость необходимости учёта как субъективных, так и объективных показателей приобретает в контексте формирования комплексной оценки регионального развития, его социально-экономические и социокультурные аспекты. Данная проблема уже давно постулируется в научных кругах. Особенно ярко это выражается при анализе состояния социальных неравенств (см., например, З. Т. Голенкова, М. Ф. Черныш, М. К. Горшков, Л. М. Дробижина и др.) [5; 6]. Многие специалисты отмечают важность использования наряду с объективными статистическими данными и социологическими данными для более глубокого изучения проблемы возникновения и воспроизводства социального неравенства в регионах [7; 8; 9]. На наш взгляд, наиболее полной и системной работой в данном направлении стало полномасштабное исследование, проведенное Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (рук. Н. И. Лапин). Сотрудниками центра была разработана система показателей, характеризующих уровни развития регионов, учитывающая как данные статистики, так и субъективные показатели, основанные на результатах социологических исследований [10].

В ходе разработки программы компаративного анализа объективных и субъективных показателей состояния социальных неравенств в регионах мы воспользовались требованиями для проведения такого анализа, сформулированными В. В. Маркиным. Автор указывает на необходимость выделения характеристик исходных параметров для такого анализа, к которым относит остроту и глубину проявления неравенства, где «под глубиной понимается кратно выраженная разница в основных показателях экономического и социального развития, особенно уровня и качества жизни, а под остротой – чувствительность восприятия, когнитивно-эмоциональное выражение этой разницы, наблюдаемое и фиксируемое в основных группах региональных сообществ» [11, с. 127]. Сопоставление глубины и остроты социальных неравенств позволяет сформировать более обоснованную оценку сложившейся ситуации в регионах. А поскольку само исследование по своему содержанию является диагностическим, то помимо постановки диагноза состояния неравенств в регионах оно позволяет выйти на прогнозно-проектный уровень с выработкой рекомендаций по повышению эффективности используемых в управленческой практике механизмов и инструментов, нацеленных на регулирование неравенств в регионах.

Проведение социальной диагностики оценки состояния социальных неравенств в регионах путём сопоставления объективных и субъективных показателей требует чёткого определения и понимания содержания таких типов показателей. Под объективными показателями оценки состояния социальных неравенств в регионе мы понимаем комплекс показателей, основанный на данных статистики, отражающих уровень социально-экономического развития региона. Субъективные показатели характеризуются комплексом представлений и отношений различных слоёв населения региона, отдельных социальных групп относительно характера и уровня развитости региона. Данный тип показателей формируется посредством социологических замеров по оценке состояния развития региона, его основных сфер деятельности.

Ключевая гипотеза исследования состоит в том, что население чувствительно к текущему состоянию развития региона. Другими словами (по В. В. Маркину) «глубина» неравенства (показатели экономического и социального развития) коррелирует с «остротой» неравенства (чувствительность его восприятия). Дополнительная гипотеза заключается в том, что уровень социокультурного развития региона (по Н. И. Лапину) влияет на оценку населением его социально-экономического состояния. С переходом к более высокому уровню происходит рост общественных оценок социально-экономического развития региона.

Методика компаративного анализа

Сама методика компаративного анализа данных является двухуровневой. На первом уровне определяется конкретный перечень актуальных социально-экономических неравенств, которые обладают высокой чувствительностью со стороны населения. Такой же перечень формируется на основе статистических данных. На выходе получают определённые ранжированные списки, отражающие состояние социальных неравенств в регионах. По результатам проделанной работы появляется возможность на основе сравнения субъективных и объективных показателей диагностировать текущую ситуацию характера проявления неравенств в каждом обследуемом регионе. На втором уровне проводится сравнение полученных результатов по всем отобранным регионам (межрегиональный сравнительный анализ). Такая работа производится в отношении конкретного перечня актуальных неравенств. Указанная последовательность в рамках предложенного аналитического метода позволяет выйти на более крупные обобщения и выводы, характеризующие общее состояние социальных неравенств в нашей стране.

Методологической основой исследования стала, во-первых, концепция социокультурной модернизации регионов, которая была разработана в Центре исследования модернизации Китайской академии наук под руководством Хэ Чуаньци (КНР) [12] и адаптирована с учётом российских условий в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН [13]. Во-вторых, основные результаты фундаментальных

исследований Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН (рук. А. В. Тихонов), выделившие тесную связь социокультурного и социально-экономического уровней развития регионов [14].

Для оценки состояния социальных неравенств в регионах мы выбрали конкретные сферы деятельности, в рамках которых предполагалось провести соответствующий сравнительный анализ. В нашем исследовании таковыми стали рынок труда и деятельность местных предприятий, состояние жилищно-коммунальной сферы, дорожно-транспортной инфраструктуры и системы здравоохранения. Выбор данных сфер деятельности не случаен. Наши исследования показывают, что положение дел в данных сферах характеризуется особой чувствительностью со стороны жителей регионов. Так, в исследовании 2019–2021 гг., которое было направлено на общественную оценку реализации национальных проектов, выполняемых в соответствии с указом Президента РФ¹, отмечено, что национальные проекты «Производительность труда и поддержка занятости», «Жильё», «Дороги» и «Здравоохранение», являются наиболее значимыми и актуальными в общественном сознании [2].

Логика нашего анализа строилась следующим образом. Для каждой из выделенных сфер деятельности были отобраны показатели, которые легли в основу анализа состояния социальных неравенств. Перечень конкретных показателей представлен в таблице 1.

Таблица 1

Показатели изучения региональных неравенств

Сфера деятельности	Показатели
Рынок труда и деятельность предприятий	Возможность найти работу
	Поддержка малого и среднего бизнеса
	Загруженность местных предприятий
Жильё и состояние ЖКХ	Улучшение жилищных условий населения
	Состояние жилищно-коммунального хозяйства
Дорожно-транспортная инфраструктура	Работа общественного транспорта
	Состояние дорог
Здравоохранение	Система здравоохранения, работа больниц, поликлиник

Для проведения сравнительного анализа были сформулированы требования к статистическим показателям. Для отбора статистических показателей были использованы данные Федеральной службы статистики 2019 гг., т. е. в тот период времени, когда было проведено социально-диагностическое исследование². Следует отметить, что для проведения кор-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

² Для отбора статистических показателей были использованы данные из статистического сборника Росстата 2020 г. «Регионы России: социально-экономические показатели». [15] и данные, собранные на интерактивном портале единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [16].

ректного сравнительного анализа были выбраны не абсолютные, а относительные статистические показатели, что позволит выполнять сравнительный анализ несопоставимых в абсолютных единицах данных, что, в свою очередь, открывает возможности для сравнения уровней развития или распространённости различных общественных явлений. В итоге был сформирован конкретный перечень статистических показателей, который, во-первых, даёт объективную оценку измеряемого нами состояния по выбранным сферам деятельности, во-вторых, позволяет максимально корректно провести сравнительный анализ.

Параллельно со сбором статистических данных были проведены замеры общественной оценки положения дел по выделенным сферам деятельности, которые в нашем исследовании стали основой для формирования перечня субъективных показателей. Такие оценки были сформированы в ходе социологических замеров. Репрезентативный социологический опрос населения был организован и проведён в 2019–2020 гг. в 12 субъектах Российской Федерации на выборке общим объёмом 6000 анкет (по 500 анкет в каждом регионе). В соответствии с общей программой исследование проводилось в следующих регионах Российской Федерации: Республика Калмыкия, Белгородская область, Республика Башкортостан, Брянская область, Московская область, Смоленская область, Омская область, Вологодская область, Амурская область, Нижегородская область, Республика Саха (Якутия), Свердловская область в два этапа. На первом (пилотном) были опробованы методики сбора, обработки и анализа первичных данных на четырёх регионах РФ (2019 г.). Основным этапом сбора эмпирических данных был проведён в 2020 г. ещё в восьми регионах РФ. Объём первого замера после исключения выбракованных в процессе приёмки и проверки документов составил 2002, а второго (2020 г.) 4019 документ. Всего было собрано 6021 полевых документа. Метод сбора – массовый опрос населения в форме индивидуального анкетирования.

Опрос проводился по специально созданной для каждого региона квотной выборке, основанной на данных Федеральной службы государственной статистики за 2019 год и учитывающей половозрастную и образовательную составляющую. Ошибка выборки – 4%. Исходя из эмпирической базы доля женщин составила 55% и мужчин 45%. Возрастные категории опрошенных респондентов распределились следующим образом: от 18 до 29 лет – 27%; от 30 до 49 лет – 37%; от 50 лет и старше – 36%. Распределение респондентов в соответствии с образовательной квотой: незаконченное и ниже среднего – 11%; среднее общее – 17%; среднее специальное – 39% и высшее – 33%. Кроме того, при формировании выборки учитывалась административно-территориальная составляющая: в каждом из отобранных регионов массовые опросы проводились в административном центре региона, в 2 «средних» городах с численностью не менее 50 тыс. человек, в 2 «малых» городах с численностью от 10 до 50 тыс. человек и 1–2 поселениях с численностью менее 10 тыс. человек.

Отбор конкретных регионов, попавших в выборку исследования, был осуществлён на основании методологии социокультурной модернизации. Исходя из гипотезы о существовании зависимости между уровнем общего социально-экономического развития региона и его социокультурным уровнем были определены критерии отбора регионов. В выборку попали регионы из всех федеральных округов (Южный и Северо-Кавказский были объединены в один регион); из всех экономических районов и географических (природно-климатических) зон. Особое внимание при выборе конкретных регионов было уделено тому, чтобы были представлены регионы, расположенные на всех уровнях социокультурной модернизации¹. В таблице 2 схематично отображён полный перечень из 12 регионов, попавших в выборку исследования.

Таблица 2

*Субъекты Российской Федерации (регионы),
в которых проводилось эмпирическое исследование*

№ п/п региона	Название	Статус субъекта Федерации	Федеральный округ	Экономический район	Географическая зона	Уровень социокультурной модернизации
1	Московская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	6
2	Нижегородская область	Область	Приволжский	Волго-Вятский	Средняя полоса	6
3	Свердловская область	Область	Уральский	Уральский	Средняя полоса	5
4	Республика Саха (Якутия)	Республика	Дальневосточный	Дальневосточный	Север	4
5	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	Уральский	Средняя полоса	3
6	Белгородская область	Область	Центральный	Центрально-Черноземный	Средняя полоса	3
7	Омская область	Область	Сибирский	Западно-Сибирский	Средняя полоса	3
8	Амурская область	Область	Дальневосточный	Дальневосточный	Средняя полоса	2
9	Брянская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	2
10	Вологодская область	Область	Северо-Западный	Северный	Север	2
11	Смоленская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	2
12	Республика Калмыкия	Республика	Южный	Поволжский	Юг	1

¹ Методикой определения уровней модернизации в её адаптированном Н. И. Лапиным и его коллегами для России виде определяются шесть уровней модернизованности российских регионов (в порядке возрастания): 1) отстающий, 2) предварительно развитый, 3) ниже среднего, 4) средний, 5) выше среднего, 6) высокий.

Далее было произведено сравнение полученных общественных оценок, отражающих состояние анализируемых сфер деятельности, с объективными, статистическими показателями по тем же самым сферам деятельности. Связка общественной оценки состояния проблемы в регионе и её статистической оценки позволит в итоге определить, насколько мнения жителей регионов согласуется с позицией органов власти и управления, которые для этой же оценки используют, как правило, объективные статистические показатели.

Результаты исследования

Начнём сравнительный анализ с оценки состояния рынка труда и деятельности предприятий в регионе. Здесь представлены три пары показателей. Во-первых, оценка рынка труда, где в качестве социологического мы взяли оценку респондентами возможности найти работу, а в качестве статистических – уровни безработицы и занятости населения в трудоспособном возрасте в регионе. Во-вторых, рассмотрена оценка возможности развития малого и среднего бизнеса. Социологическим показателем выступила оценка их поддержки, статистическим – оборот данной категории бизнеса на одного жителя региона и доля занятости жителей региона на таких предприятиях. И, наконец, мы произвели сравнительную оценку успешности деятельности местных предприятий, действующих в регионах. Социологическим показателем выступила оценка степени загруженности предприятий, т. е. наличие достаточного количества заказов для извлечения финансовой прибыли, а статистическим – оценка их убыточности.

Перед проведением сравнительного анализа ещё раз повторим, что в нашу задачу не входит рассмотрение в каких из обследованных регионах ситуация складывается лучше, а в каких – хуже. Наша задача в другом – в рамках сравнительного анализа оценить степень чувствительности жителей в отношении сложившейся в регионе ситуации по рассматриваемой проблеме, в нашем случае – сфере деятельности.

В соответствии с методикой компаративного анализа мы составили своеобразные рейтинги регионов как по объективным, так и по субъективным показателям. Месторасположение региона в таком рейтинге стало в дальнейшем основанием для сравнения объективных и субъективных показателей по каждой оцениваемой нами сфере деятельности.

Результаты сравнительного анализа субъективных и объективных показателей продемонстрировали разный уровень чувствительности жителей регионов. Как можно увидеть из таблицы 3, расположение регионов по каждому из выделенных в рамках рассматриваемой сферы деятельности показателей отличаются друг от друга. В одних регионах их расположение по объективным и субъективным показателям примерно одинаковое, что говорит о сопоставимости, т. е. мнения жителей регионов в отношении данной проблемы согласуются с объективной, статистической

оценкой. К таким регионам можно отнести Республику Калмыкия, Московскую, Вологодскую и Смоленскую области. Выявленные общественные оценки жителей в целом отражают место региона в сформированном нами рейтинге.

Таблица 3

Рынок труда и деятельность предприятий

Сфера деятельности	Возможности трудоустройства			Деятельность малого и среднего бизнеса			Деятельность местных предприятий	
	субъективный	объективный		субъективный	объективный		субъективный	объективный
Вид показателя								
Регион	возможность найти работу, среднее	уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, %	уровень безработицы, %	поддержка малого и среднего бизнеса, среднее	оборот малых и микро предприятий и индивидуальных предпринимателей в расчёте на одного жителя, тыс. рублей	доля занятых в малом бизнесе и индивидуальном предпринимательстве в общей численности рабочей силы, %	загруженность местных предприятий, среднее	удельный вес убыточных организаций, %
Московская область	1,972 (3)	82,2 (2)	2,7 (1)	2,041 (2)	378 (3)	5,4 (3)	2,198 (5)	32,2 (7)
Нижегородская область	1,83 (7)	83,3 (1)	4,1 (4)	1,721 (10)	404,5 (1)	3,9 (10-11)	2,172 (9)	26,8 (3)
Свердловская область	1,702 (10)	78 (5)	4,2 (5)	1,71 (11)	345,4 (4)	5,1 (4)	2,4 (1)	26,5 (2)
Республика Саха (Якутия)	2,12 (1)	73,2 (11)	6,9 (11)	2,024 (4)	186,1 (11)	5,6 (1)	2,357 (2)	35,4 (10)
Республика Башкортостан	1,893 (4)	74,5 (10)	4,4 (6)	2,03 (3)	224,4 (7)	3,9 (10-11)	2,185 (7)	30,8 (6)
Белгородская область	1,791 (8)	80,5 (3)	3,9 (3)	1,912 (8)	385,1 (2)	5 (5)	2,198 (6)	27,1 (4)
Омская область	2,0 (2)	77,2 (8)	6,4 (10)	2,021 (5)	217,5 (10)	3,8 (12)	2,144 (10)	25,5 (1)
Амурская область	1,862 (5)	78,7 (4)	5,4 (9)	1,969 (6)	233,5 (6)	4,2 (9)	2,208 (3)	37,2 (11)
Брянская область	1,843 (6)	77,9 (6)	3,8 (2)	2,076 (1)	220,3 (8)	4,7 (6-7)	2,184 (8)	32,9 (8-9)
Вологодская область	1,746 (9)	77,4 (7)	4,5 (7)	1,959 (7)	218,1 (9)	4,7 (6-7)	2,2 (4)	29,9 (5)
Смоленская область	1,691 (11)	75,9 (9)	5,2 (8)	1,907 (9)	339,4 (5)	4,5 (8)	2,059 (11)	32,9 (8-9)
Республика Калмыкия	1,339 (12)	69,3 (12)	9,2 (12)	1,565 (12)	64,9 (12)	5,5 (2)	1,433 (12)	43 (12)

Примечание: здесь и далее в таблицах 3–6 в скобках указано место региона в рейтинге по оцениваемой сфере деятельности

Другая часть регионов характеризуется частичной сопоставимостью, т. е. по одним показателям объективные и субъективные оценки вполне сопоставимы, по другим такого сказать нельзя. Например, оценки, поставленные жителями Амурской и Нижегородской областей, относительно положения дел на рынке труда и деятельности малого и среднего бизнеса согласуются со статистическими данными по той же тематике, а оценка деятельности местных предприятий сильно отличается: в Амурской области социологическая оценка значительно выше данных статистики, а в Нижегородской области, наоборот, ниже. К последней группе также можно отнести Брянскую область, где вполне согласуются показатели оценки рынка труда и деятельности местных предприятий, но зафиксированы существенные различия субъективных и объективных оценок в отношении деятельности малого и среднего бизнеса. В Республике Башкортостан, Белгородской и Свердловской областях, сопоставимы только показатели по оценке деятельности местных предприятий, по остальным показателям этого нельзя сказать.

Также была выделена группа регионов, где рассматриваемые показатели оказались полностью рассогласованными: субъективные и объективные оценки здесь сильно отличаются друг от друга. К таким регионам можно отнести Республику Саха (Якутия) и Омскую область.

Теперь проведём такой же анализ регионов в рамках оценки сферы жилья и состояния жилищно-коммунального хозяйства. Для этих целей были также отобраны субъективные и объективные показатели. В рамках оценки состояния доступности жилья социологическим показателем выступила оценка возможности населением улучшить свои жилищные условия, а к статистическим – метраж жилой площади, приходящийся в среднем на одного человека и удельный вес семей, состоящих на учёте по улучшению жилищных условий. Для оценки состояния ЖКХ был выбран социологический показатель – оценки состояния жилищно-коммунального хозяйства, а статистические – доля аварийного жилого фонда в регионе и доля жилого фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства.

Исходя из данных, представленных в таблице 4, можно отметить весьма высокую сопоставимость объективных и субъективных показателей при оценке рассматриваемых сфер деятельности. Особенно это касается оценки состояния жилищно-коммунального хозяйства. Только в двух обследуемых регионах (Брянская область и Республика Саха (Якутия)) субъективные и объективные оценки сильно расходятся. В первом случае общественные оценки оказались ниже статистических данных, во втором случае, наоборот, оценка населения региона значительно превышает представленные статданные.

Что касается оценки состояния жилищного вопроса, то здесь оказалось больше регионов, где объективные и субъективные показатели довольно сильно разнятся: из 12 обследуемых регионов только в пяти данные показатели оказались вполне сопоставимы (Белгородская, Московская,

Таблица 4

Жильё и состояние ЖКХ

Сфера деятельности	Жилищные условия			Состояние ЖКХ		
	субъективный	объективный		субъективный	объективный	
Вид показателя	забота об улучшении жилищных условий населения, среднее	общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя региона, кв.м.	удельный вес семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей, %	состояние жилищно-коммунального хозяйства, среднее	доля аварийного жилищного фонда в общем объёме жилищного фонда, %	доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда, %
Регион						
Московская область	2,062 (2)	33,5 (1)	1,3 (1)	2,148(1)	1,4 (2-3)	74,5 (2)
Нижегородская область	1,76 (9)	27,8 (6)	4,1 (5)	1,965(7)	2,2 (7)	70,4 (4)
Свердловская область	1,737 (10)	26,6 (7)	4,4 (6)	2,034(5)	1,9 (6)	71,1 (3)
Республика Саха/(Якутия)	2,073 (1)	23,2 (12)	7,7 (11)	2,1(2)	14,4 (12)	49 (12)
Республика Башкортостан	1,92 (4)	26,2 (8)	5,5 (8)	2,077(3)	1,2 (1)	69,4 (6)
Белгородская область	1,928 (3)	32,1 (2)	3,3 (4)	2,037(4)	1,6 (4)	79,7 (1)
Омская область	1,864 (6)	25,4 (10)	6,3 (9)	2,01(6)	1,4 (2-3)	58,2(7)
Амурская область	1,805 (7)	25,6 (9)	6,4 (10)	1,941(9)	9,1 (11)	56,7 (9)
Брянская область	1,907 (5)	30,3 (4)	3,1 (3)	1,955(8)	1,7 (5)	69,5 (5)
Вологодская область	1,764 (8)	31,1 (3)	5,3 (7)	1,854(11)	6,1 (10)	56,4 (10)
Смоленская область	1,717 (11)	29,4 (5)	2,4 (2)	1,87(10)	2,4 (9)	58,1 (8)
Республика Калмыкия	1,424 (12)	25,2 (11)	11,2 (12)	1,498(12)	2,3 (8)	50 (11)

Вологодская, Брянская области и Республика Калмыкия), в пяти регионах выявлена разница в оценках, но она оказалась не столь существенна (Омская, Амурская, Нижегородская, Свердловская области и Республика Башкортостан). И только в двух регионах (Смоленская область и Республика Саха (Якутия)) выявлена серьёзная разница при сравнении субъективных и объективных оценок – в первом случае субъективные оценки оказались значительно выше объективных, во-втором, наоборот, субъективные существенно превышают объективные.

Теперь обратим внимание на дорожно-транспортную сферу. Для проведения сравнительного анализа были выделены две группы показателей. Первая относится к оценке состояния дорог в регионе. В качестве социологического была взята оценка населением состояния дорог, а статистического – доля дорог в регионе с твёрдым покрытием и доля дорожного полотна, отвечающего всем нормативным требованиям. Вторая группа

Таблица 5

Дорожно-транспортная инфраструктура

Сфера деятельности	Транспорт		Дороги		
	субъективный	объективный	субъективный	объективный	
Вид показателя					
Регион	работа общественного транспорта, среднее	число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения, шт.	состояние дорог, среднее	плотность автомобильных дорог общего пользования с твёрдым покрытием, %	доля автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального и местного значения, отвечающих нормативным требованиям, %
Московская область	2,435 (4)	119 (5)	2,156 (3)	81,3 (3)	67,9 (1)
Нижегородская область	2,375 (7)	127 (4)	2,008 (7)	70,1 (7)	35,4 (9)
Свердловская область	2,7 (1)	90 (11)	2,206 (2)	78,3 (4)	50,8 (5)
Республика Саха/(Якутия)	2,369 (8)	109 (9)	1,786 (8)	40,2 (12)	35,5 (8)
Республика Башкортостан	2,48 (3)	130 (3)	2,092 (5)	91,1 (2)	55,3 (3)
Белгородская область	2,287 (10)	102 (10)	2,449 (1)	91,4 (1)	66,3 (2)
Омская область	2,53 (2)	199 (1)	1,705 (10)	58,3 (11)	41,6 (6)
Амурская область	2,358 (9)	88 (12)	1,586 (11)	76,7 (5)	34,9 (10)
Брянская область	2,379 (5)	144 (2)	2,093 (4)	65,8 (8)	54,1 (4)
Вологодская область	2,173 (11)	116 (7)	2,027 (6)	58,6 (10)	38,3 (7)
Смоленская область	2,375 (6)	110 (8)	1,756 (9)	64,8 (9)	33,5 (11)
Республика Калмыкия	1,712 (12)	117 (6)	1,523 (12)	75 (6)	21,3 (12)

показателей ориентирована на оценку работы общественного транспорта, где социологический показатель заключается в оценке населением работы общественного транспорта, а статистический представлен количеством автобусов в регионе на 10 тыс. жителей региона.

В ходе анализе дорожно-транспортной инфраструктуры регионов была обнаружена весьма высокая сопоставимость объективных и субъективных показателей (см. табл. 5). Так, сравнение данных показателей по оценке состояния региональных дорог демонстрирует высокую степень корреляции социологических и статистических данных. Только в трёх регионах (Республика Башкортостан, Амурская и Свердловская области) можно заметить отличия в оценках: в Республике Башкортостан и Амурской области оценки населения ниже данных статистики, а в Свердловской области мнения жителей региона оказалось несколько выше статистических значений. Однако

и в том и другом случае разница в показателях оказалась не столь существенна.

Похожая картина складывается и при анализе транспортной обстановки. В половине обследуемых регионов в целом выявлено совпадение субъективных и объективных оценок транспортной ситуации: Республики Башкортостан и Саха (Якутия), а также Белгородская, Смоленская, Омская и Московская области. В четырёх регионах (Вологодская, Амурская, Нижегородская и Брянская области) разница в оценочных показателях была обнаружена, но оказалась не очень существенной. И только в двух регионах отмечено значительное расхождение при анализе субъективных и объективных оценок. В Республике Калмыкия население значительно хуже оценивает ситуацию с развитием транспорта в регионе, а в Свердловской области, наоборот – транспортную обстановку существенно лучше, чем это демонстрируют данные статистики.

Таблица 6

Система здравоохранения

Вид показателя	Субъективный	Объективный		
Регион	система здравоохранения, работа больниц, поликлиник, среднее	мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 10 000 человек населения, посещений в смену	численность врачей всех специальностей, на 10 000 человек населения	число больничных коек, на 10 000 человек населения
Московская область	2,435 (4)	119 (5)	2,156 (3)	81,3 (3)
Нижегородская область	2,375 (7)	127 (4)	2,008 (7)	70,1 (7)
Свердловская область	2,7 (1)	90 (11)	2,206 (2)	78,3 (4)
Республика Саха/(Якутия)	2,369 (8)	109 (9)	1,786 (8)	40,2 (12)
Республика Башкортостан	2,48 (3)	130 (3)	2,092 (5)	91,1 (2)
Белгородская область	2,287 (10)	102 (10)	2,449 (1)	91,4 (1)
Омская область	2,53 (2)	199 (1)	1,705 (10)	58,3 (11)
Амурская область	2,358 (9)	88 (12)	1,586 (11)	76,7 (5)
Брянская область	2,379 (5)	144 (2)	2,093 (4)	65,8 (8)
Вологодская область	2,173 (11)	116 (7)	2,027 (6)	58,6 (10)
Смоленская область	2,375 (6)	110 (8)	1,756 (9)	64,8 (9)
Республика Калмыкия	1,712 (12)	117 (6)	1,523 (12)	75 (6)

И, наконец, рассмотрим более подробно систему здравоохранения. Здесь в качестве объективных показателей мы взяли мощность амбулаторно-поликлинических организаций, численность врачей всех специальностей и число больничных коек. В качестве субъективного показателя выступила оценка работы системы здравоохранения оценка работы больниц, поликлиник.

В отличие от ранее рассмотренных сфер деятельности в рамках оценки состояния системы здравоохранения в регионах наблюдается слабая со-

поставимость объективных и субъективных показателей (см. табл. 6). Во-первых, это связано с тем, что объективные, статистические показатели по каждому региону плохо сопоставляются между собой. Например, по мощности работы амбулаторно-поликлинических организаций Омская область занимает первое место среди 12 обследованных регионов, а по численности врачей и числу больничных коек располагается на нижних позициях – 10 и 11 места соответственно. Схожие ситуации обнаружены в Белгородской и Амурской областях. Во-вторых, субъективные оценки, выставленные системе здравоохранения в регионах, слабо коррелируют с общей оценкой уровня социокультурной модернизации региона. Так, в Нижегородской области, которая относится к высокому уровню развития, оценка работы системы здравоохранения не очень высокая – в нашем рейтинге по данному показателю регион расположен на седьмом месте. Похожая картина прослеживается в отношении Республики Саха (Якутия). И наоборот, Омская область, которая по общему уровню развития стоит на нижних позициях, по оценке системы здравоохранения имеет высокую вторую позицию. Похожая ситуация в Брянской и Смоленской областях.

Таким образом, сформированные и проанализированные объективные и субъективные показатели оценки системы здравоохранения в регионах не только плохо отражают общую ситуацию с оценкой социально-экономического развития региона в соответствии с методологией социокультурной модернизации, но и слабо сопоставимы между собой. Для прояснения сложившейся ситуации требуется введение дополнительных данных, позволяющих объяснить наблюдаемые расхождения в оценках.

Заключение

В заключении обобщим полученные результаты. Ключевой целью исследования стало выявление и анализ степени различия в оценках населения регионов и органов власти (как правило, использующих статистические данные) в отношении текущей ситуации в регионе. Как показали результаты исследования, ситуация оказалась неоднозначной. Сравнительный анализ регионов по сформированным рейтингам на основе, с одной стороны, социологических данных, а с другой, на основе статистических данных показал их линейно-нелинейную взаимосвязь. В одних случаях социологическая оценка в рейтинге совпадает (либо очень близка) с позицией региона в рейтинге, сформированном на основе статистических данных, в других случаях оценка населения сильно отличается от официальных данных статистики. Это касается как отдельных сфер деятельности, так и регионов. Таким образом, сформулированная в исследовании гипотеза о взаимообусловленности глубины и остроты неравенства частично подтвердилась, обнаружена взаимосвязь объективных и субъективных показателей, но она носит неустойчивый характер и зависит от конкретной сферы деятельности.

ности показал, что в вопросах оценки жилищной проблемы, состояния ЖКХ, работы дорожно-транспортной инфраструктуры в целом представления жителей регионов согласуются с официальными данными. А вот при сопоставлении мнений населения регионов и органов власти по оценке состояния рынка труда, деятельности предприятий и в особенности системы здравоохранения наблюдаются серьёзные расхождения.

Что касается отдельных регионов, то наиболее высокий уровень соответствия субъективных и объективных показателей зафиксирован в Республике Калмыкия, Московской, Смоленской, Вологодской, Белгородской, Брянской областях. В данных регионах полученные социологические оценки в целом совпадают со статистическими данными. То есть места в обоих рейтингах оказались одинаковыми либо близкими. Однако также были выделены регионы, в которых в большинстве случаев позиции в рейтингах не совпали. Это в первую очередь Свердловская область, а также Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Омская область. В одних случаях в рейтинге, построенном на основании социологических данных, регион располагался значительно выше, чем в рейтинге, сформированном на основании статистических показателей, в других случаях, наоборот, рейтинг общественной оценки региона был значительно ниже рейтинга, основанного на данных статистики. Месторасположение остальных двух регионов (Нижегородская и Амурская области) в рейтингах носили неоднозначный характер – их позиции можно назвать смешанным: в одних случаях они совпали, в других – сильно различались. Всё зависело от конкретной сферы деятельности, которая подвергалась оценке.

Ещё одним важным итогом исследования стало то, что не обнаружено значимой связи между оценкой состояния социально-экономического развития и уровнем социокультурного развития региона, сформированного в соответствии с методикой, разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Причина в том, что уровень социокультурного развития присваивается региону на основе, общего всестороннего анализа. В рамках нашего исследования такой анализ проводился по отдельным сферам деятельности. В каждом регионе развитие конкретной сферы деятельности может не совпадать с общим уровнем его развития. Однако следует признать, что для регионов, расположенных на крайних позициях социокультурной модернизации (высокий и низкий уровень) характерно наличие связи с поставленными общественными оценками. В этой связи для проверки гипотезы о влиянии характера оценок жителей региона в соответствии с местоположением региона по уровню его социокультурного развития требуются дополнительные данные и расширение перечня сфер социально-экономической деятельности, которые будут включены в компаративный анализ.

Отдельно хотелось бы отметить, что компаративный анализ субъективных и объективных показателей для оценки состояния социальных

неравенств в регионах – это только одна из задач более крупного исследования, посвящённого социальному моделированию региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений. Проведение такого рода социальной диагностики в перспективе позволяет выйти на разработку концептуальной модели по совершенствованию механизмов, направленных на регулирование социальных неравенств и минимизацию их негативного влияния на социально-экономическое развитие регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов, Е. М. Акимкин, В. С. Богданов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. ISBN 978-5-89697-298-3. EDN **YNBRPS**.
2. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: монография / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Гречаная [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов; А. А. Мерзляков. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN **YNARHI**.
3. Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 21–36. EDN **KHUEKS**.
4. Зборовский Г. Е. Методологические подходы к исследованию социального благополучия молодёжи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 8–19. DOI [10.15593/2224-9354/2021.4.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.4.1). EDN **AIAACB**.
5. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, С. В. Горюнова [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН, 2008. 319 с. ISBN 978-5-89697-152-8. EDN **QOJACX**.
6. Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.]. М. : Институт социологии РАН, 2006. 135 с. EDN **QJXISZ**.
7. Басова Е. А. Региональное неравенство в контексте доступности социально значимых благ: компаративная оценка // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 1. С. 83–98. DOI [10.17323/727-06342022-20-1-83-98](https://doi.org/10.17323/727-06342022-20-1-83-98). EDN **OTUZDZ**.
8. Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. Социологическая интерпретация социального моделирования региональных неравенств России (теоретические подходы) // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 149–164. DOI [10.15838/ptd.2022.6.122.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.9). EDN **LKENWP**.
9. Устинкин С. В., Морозова Н. М., Куконков П. И. Неравномерное развитие регионов как фактор углубления социальных неравенств (на примере Приволжского федерального округа) // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2022. С. 435–459. ISBN 978-5-94881-536-7. DOI [10.19181/ezheg.2022.16](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.16). EDN **EWIIJT**.
10. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: монография / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева,

- И. И. Бойко [и др.] ; сост. отв. ред. Н. И. Лапин. М. : Весь Мир, 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN **YRJ CJX**.
11. Маркин В. В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133. EDN **VBDCIJ**.
 12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред.: Хэ Чуаньци ; отв. ред. рус. изд. Н. И. Лапин ; пер. с англ. под общей редакцией Н. И. Лапина ; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. Москва : Весь мир, 2011. 256 с. ISBN 978-5-7777-0490-0. EDN **QONFSD**.
 13. Лапин Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // Социологические исследования. 2012. № 9 (341). С. 4–24. EDN **PFIVH**.
 14. Тихонов А. В. О программе исследования отношения населения к работе властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 3 (27). С. 9–21. DOI **10.19181/snsp.2019.7.3.6686**. EDN **CDOKZY**.
 15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/main.htm (дата обращения: 01.05.2023).
 16. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : официальный сайт. Москва, 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).

Сведения об авторе

А. А. Мерзляков

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: 607540

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 01.07.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.4

THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE INDICATORS COMPARATIVE ANALYSIS FOR ASSESSING SOCIAL INEQUALITIES IN REGIONS

Andrey Aleksandrovich Merzlykov

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

andrey243@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-8846-1423

For citation: Merzlykov A. A. The objective and subjective indicators comparative analysis for assessing social inequalities in regions. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):68–86. (in Russ). DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.4.

Annotation. The article raises the problem of assessing the degree of sensitivity of the population in relation to the socio-economic situation in the regions, which lies in the fact that the population has its own idea of the state of affairs in the region, and these ideas are not always consistent with the official position of the regional decision-making authorities, as usually based on statistics. Such an assessment can be carried out through a comparative (comparative) analysis of objective (based on statistical data) and subjective (based on sociological data) indicators that characterize the state of social inequalities in the regions.

The main results of a comparative analysis are presented on the example of assessing specific areas of life, such as the labor market, housing and the state of housing and communal services, the road transport system, healthcare, etc. fundamental research of the Center for the Sociology of Management and Social Technologies of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, which highlighted the close relationship between the sociocultural and socioeconomic levels of development of regions.

A comparative analysis of subjective and objective indicators for assessing the state of social inequalities showed their linear-nonlinear relationship, i.e. in some cases, the subjective (sociological) assessment can be comparable with the objective one, formed on the basis of statistical data, in other cases, such an assessment is very different from the statistical data. As a result, the initial hypothesis was corrected, noting that a certain interdependence of the depth and severity of social inequalities was found in the regions, but it is unstable and depends on the region and the specific field of activity.

Keywords: objective and subjective indicators, social inequality in the regions, comparative analysis, regions with different levels of development, research methodology

REFERENCES

1. Tikhonov A. V., ed. Russia: reforming the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of the regions. Moscow : FCTAS RAS; 2017. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-298-3.
2. Tikhonov A. V., Merzlyakov A. A., eds. Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes. Moscow : FCTAS RAS; 2017. 455 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-380-5.

3. Goffe N. V., Monusova G. A. Social well-being: perception of realities. *South-Russian Journal of Social Sciences*=*Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2018;19(3):21–36. (In Russ.).
4. Zborovsky G. E. Methodological approaches to the study of the social well-being of youth. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*=*Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*. 2021;(4):8–19. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2021.4.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.4.1).
5. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D., Chernysh M. F., Semenova L. A. Social inequality and socio-structural changes. In: Russia in global processes: the search for prospects. Ed. M. K. Gorshkov. Moscow : Institut sociologii RAN; 2008. P. 26–51. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-152-8.
6. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. [at all], eds. Social inequality in the sociological dimension. Analytical report. Moscow : Institut sociologii RAN; 2006. 135 p. (In Russ.).
7. Basova E. A. Regional inequality in the context of the availability of socially significant benefits: a comparative assessment. *Journal of Social Policy Research*=*ZHurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2022;20(1):83–98. (In Russ.). DOI [10.17323/727-06342022-20-1-83-98](https://doi.org/10.17323/727-06342022-20-1-83-98).
8. Voropaeva A. V., Korosteleva L. Yu. Sociological interpretation of social modeling of regional inequalities in Russia (theoretical approaches). *Problems of territorial development*=*Problemy razvitiya territorii*. 2022;26(6):149–164. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2022.6.122.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.9).
9. Ustinkin S. V., Morozova N. M., Kukonkov P. I. Uneven development of regions as a factor in deepening social inequalities (on the example of the Volga Federal District). *Russia reforming: yearbook*=*Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik*. Ed. M. K. Gorshkov. FNISC RAS. Moscow: Novy`j Xronograf; 2022;20:435–459. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-536-7.
10. Lapin N. I., ed. Atlas of Russian modernization and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems: monograph. Moscow : Ves Mir. 2016; 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0664-5.
11. Markin V. V. Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling. *Humanities of the South of Russia*=*Gumanitarij YUGa Rossii*. 2015;(4):123–133. (In Russ.).
12. Lapin N. I., He Chuanqi eds. Overview report on modernization in China (2001-2010). Transl. from English. Moscow: Ves Mir;. 2011. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0490-0.
13. Lapin N. I. Measuring the modernization of Russian regions and the socio-cultural factors of its strategy. *Sociological research*=*Sociologicheskie issledovaniya*. 2012;(9):4–24. (In Russ.).
14. Tikhonov A. V. On the program of studying the attitude of the population to the work of the power-administrative vertical in regions with different levels of socio-cultural modernization. *Sociological science and social practice*=*Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2019;(3):9–21. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.3.6686](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6686).
15. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. Sat. Rosstat. Moscow ; 2020. 1242 p. Available at: https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/main.htm (accessed: 01.05.2023).
16. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS) [Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. EMIICC]. Available at: <https://www.fedstat.ru/> accessed: 01.05.2023). (In Russ.).

Information about the author

A. A. Merzlykov

Candidate of Sociology,
Leading Researcher

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 01.07.2023.

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ ЮГА РОССИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Наталья Камильевна Бинеева¹

Алексей Сергеевич Магранов²

^{1,2}Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН;

^{1,2}Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия,

¹ n.bineeva@gmail.com,

ORCID 0000-0002-6582-4049

² alex_daredevil@mail.ru,

ORCID 0000-0002-5138-0950

Для цитирования: Бинеева Н. К., Магранов А. С. Восприятие студенческой молодёжью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 87–111. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.5. EDN GDJLRQ.

Аннотация. Актуальность исследования восприятия молодёжью социально-экономических и политических процессов в стране обусловлена социальным запросом на понимание готовности молодых людей принимать участие в экономическом развитии страны, её политической жизни, приемлемых для неё форм миграционного и гражданского поведения, определения уровня протестного потенциала. Целью статьи является выявление взаимосвязи тенденций в оценках студенческой молодёжью социально-экономической и социально-политической ситуации с такими характеристиками, как зависимость от социально-психологического самочувствия, материальное положение, уровень доверия политическим институтам и политическому курсу, миграционные и протестные установки. Эмпирической базой анализа выступают данные исследований, проведённых среди студенческой молодёжи Юга России в период с 2017 по 2022 год Южно-Российским филиалом ФНИСЦ РАН. Анализ выявил противоречивость состояния общественного сознания студенческой молодёжи как в оценке социально-экономической ситуации, так и социально-политического положения в стране. Несмотря на то, что представления о будущем у студентов размыты, их миграционные установки по сравнению с 2017 годом практически не изменились и соответствуют общероссийским тенденциям. Установлено, что студенческая молодёжь Юга России не проявляет особого интереса к политике (как и российская в целом), но в то же время выражает высокий уровень персонифицированного доверия президенту РФ и армии в большей степени, чем политическому курсу власти в целом. Студентам Юга Рос-

сии близки идеи социальной справедливости, свободы слова и выражения политической позиции, а также налаживания дружеских взаимоотношений с Западом. Установлен тренд снижения за последние 5 лет оценок возможности выражать свои политические взгляды при высоком уровне правосознания, а также рост допустимости противозаконных форм протеста с усилением недоверия власти и её политическому курсу.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, социально-экономическая ситуация, политическая ситуация, специальная военная операция, социальная неопределённость, протестный потенциал

Введение

Состояние современного российского общества характеризуется высокой степенью социальной неопределённости. Сложившиеся условия являются прямым следствием событий, произошедших в России и в мире за последние несколько лет: пандемии COVID-19, которая выступила испытанием для всех сфер жизнедеятельности общества, начавшейся в феврале 2022 года специальной военной операции (СВО), потребовавшей от российского общества консолидации, институционального доверия и формирования позитивной государственно-гражданской идентичности. Данные события усилили социальное напряжение в обществе, внесли изменения в функционирование социальных институтов, сопровождались сокращением численности населения как в результате высокой смертности от COVID-19, так и по причине миграционного оттока из страны экономически активного сегмента населения после начала СВО; усилилось беспрецедентное санкционное давление, эффект от которого ощущается всеми слоями населения. Всё это, а также неоднозначное освещение специальной военной операции в различных источниках информации, безусловно, обуславливает вероятность повышения уровня социально-политических рисков, связанных с социальной дифференциацией и политической дезинтеграцией социума, усилением в обществе тревожности, а также протестных настроений [1, с. 161].

Студенческая молодёжь как социально-демографическая группа, субъект социальных взаимодействий и процессов общественного воспроизводства была и остаётся важным объектом социологического анализа, и особое внимание ей уделяется в условиях трансформаций российского общества. Социологи в рамках «молодёжной тематики» изучают различные аспекты жизнедеятельности молодёжи и её студенческого сегмента, анализируют происходящие изменения [2; 3; 4; 5; 6; 7]. В региональном измерении фокус внимания направлен на анализ настроений и мировосприятия студенческой молодёжью западных и восточных приграничных регионов России [8]; ценностных ориентаций молодёжи регионов Юга и Юго-запада России в контексте жизненных целей, способов и условий их реализации [9]; представлений о гражданственности [10]; вопросов информационной безопасности в условиях

трансформаций медиапространства в Республике Крым; предпочтений молодёжи относительно источников получения и использования получаемой информации [11]; формирования межнационального и межконфессионального согласия в этнических группах крымской молодёжи [12], патриотизма и патриотических установок саратовской молодёжи, влияния на их формирование семейного воспитания, общественных организаций, структур государственной власти, СМИ, системы образования, религии и нереализованного потенциала данных институтов в формировании патриотизма в молодёжной среде [13]. Студенческая молодёжь Юга России и вопросы её жизнедеятельности, патриотического воспитания, формирования гражданственности и общероссийской идентичности регулярно изучаются социологическими исследовательскими центрами Юга России [14; 15].

Предметное поле исследований молодёжи и её студенческого сегмента в отечественной социологии, традиционно ориентированное на изучение жизненных траекторий, формирование ценностно-мотивационных ориентиров [16; 17], расширяется в контексте трансформаций и состояния неопределённости, актуализирующих дискурс ценностного и идеологического самоопределения молодого поколения. В связи с этим в исследовательской повестке отечественных социологов на первый план выходят проблемы политической социализации молодёжи. В частности, вопросы восприятия символов российской государственности [18], образов политических деятелей и содержательных характеристик, которые соответствуют запросу современной молодёжи [19]. Также в поле зрения исследователей попадает рост гражданской активности среди молодёжи (преимущественно среди 18–24-летних), возрастание у них запроса на перемены [20]. Актуальность исследования восприятия и оценок происходящих в российском обществе и в мире изменений подтверждается меняющимся характером гражданской и политической активности молодых людей во всём мире [21], низким уровнем заинтересованности и участия в традиционных политических институтах [22]. Западные исследования фиксируют в политических практиках молодёжи отказ от традиционных форм политического и гражданского участия в силу утраты доверия к институтам или недоступности традиционных форм участия. То есть в современных обществах жизнь молодёжи протекает без связи с формальными институтами или без её участия в политических процессах либо молодёжь «создаёт новые пространства для связи с гражданской сферой общества и проявления своих политических интересов» [23; с. 18], предпочитая включаться в неформальные общности на основе онлайн-коммуникации.

Социальная проблема, актуализировавшая работу над данной статьёй, заключается в противоречии между запросом общества в условиях неопределённости на укрепление общероссийской идентичности, политическое самоопределение, на рост патриотизма и гражданственности со стороны молодёжи, с одной стороны, и напряжённым социально-пси-

хологическим состоянием, снижением уровня доверия к власти, аполитичностью, которые являются общими тенденциями, характерными для современной молодёжи, – с другой. В рамках работы было сформулировано предположение о том, что неудовлетворённость студентов условиями собственной жизни сопряжена с негативным социально-психологическим состоянием, значительно снижает уровень доверия к власти и способствует усилению протестного потенциала. Политическая система ожидает в условиях неопределённости внутренней мобилизованности общества, высокого уровня патриотизма и гражданской ответственности, в то время как в условиях неопределённости ухудшение ситуации в стране и личных жизненных условий студенческая молодёжь может связывать с политическим курсом действующей власти.

Научная проблема, на решение которой был направлен проведённый в рамках данной статьи анализ, заключается в измерении восприятия студенческой молодёжью социально-экономической и социально-политической ситуации в стране в зависимости от социально-психологического самочувствия, субъективных оценок материального положения и эмоционального состояния, уровня доверия политическим институтам и политическому курсу, миграционных и протестных установок.

Цель данной статьи – выявить восприятие студенческой молодёжью Юга России социально-экономического и социально-политического состояния российского общества в условиях неопределённости. Объектом исследования выбрана студенческая молодёжь в возрасте 18–24 лет как социальная группа, находящаяся в процессе профессионального и гражданского самоопределения. Предмет исследования – представления студенческой молодёжи о социально-экономической и социально-политической ситуации в стране в контексте состояния социальной неопределённости в зависимости от социально-психологического самочувствия, субъективных оценок материального положения и эмоционального состояния, уровня доверия политическим институтам и политическому курсу, миграционных и протестных установок. Для решения заявленной цели были поставлены задачи: 1) рассмотреть представления студентов о социально-экономической ситуации в стране и регионе; 2) изучить мнение студентов относительно вероятных сценариев развития России в ближайшем будущем в зависимости от факторов тревожности, ощущения личной безопасности, негативной оценки социально-экономического положения и роста напряжения в обществе; 3) рассмотреть политические ориентации и определить уровень доверия студентов действующей власти и её политическому курсу; 4) проанализировать динамику миграционных и протестных установок в региональном и общероссийском контексте.

Постановка проблемы и обоснование объекта исследования

Высокий интерес к проблемам студенческой молодёжи Юга России связан с объективными условиями формирования кадрового потенциала

в стратегически важном регионе страны. Юг России занимает 4-е место по численности населения среди федеральных округов страны, в вузах только Южного федерального округа обучаются порядка 418,3 тыс. человек, что составляет чуть более 10% всех студентов России. В Ростовской области в 37 организациях высшего образования обучаются 130 767 студентов, что составляет 3,21% от контингента по Российской Федерации. В Республике Крым в 12 вузах получают образование 33 173 студента, что составляет 0,81% от контингента РФ [24]. Ежегодно в вузы Ростовской области зачисляют около 30 тыс. обучающихся, из которых 32–35% – за счёт средств федерального бюджета, 65–68% – по договорам об оказании образовательных услуг. В то же время в регионе сохраняются проблемы, связанные с выделением бюджетных мест, финансируемых за счёт федерального бюджета, и с уровнем сбалансированности системы подготовки с отраслевой специализацией экономики региона. Выделение бюджетных мест для региональных вузов несоизмеримо ни с уровнем социально-экономического развития, ни с численностью населения, проживающего в нём (в 2017/18–2020/21 гг. выделено 29 418 единиц контрольных цифр приёма). Система подготовки высококвалифицированных кадров частично сбалансирована с отраслевой специализацией экономики. В Ростовской области, например, разбалансированность наблюдается в наиболее значимых отраслях экономики региона – в сфере сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности [25]. Важной с точки зрения социально-экономического развития региона и воспроизводства кадрового потенциала остаётся проблема трудоустройства выпускников вузов по специальности. По оценкам специалистов, наиболее сложная ситуация наблюдается в регионах Юга России: здесь уровень занятости окончивших вузы в период 2016–2018 гг. составляет лишь 66,5% в Северо-Кавказском федеральном округе и 69% в Южном федеральном округе, а уровень безработицы – 18,4 и 21,0% соответственно. По данным Росстата 2018 года, доля выпускников вузов в 2016–2018 гг., работающих по специальности, в общей численности трудоустроенных выпускников по федеральным округам в Южном федеральном округе составила 62,6%, что ниже показателей по другим федеральным округам (за исключением Северо-Кавказского) [26].

Выбор в качестве объекта анализа студенческой молодёжи Ростовской области и Республики Крым обусловлен рядом причин. Во-первых, это приграничный статус данных регионов, что особенно актуально в условиях СВО. Приграничные территории, «являясь частью страны, вбирают в себя не только общие тенденции экономических процессов, но и особенные, обусловленные своеобразием географического положения и социально-психологической специфики», которая находит отражение в состоянии массового сознания молодёжи и особенно её студенческого сегмента [8, с. 82]. Во-вторых, именно эта часть общества, находясь в процессе политической социализации и формирования политических взглядов, наиболее восприимчива к политическим событиям и нужда-

ется в ориентации на общественно-политический порядок, выступающий контекстным фоном формирования государственно-гражданской идентичности и позитивного восприятия своей страны и своих жизненных перспектив. В-третьих, студенчество представляет собой особую когорту молодёжи, выступающую своеобразным «ресурсным потенциалом». Молодому поколению присущи такие качества, как инициативность, креативность, готовность рисковать и бороться для достижения лучшей жизни. Будучи включённой в систему общественных отношений, молодёжь обладает способностью оказывать влияние на социальное самочувствие всего общества в целом. «Общественные настроения и ожидания в значительной степени начинают определять молодёжь, понимание которой ключевых целей общественного развития формируется под влиянием современных реалий, а не травмирующее сознание (или, напротив, греющих душу) воспоминаний о прошлых временах» [20, с. 131].

Современная молодёжь обладает своими специфическими характеристиками, своим стилем, отличающимся стремлением к самореализации и развитию личностного потенциала [27]. В связи с этим, как отмечают Я. В. Дидковская и Д. В. Трынов, субъективные оценки удовлетворённости молодёжи отдельными аспектами своей жизни носят прожективный характер. Важную роль в данных оценках играют социальные ожидания и образ будущего, создаваемый на их основе. При этом существует и обратная связь: стратегии поведения молодых людей, направленные на перспективы в будущем, формируются с учётом удовлетворённости конкретными условиями жизни в настоящем, то есть зависят от актуального социального самочувствия [28, с. 205].

В связи с этим особого внимания заслуживает отношение представителей подрастающего поколения к общей социально-экономической ситуации в нашей стране и к происходящим в ней социально-политическим процессам. Действительно, как отмечают Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовская, молодёжь выступает своеобразным «барометром будущего» [7]. Это обусловлено особой ролью молодёжи в развитии любого государства, и в особенности студенчества как категории, выступающей ресурсом потенциального развития всех сфер жизни общества, в том числе и формирования государственных управленческих элит. При этом молодое поколение обладает весьма нестабильным положением в социальной структуре общества, промежуточным и переходным социальным статусом [4, с. 46–47]; характеризуется идеологическим и мировоззренческим плюрализмом, многовариантностью, «мозаичностью» и фрагментарностью мировоззрения [17]. Исследования общероссийского масштаба в 2018 году фиксировали «заметное превалирование в молодёжной среде селективного, выборочного подхода в отношении конкретных практик социального и политического участия» [20, с. 133].

Однако здесь необходимо понимать и тот факт, что современная молодёжь заметно отличается от представителей предыдущих поколений.

Как справедливо отмечает А. Н. Данилов, «отражая мировую тенденцию общего подъёма протестных настроений, современная молодёжь радикализируется. Это поколение ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готово жертвовать многим ради общего. У него есть свои идеи и идеалы, за которые жертвенно идёт на лишения. Это поколение ориентировано на перемены и хочет жить в мире, где считаются с их мнением, приоритетна социальная справедливость» [29, с. 14]. Кроме того, возрастание индивидуалистических настроений в среде молодёжи, как отмечает генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) В. Фёдоров, делает её наиболее проблемной возрастной когортой в плане отношения к специальной военной операции на Украине. Как следует из результатов исследований ВЦИОМ, молодое поколение ориентировано в большей степени на спасение себя, а не на спасение страны – своей Родины¹.

Безусловно, изучение отношения студенческой молодёжи к реалиям, сложившимся в современном российском обществе, представляет особый интерес для исследователей. В последнее время значительную часть внимания учёные уделяют анализу оценок молодёжи в отношении отдельных аспектов восприятия ими специальной военной операции на Украине. Так, А. А. Казаков проанализировал обобщённые результаты исследовательских проектов, реализованных ведущими российскими социологическими центрами (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр»*), посвящённых изучению отношения молодёжи к СВО и их обеспокоенности сложившейся ситуацией. Проведённый анализ позволил определить, что представители молодого поколения, по сравнению с другими возрастными группами, демонстрируют более сдержанную и осторожную позицию в отношении специальной военной операции [30]. Е. В. Зарубина на основе результатов лонгитюдного социологического исследования, реализованного с применением ряда качественных методик (анализ личных документов, интервью, фокус-группы), выделила четыре группы студентов – в зависимости от их отношения к проведению СВО: безоговорочно поддерживающие СВО и понимающие её основные цели (таковых оказалось 53,6%); не поддерживающие СВО (26,8%); студенты, высказавшие нейтральное отношение к СВО, – в основном ввиду непринятия насилия как такового (13,4%); отказавшиеся говорить на данную тематику (6,2%), что, вероятнее всего, объясняется отсутствием у них чёткой однозначной позиции [31]. По мнению автора, подобный разброс мнений объясняется, во-первых, недостатком достоверной информации и слабым уровнем владения навыком отделения «фейков» от истины, а во-вторых – недостаточностью патриотического воспитания со стороны первичных агентов социализации (семья и шко-

¹ Глава ВЦИОМа рассказал о борьбе государства с эгоизмом молодёжи // Говорит Москва : [сайт]. 16.03.2023. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/356136/> (дата обращения: 26.03.2023).

* АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ла) [31]. Однако изучение мнений и оценок молодого поколения относительно правильности проведения специальной военной операции должно дополняться анализом восприятия молодёжью сложившихся в сегодняшней России социально-экономических и социально-политических условий, её видения будущего страны. Именно это является отправной точкой как выявления протестного потенциала у представителей подрастающего поколения, так и определения готовности и стремления молодых людей стать настоящими гражданами своей страны. Стоит заметить, что данный аспект уже затрагивался исследователями на Юге России. Так, в 2016 году Центром социально-политических исследований Южного федерального университета было реализовано социологическое исследование «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодёжи в условиях транзитивности современного российского общества». В ходе данного проекта были ещё раз подтверждены высокая чувствительность и восприимчивость студенчества как особой социальной группы к происходящим в обществе трансформациям. То есть, представители студенчества ощущают влияние ситуации в стране на свои жизненные условия: как на материальное положение, так и на социальное самочувствие [15].

Однако начало специальной военной операции на Украине обусловило формирование абсолютно новых реалий российского общества, восприятие которых студенческой молодёжью требует отдельного, многостороннего изучения. В 2022 году тезис о том, что «молодёжь как социальная группа пока ещё не пришла в политику, но политика уже пришла в жизнь молодых людей и заставляет их обращать на себя внимание», стал как никогда актуален [20].

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу работы составляют материалы ряда исследований, проведённых коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН в период 2017–2022 гг.: социологическое исследование по теме «Гражданская и этнокультурная идентичность молодёжи: ценностные основания и детерминанты в условиях неопределённости» (2022 г., Ростовская область, Республика Крым, студенческая молодёжь в возрасте 18–24 лет, $n = 2521$); фокус-групповое исследование по теме «Ценностный мир студенческой молодёжи» (2022 г., Ростовская область, студенческая молодёжь, 1–4-й курс бакалавриата гуманитарного, инженерно-технического и естественнонаучного направлений подготовки, $n = 12$); социологическое исследование «Профессиональные предпочтения выпускников вузов Ростовской области» (2021 г., Ростовская область, студенческая молодёжь, IT-направление подготовки, $n = 2043$); социологическое исследование «25 лет реформ: Ростовская область» (2017–2018 гг., Ростовская область, население региона от 18 до 65 лет, в том числе молодёжь в возрасте 18–24 лет, $n = 1208$); социологическое исследе-

дование «Институциональные практики патриотического воспитания в системе высшего образования» (2017 г., Ростовская область, Республика Крым, 1–4-й курс бакалавриата, $n = 1178$). Кроме того, проанализированы доступные статистические данные с целью выделить студенческую молодёжь в общем потоке молодёжи и обосновать выбор в качестве объекта исследования.

В 2022 году целевыми регионами исследований выступали Ростовская область и Республика Крым ввиду приграничного положения по отношению к зоне проведения специальной военной операции. Кроме того, данные регионы являются образовательными и научными центрами на Юге России: согласно статистическим данным Министерства науки и высшего образования, по состоянию на 2021 год в Ростовской области в вузах обучалось 130 519 студентов, в Республике Крым – 33 083 студента¹.

Тип выборки – многоступенчатая квотная, репрезентация обеспечена по полу и курсу обучения (1–4-й курс). В числе вузов для проведения исследования были отобраны федеральные университеты, а также вузы инженерно-технического и гуманитарного профиля подготовки². Общий объём выборки – 2521 студент³. Фактическая выборка составила для Республики Крым 809 студентов (32,1%), для Ростовской области – 1712 студентов (67,9%), обучающихся по программам высшего образования. Анкетирование в вузах, включённых в выборку, проводилось с учётом пола и курса обучения студентов на основе предварительной договорённости с руководством и преподавателями⁴. Среди опрошенных студентов 33,2% – студенты 1-го курса, 26,9% – 2-го курса, 21,8% – 3-го курса и 14,3% – студенты 4-го курса; 41,5% – юношей и 58,5% – девушек; 71,3% респондентов до поступления в вуз проживали в городской и 28,7% – в сельской местности.

Все представленные в исследовании распределения получены после осуществления процедуры взвешивания наблюдений с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics.

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2021 год // Минобрнауки России : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 04.08.2022).

² Вузы, в которых проводился опрос студентов: Южный федеральный университет (ЮФУ); Южно-Российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова (ЮРГПУ (НПИ)); Таганрогский институт имени А. П. Чехова; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (КФУ); Университет экономики и управления (УЭУ); Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

³ Точность полученных ответов в рамках выборки составила 97%, доверительный интервал $\pm 2,4\%$.

⁴ Анкетирование проводилось методом стандартизированного опроса в учебных группах, в некоторых случаях с использованием онлайн-сервиса «Анкетолог.ру».

Отношение студенчества Юга России к социально-экономической ситуации в стране

Важным показателем настроений и «жизненного тонуса» молодёжи является оценка социально-экономической ситуации в стране и в регионе проживания, так как «жизнь в условиях социальной нестабильности значительным образом влияет на взгляды и поведение молодых людей и требует от них умения приспосабливаться к изменяющейся реальности, выбирать наиболее эффективные стратегии адаптации» [16, с. 83]. Несмотря на то, что современная молодёжь лучше приспособлена к условиям рынка, чем представители старших поколений [2, с. 75], оценка социально-экономической ситуации имеет противоречивый характер. При том что положительные оценки (ситуация благополучная и скорее благополучная) составили 51,0% в отношении положения в России в целом и 52,8% в отношении региона проживания, восприятие ситуации как кризисной характерно для 38,5 и 36,5% студенческой молодёжи соответственно. Каждый десятый студент высших учебных заведений Ростовской области и Республики Крым затруднился дать однозначную оценку сложившимся в современном российском обществе реалиям. Причём, как следует из полученных данных, представители студенчества практически идентично оценивают социально-экономическую обстановку как в России в целом, так и в своём регионе. Данные о том, как студенческая молодёжь, будучи наиболее чувствительной и остро воспринимающей все трансформации, происходящие в социуме, оценила социально-экономическое положение в стране и изменения уровня социального напряжения в обществе за последний год, представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

*Социально-экономическая обстановка в стране и регионе проживания
в оценках студентов вузов Юга России, 2022 г., %*

Социально-экономическая обстановка	Локация	
	В России в целом	В регионе проживания
Благополучная	18,8	19,2
Скорее благополучная	32,2	33,6
Скорее кризисная	26,6	25,8
Кризисная	11,9	10,7
Затруднились ответить	10,5	10,7

Более половины опрошенных отмечают возрастание – в той или иной степени – социального напряжения в стране, регионе, а также в их населённом пункте (городе, селе). Существенное его снижение отметили лишь 7,3–9,4% респондентов. Однако здесь прослеживается тенденция

Таблица 2

Оценка изменений социального напряжения в стране, регионе и населённом пункте за последний год в оценках студентов вузов Юга России, 2022 г., %

Социальное напряжение	Локация		
	В России в целом	В регионе проживания	В родном городе, селе
Существенно снизилось	7,3	8,3	9,4
Немного снизилось	14,4	13,1	12,8
Немного возросло	24,2	27,1	26,8
Существенно возросло	37,0	30,1	25,9
Ситуация такая же, как и была раньше	4,8	7,3	10,7
Затруднились ответить	12,3	14,1	14,4

усиления ощущения социального напряжения от микроуровня к макроуровню. Если на уровне города/села существенное возрастание социального напряжения ощущают четверть опрошенных (25,9%), то на уровне страны в целом данный показатель возрастает до 37%. Кроме того, в отношении своего населённого пункта студенты чаще всего указывали, что ситуация осталась без изменений (10,7%), в то время как тех, для кого ситуация на уровне страны не изменилась, в 2 раза меньше (4,8%).

Условия неопределённости и негативные изменения в социально-экономической сфере в наибольшей степени отразились на представителях студенческой молодёжи, оценивающих своё материальное положение как плохое, – среди них в кризисном состоянии страны и региона уверены больше трети опрошенных (см. табл. 3). Это соответствует данным общероссийских социологических опросов, которые фиксируют зависимость негативных оценок от материального положения: «негативную оценку чаще других дают молодые, люди с высшим образованием и плохим материальным положением» [32].

Субъективная оценка материального положения выступает одним из факторов, влияющим на восприятие социального напряжения в обществе. Каждый второй студент, оценивающий своё материальное положение как плохое (49,8%), отмечает существенное возрастание социального напряжения в стране в целом. При этом стоит отметить, что к данной категории относится каждый десятый представитель студенчества Юга России – 11,4% студентов отметили полную неудовлетворённость своими финансовыми возможностями; 53,7% опрошенных (практически каждый второй) оценили своё материальное положение как удовлетворительное и 35,0% – как хорошее. Возросшее социальное напряжение в обществе отмечают и те, кто оценивает своё материальное положение как удовлетворительное (64,5%), и те, кто оценивает его как плохое (68,3%): разница в оценках составляет 3,8%.

Таблица 3

Оценка социально-экономической обстановки в стране и в регионе проживания студентами Юга России с разным уровнем материальной обеспеченности, 2022 г., %

Субъект оценки	Социально-экономическая обстановка	Материально обеспечены		
		хорошо	удовлетворительно	плохо
Россия в целом	Благополучная	35,3	10,9	5,6
	Скорее благополучная	30,9	36,0	18,5
	Скорее кризисная	19,9	30,3	29,6
	Кризисная	5,3	11,3	34,5
	Затруднились ответить	8,6	11,5	11,8
Регион проживания	Благополучная	36,6	10,9	5,2
	Скорее благополучная	33,1	36,9	19,5
	Скорее кризисная	16,7	30,4	32,1
	Кризисная	4,5	10,8	29,6
	Затруднились ответить	9,1	11,0	13,6

Таблица 4

Оценка социальной напряжённости в стране и в регионе проживания студентами Юга России с разным уровнем материальной обеспеченности, 2022 г., %

Субъект оценки	Социальное напряжение	Материально обеспечены		
		хорошо	удовлетворительно	плохо
Россия в целом	Существенно снизилось	14,7	3,5	2,4
	Немного снизилось	15,2	14,9	9,4
	Немного возросло	22,7	26,3	18,5
	Существенно возросло	30,9	38,2	49,8
	Ситуация такая же, как и была раньше	5,3	4,5	4,2
	Затруднились ответить	11,2	12,6	15,7
Регион проживания	Существенно снизилось	16,3	4,2	3,1
	Немного снизилось	14,0	13,4	8,7
	Немного возросло	25,2	29,7	20,9
	Существенно возросло	25,5	31,0	40,4
	Ситуация такая же, как и была раньше	6,7	7,5	7,7
	Затруднились ответить	12,3	14,2	19,2

Социально-психологическое состояние представителей студенческой молодёжи, вызванное ситуацией неопределённости в обществе, может актуализировать социальные противоречия, создавать условия для роста социальной напряжённости и неудовлетворённости происходящими событиями.

Если студенты, оценивающие ситуацию в России как благополучную, в основном находятся в позитивном эмоциональном состоянии (38,3%) или же чувствуют себя спокойно, уравновешенно (39,6%), то каждый третий респондент, отмечающий кризисное положение дел в стране (32,1%), указал, что ощущает тревожность, а четверть представителей данной категории (24,7%) пребывают в состоянии апатии, полного безразличия к происходящему вокруг. В целом тревожное эмоциональное состояние молодёжи, которое формируется на фоне ситуации неопределённости, отсутствия уверенности в завтрашнем дне, подтверждается и результатами проведённых в вузах Ростовской области фокус-групповых исследований. Как правило, это касается оценки состояния окружающих людей и самих студентов. По мнению представителей студенчества, «тревожность окружающих передаётся и им»: «...да, у людей также преобладает тревожное состояние»; «я тоже замечала, что люди из моего окружения и я стали более тревожными, ...ты не знаешь, что будет завтра, строить планы невозможно». В качестве основных причин формирования тревожности студенты выделяют факторы макро- и микроуровня: социально-политическую ситуацию, начало СВО, частичную мобилизацию, а также сложное материальное положение людей в их окружении и высокую учебную нагрузку.

Оценка будущего страны как индикатор уровня социальной напряжённости показала отсутствие у студентов единого мнения по данному вопросу, так как только каждый третий из них (32,6%) верит в улучшение ситуации в стране, а 17,9% полагают, что обстановка в ближайшем будущем не претерпит значительных изменений. По мнению 23,8% опрошенных, социально-экономическая ситуация в России будет ухудшаться. Четверть респондентов (25,7%) затруднились с ответом на поставленный вопрос. В целом позитивные настроения молодёжи Ростовской области по поводу успешного развития страны на протяжении последних пяти лет (2017–2022 гг.) сохраняются на уровне 24–35%, при этом в условиях социально-политической неопределённости ожидания изменений к лучшему возрастают.

При этом необходимо отметить, что неопределённость будущего, как и восприятие текущей ситуации, находит своё отражение в эмоциональном состоянии молодых людей. Так, чувство спокойствия, уравновешенности испытывают в основном студенты, полагающие, что нынешняя ситуация в стране улучшится или хотя бы останется неизменной: 49,8 и 44,1% соответственно. Кроме того, каждый третий респондент, верящий в позитивное будущее (28,7%), чувствует позитивный эмоциональный подъём. А треть представителей студенчества, настроенных по отношению к будущему с пессимизмом (30,7%), находятся в состоянии тревожности. Ощущение личной безопасности как фактор социально-психологического состояния студенческой молодёжи характеризуется в целом положительными и удовлетворительными оценками, такие оценки дали 47,4 и

42,8% респондентов соответственно. Различий по регионам не было выявлено, кроме того, что в Ростовской области на 4,0% больше студентов, которые оценили состояние личной безопасности как плохое, чем в Республике Крым.

В целом положительные оценки состояния личной безопасности характерны практически половине студентов (47,4%), участвовавших в опросе 2022 года, однако по сравнению с 2017 годом этот показатель снизился практически на 10,0%, а количество студентов, оценивших ощущение своей личной безопасности как «плохое», увеличилось за этот период в 2 раза (с 5,0 до 10,0%). Спектр страхов, которые свойственны молодёжи, можно свести к трём, разным по уровню и масштабу, событиям: «ядерная война», «гражданская война», «разрыв горизонтальных (дружеских) связей между людьми», что, по мнению молодёжи, усугубит и так не очень солидарное состояние российского общества («ядерная война»; «что мы все переругаемся внутри»; «самое страшное – гражданская война»; «и я боюсь, что из-за каких-то политических разногласий, возможно, ...пропадёт взаимопонимание») (данные фокус-групп).

На фоне социальной неопределённости и политических процессов особую актуальность приобретают миграционные установки студенческой молодёжи, так как эмиграция молодёжи как наиболее образованной, находящейся в трудоспособном возрасте части населения, негативно сказывается на социально-экономических и демографических процессах в России, а «общество, в котором мало молодёжи, часто теряет социальный оптимизм и динамику развития» [33, с. 82]. Серия социологических опросов молодёжи Ростовской области, в том числе её студенческого сегмента, проведённых Южно-Российским филиалом ФНИСЦ РАН в период 2017–2022 гг., показала готовность жить и работать за границей после окончания вуза порядка 15–18% молодёжи, что соответствует результатам общероссийских исследований, согласно которым доля ориентированных на эмиграцию достигает среди студентов вузов 18,6% [2, с. 201–202]. То есть доля имеющих миграционные установки за этот период увеличилась незначительно и составила в 2022 году 17,8%, что выше показателей 2017 и 2021 гг. на 2,8 и 3,0% соответственно (см. рис. 1).

Из числа готовых уехать за границу в 2022 году 65,0% были ориентированы переехать на постоянное место жительства, 24,2% рассматривали переезд как временную поездку ради заработка или стажировки и 10,9% связывали свой отъезд с неопределённостью ситуации в стране в связи с началом специальной военной операции. В условиях социально-политической неопределённости, характерной современному российскому обществу, вопросы миграционных установок требуют особого внимания со стороны общества и государства, так как миграция для молодёжи не только способ адаптироваться к состоянию неопределённости,

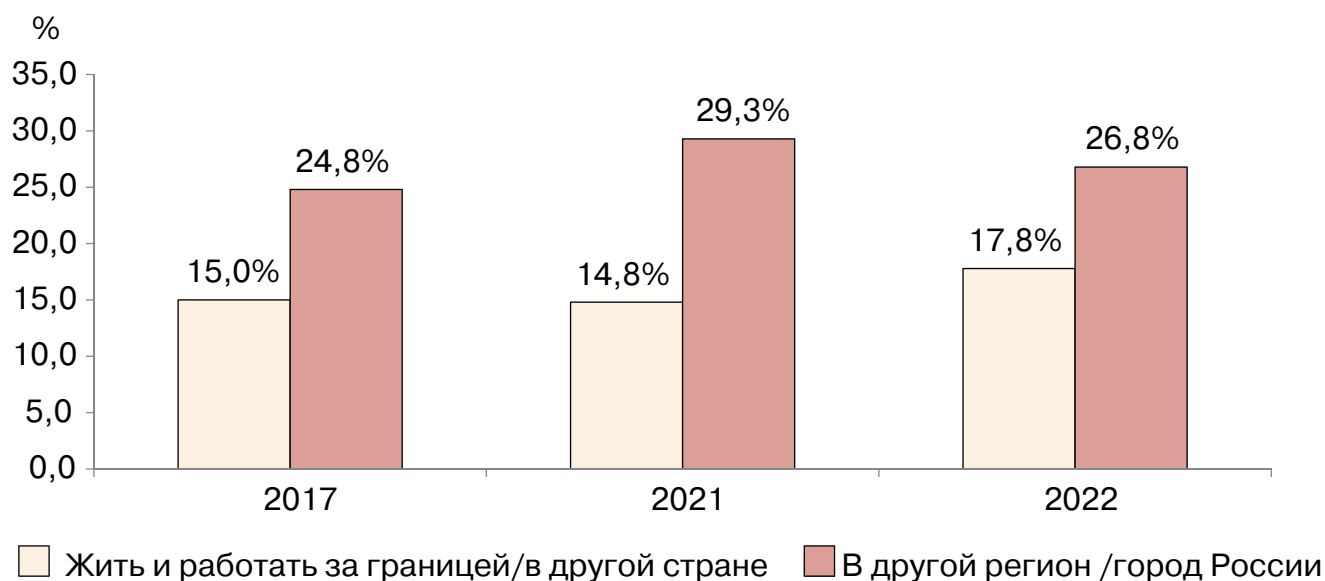

Рис. 1. Динамика миграционных установок студенческой молодёжи Ростовской области, 2017–2022 гг., %

но и условие реализации жизненных целей. Молодёжь считает «территориальную, в том числе трансграничную мобильность рациональным способом регулирования дисбаланса условий реализации жизненных целей, сложившегося в российском обществе» [9, с. 97].

Восприятие студентами политических процессов и протестный потенциал

Включение студенческой молодёжи в практики политического участия в современных обществах рассматривается не только с позиции связи между социально-экономическим неравенством, нестабильной занятостью молодёжи и линейным переходом ко взрослой жизни, но и в контексте появления новых форм вовлечённости, основанных на сетевых коммуникациях, индивидуализированных траекториях выбора участия, новых пространств для проявления своих политических интересов.

Важность анализа политических ориентаций молодёжи, особенностей восприятия молодыми людьми политических процессов в стране связана с необходимостью понимания их готовности принимать участие в политической жизни государства, выделения приемлемых для них форм участия, а также определения уровня их протестного потенциала. Г. В. Пушкарёва, О. В. Михайлова, Е. В. Батоврина включают в структуру категории «политические ориентации» три основных элемента: доверие/недоверие к основным политическим институтам; ценностная компонента: предпочтительные формы политического устройства; отношение к политическому курсу государства [34, с. 21]. Влияние выделенных компонентов на формирование оценок ситуации в стране, значимость внешних и внутренних факторов в формировании представлений студентов были

проанализированы на основе мнения студентов о социально-экономической ситуации в стране и оценок внешне- и внутривнутриполитических процессов (вопросы об этом задавались в форме дихотомий суждений, с одним из которых нужно было высказать согласие).

В настроениях студенческой молодёжи Юга России преобладают установки, связанные с приоритетом внутривнутрироссийских факторов, связанных с функционированием политической системы и деятельностью органов государственной власти федерального уровня. Негативное восприятие деятельности политической власти сопряжено с оценкой социально-экономической ситуации как кризисной или скорее кризисной. В общей совокупности респондентов более 70% считающих, что политика действующей российской власти ведёт страну в тупик, отмечают, что социально-экономическая ситуация в стране кризисная или скорее кризисная. Также критичность положения дел в стране связывается и с решением властей о начале специальной военной операции на Украине. В то же время внешние факторы – в виде экономических санкций против России со стороны западных стран, по мнению студентов вузов, имеют заметно меньшее значение.

Результаты анкетного опроса согласуются с выводами фокус-группового исследования и показали отсутствие целостного «образа врага» в представлениях молодёжи. Понимание того, что в публичной риторике в единой негативной коннотации используются слова «враг», «Америка», «Запад», у молодёжи есть, однако, её личное отношение к формированию образа врага выражалось в ироничных комментариях. По мнению молодёжи, есть, скорее, явления внутреннего характера, мешающие развитию страны, и с которыми следует бороться: коррупция, бюрократия, кумовство, социальное неравенство. При этом внешние угрозы по отношению к российскому обществу и российской культуре считают актуальными 9 из 12 участников фокус-группы. Противоречивость молодёжного сознания проявляется и в том, что, отвечая на вопрос об «образе врага», студенты отмечали внутренние проблемы, с которыми российскому обществу необходимо справиться для успешного развития в будущем.

В совокупности менее половины респондентов, уверенных в деструктивном воздействии санкционных механизмов на экономику нашего государства, отметили ту или иную степень кризиса в социально-экономической сфере сегодняшнего российского общества. Однако для полного понимания ситуации необходимо уточнить распределение долей указанных категорий студентов. Согласно полученным данным, в ошибочности политического курса действующей российской власти и необдуманности её решения о начале СВО уверены 23% студентов высших учебных заведений, а вот в негативный эффект от экономических санкций Запада верят больше половины опрошенных – 53,4% представителей студенчества.

Оценка деятельности государства определяется через деятельность государственных и гражданских институтов, направленных на создание условий для социализации и самореализации молодого поколения. Поэ-

тому доверие молодёжи гражданским и политическим институтам, которое зависит от экономической стабильности в стране, выступает важным индикатором устойчивости и интегрированности общества. В условиях социальной неопределённости, которая характеризуется политической нестабильностью на международном уровне и ужесточающимся санкционным режимом, уровень доверия политическим институтам, наоборот, увеличился. Положительная динамика доверия, которую молодёжь проявила по отношению ко всем институтам, обусловлена ответами категории респондентов, которые пять лет назад не имели чёткого мнения и выбирали вариант «затрудняюсь ответить».

В целом структура институционального доверия студенческой молодёжи Юга России соответствует отчасти как общеевропейским тенденциям, характеризующимся тем, что «молодые люди более подозрительно относятся к политикам и правительствам, у них меньше знаний о политике и они менее склонны вступать в политические партии и иные формальные политические организации» [35; с. 2546], так и общероссийским, согласно которым «основными символами стабильности и эффективного функционирования государства выступают Президент в форме персонифицированной власти и армия как гарант безопасности государства» [2, с. 229].

В 2022 году большинство опрошенных выразили своё доверие президенту Российской Федерации: совокупный показатель доверия среди студентов вузов составил 66,7% (39,6% полностью доверяют, а 27,4% – скорее доверяют). В целом данный показатель соответствует уровню доверия российской молодёжи периода 2009 года (71,3% – согласно общероссийской выборке) [2]. Совокупный показатель доверия российской армии в 2022 году составил 66,6%, что практически соответствует уровню доверия президенту РФ.

Показатель совокупного доверия правительству Российской Федерации составил 56,4% (25,9% полностью доверяют и 30,5% скорее доверяют), а Государственной Думе в целом доверяют 52,1% (24,4 и 27,7% соответственно). Главе своего региона доверяют 55,7% студентов вузов Юга России (24% полностью доверяют, а 31,7% – скорее доверяют). Проведённый анализ позволил зафиксировать сопряжённость мнений о тенденциях изменения ситуации в стране с уровнем доверия государственной власти и удовлетворённости её политическим курсом (см. табл. 5). Однако, согласно представленным данным, становится очевидно, что представители студенческой молодёжи выражают больше доверия президенту РФ лично, нежели политическому курсу власти в целом.

Согласно результатам социологических исследований [2; 35; 36], российская молодёжь не испытывает большого интереса к политике, и студенческая молодёжь вузов Ростовской области и Республики Крым в этом вопросе не исключение. По данным общероссийских исследований, доля молодых россиян, постоянно интересующихся политикой, в период с 2013 по 2018 год практически не изменилась и составила 17 и 15% соответственно [20].

Таблица 5

Оценка изменений социально-экономической ситуации в России в течение ближайших 2–3 лет студентами, имеющими разную степень доверия президенту РФ и разные мнения о курсе действующей власти, 2022 г., %

Оценка изменений	Доверие президенту РФ				Согласие с высказываниями	
	Полностью доверяют	Скорее доверяют	Скорее не доверяют	Полностью не доверяют	Действующая власть ведёт Россию по пути развития	Политика действующей власти ведёт Россию к кризису
Ситуация улучшится	53,2	33,5	7,4	2,8	41,5	8,8
Останется неизменной	18,3	18,8	29,9	7,1	21,5	11,5
Ситуация ухудшится	7,5	20,9	45,1	79,2	12,8	56,0
Затруднились ответить	21,0	26,8	17,6	10,9	24,2	23,7

Ситуация 2022 года не изменила гражданско-политической активности студентов региональных вузов: практически половина опрошенных (48,2%) не участвуют ни в каких организациях. Только 3,1% студентов участвуют в работе политических организаций, 2,1% – в работе органов местного самоуправления, 7,3% – в работе общественных организаций. По мнению участников фокус-групп, гражданская и политическая активность молодёжи выражена слабо, носит латентный характер и может проявляться в основном в социальных сетях в виде постов и комментариев к ним. То есть политические установки студентов «все меньше формируются их социальными связями с семьёй, системой образования, работой, а в большей степени их участием и взаимодействием через социальные сети, в которых они могут играть значительную роль» [37; с. 143].

По сравнению с 2017 годом в 2022 году ухудшились оценки возможности выражать свои политические взгляды: среди студенческой молодёжи Юга России доля тех, кто оценивает их как плохие, увеличилась на 6,0% и составила 24,3%. Утрата возможности выражать свои политические взгляды может выступать косвенным показателем снижения уровня свободы, так как молодёжь на вопрос о понимании свободы в первую очередь выделила возможность свободно выражать своё мнение (53,8%) и открыто демонстрировать свою политическую позицию (13,0%). Как отмечают отечественные исследователи, «самой близкой по духу для молодёжи формой протеста является митинг как форма публичной активности, которая созвучна обострённому стремлению молодых поколений к свободе и активности. Напротив, жёсткое подавление и запрет этой формы про-

теста может способствовать накоплению напряжённости и усилению интереса к более радикальным формам протеста» [36, с. 87–88].

Также необходимо обратить внимание на влияние политических ориентаций на формирование протестного потенциала студенческой молодёжи. Массовый анкетный опрос студентов в 2022 году показал, что подавляющее большинство студентов (76,4%) придерживаются мнения, что для защиты своих прав люди должны прибегать только к законным формам борьбы. Использование любых методов борьбы за свои права и свободы, в том числе гражданское неповиновение и участие в несанкционированных акциях протеста, допускают почти четверть опрошенных – 23,6%. При этом допустимость любых форм борьбы за свои права, в том числе и противозаконных, возрастает с усилением недоверия действующей власти и её курсу (см. табл. 6).

Таблица 6

Допустимые способы защиты своих прав в оценках студентов вузов Юга России с разным уровнем доверия президенту РФ и действующей власти, 2022 г., %

Способы защиты своих прав	Доверие президенту РФ				Согласие с высказываниями	
	Полностью доверяют	Скорее доверяют	Скорее не доверяют	Полностью не доверяют	Действующая власть ведёт Россию по пути развития	Политика действующей власти ведёт Россию к кризису
Для защиты своих прав люди должны прибегать только к законным формам борьбы	87,4	83,2	54,9	33,0	86,7	47,0
Для защиты своих прав люди могут использовать любые методы, в том числе участие в акциях протеста	12,6	16,8	45,1	67,0	13,3	53,0

Так, если среди полностью доверяющих президенту РФ приоритетность законных форм борьбы за свои права признаёт подавляющее большинство – 87,4%, – то среди испытывающих недоверие данный показатель в разы меньше – 33%. Причём здесь вновь прослеживается тенденция персонализации власти: среди респондентов, не доверяющих главе государства, оказалось заметно больше тех, кто готов к любым действиям, нежели тех, кто недоволен курсом власти в целом. Помимо этого, достаточно значимыми оказались и факторы условий жизни молодых людей, в особенности материальное положение и ощущение личной безопасности. Причём, согласно полученным данным (см. табл. 7), условия жизни, в которых молодые люди не чувствуют себя в безопасности, сильнее подталкивают их к решительным (в том числе и радикальным) действиям, нежели финансовое неблагополучие (которое тоже играет весьма заметную роль).

Таблица 7

**Допустимые способы защиты своих прав в оценках студентов вузов
Юга России с разными оценками материального положения
и состояния личной безопасности, 2022 г., %**

Способы защиты своих прав	Оценка материального положения			Оценка состояния личной безопасности		
	хорошее	удовлетворительное	плохое	хорошее	удовлетворительное	плохое
Для защиты своих прав люди должны прибегать только к законным формам борьбы	82,3	75,8	60,6	82,3	75,3	52,2
Для защиты своих прав люди могут использовать любые методы, в том числе участие в акциях протеста	17,7	24,2	39,4	17,7	24,7	47,8

По оценкам студентов, протестные настроения если и характерны для молодёжи, то для незначительной её части, так как, по мнению студентов, нет определённой идеи, организации, а если и есть, то в условиях сильной политической власти они «подавлены» и практически не имеют шансов на проявление в реальных социально-политических практиках (*«нет идеи, которая затронула бы каждого человека», «в студенческой среде есть [протестные настроения], ... но они неорганизованные», «протестное движение не может иметь какой-то вес у нас, потому что у нас настроения в обществе разрозненные...»*) (данные фокус-групп).

В то же время, если проанализировать политические ориентации студенческой молодёжи Юга России, можно выделить ценностное ядро, объединяющее её в представлениях о предпочтительных моделях социально-политического устройства российского общества, и, соответственно, те проблемные вопросы, решения которых ждут современные студенты от политической элиты. Основная идея, которая близка каждому третьему респонденту (34,4%), – снижение социального расслоения, уменьшение разрыва между богатыми и бедными. Это ещё раз подтверждает обозначенную ранее тенденцию: плохое материальное положение и несоблюдение принципа справедливости являются одним из факторов нарастания социального напряжения в обществе. На втором месте идеи «свободы слова, выражения своего мнения и политической позиции» (14,3%) и «налаживания дружеских взаимоотношений с Западом» (13,8%). В меньшей степени студенческая молодёжь Юга России придерживается идей тоталитаризма («наделение главы государства абсолютной властью и полный государственный контроль за всеми сферами жизни общества») и наци-

онализма («политика, основанная на превосходстве Вашего народа над другими») – этих идей придерживаются лишь 2,8 и 1,7% респондентов соответственно.

Заключение

Важность анализа восприятия молодёжью социально-экономических и политических процессов в стране связана с необходимостью понимания готовности молодых людей принимать участие в экономическом развитии страны, её политической жизни, приемлемых для них форм миграционного и гражданского поведения, определения уровня их протестного потенциала. Результаты проведённого анализа на основе эмпирических данных, собранных в рамках региональных исследований Южно-российского филиала ФНИСЦ РАН, показали противоречивость состояния общественного сознания студенческой молодёжи – как в оценке социально-экономической ситуации, так и социально-политического положения в стране.

Положительные оценки экономической ситуации – так же, как и возрастание социального напряжения в стране и регионе проживания, были зафиксированы в ответах каждого второго студента. Соответствие общероссийским тенденциям в установках студенческой молодёжи проявилось в зависимости негативного восприятия социально-экономической сферы от материального положения студентов и их социально-психологического состояния. Оценка будущего страны как индикатор уровня социальной напряжённости показала отсутствие единого мнения: неопределённость будущего, как и восприятие текущей ситуации, находит своё отражение в эмоциональном состоянии молодых людей. Представления о будущем у студентов вузов размыты, о чём свидетельствует значительный разброс мнений об изменении социально-экономической ситуации в ближайшие 2–3 года. В ситуации неопределённости миграционные установки практически не изменились и соответствуют тенденциям, характерным российским студентам в целом, за исключением того, что из числа ориентированных на отъезд 10% готовы уехать из страны из-за ситуации социальной неопределённости и начала СВО.

Политические ориентации студентов, оценка значимости внешних и внутренних факторов в формировании их представлений были проанализированы на основе мнения студентов о социально-экономической ситуации в стране и оценок внешне- и внутривнутриполитических процессов. Установлено, что студенческая молодёжь Юга России не проявляет особого интереса к политике (как и российская в целом), но в то же время выражает высокий уровень персонифицированного доверия президенту РФ и армии в большей степени, чем политическому курсу власти в целом. Аксиологический компонент политических ориентаций студенческой молодёжи включает приверженность идеям социальной справедливости и снижения социального расслоения, свободы слова,

выражения своего мнения и политической позиции, а также налаживания дружеских взаимоотношений с Западом. Называя в качестве факторов, мешающих развитию страны, внутренние явления (коррупция, кумовство, социальное неравенство), студенческая молодёжь считает внешние угрозы российскому обществу и культуре более актуальными, чем внутренние, что также отражает противоречивость сознания регионального студенчества. Политическая активность студентов приобретает латентный характер и перемещается из поля конкретного политического участия в поле онлайн-взаимодействия в социальных сетях. Ухудшившиеся за последние пять лет возможности выражать свои политические взгляды в оценках студентов сочетаются с убеждённостью в том, что для защиты своих прав люди должны прибегать только к законным формам борьбы. Допустимость любых форм борьбы за свои права, в том числе противозаконных, возрастает с усилением недоверия власти и её политическому курсу. Тенденция персонализации власти в глазах молодого поколения позволяет сделать вывод о том, что подрыв доверия к власти выступает более сильным фактором формирования протестного потенциала молодёжи, нежели недовольство политическим курсом в целом. Помимо этого, протестный потенциал студенческой молодёжи зависит от материального положения молодых людей, их ощущения личной безопасности, а также от соблюдения прав и свобод со стороны государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Н. М., Зайцева А. А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // *Caucasian Science Bridge*. 2022. Т. 5, № 4 (18). С. 160–172. DOI [10.18522/2658-5820.2022.4.16](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16). EDN **WYPMGS**.
2. Горшков М.К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : [монография] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. ISBN 978-5-89697-327-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020). EDN **BNSNDA**.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, И. О. Тюрина. Москва : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN **DMQCRN**.
4. Чупров В. И., Zubok Ю. А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М. : Academia, 2009. 320 с. ISBN 978-5-87444-311-5. EDN **SUFKBZ**.
5. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев; НИУ «Высшая школа экономики». Москва : НИУ «Высшая школа экономики», 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1). EDN **STOTFS**.
6. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодёжь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. Москва : ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2014. 548 с. ISBN 978-5-90600-10-8. EDN **SHYCBR**.

7. *Омельченко Е. Л., Лисовская И. В.* Молодёжь как барометр будущего? Молодёжная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодёжной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078). EDN [XIXVYB](#).
8. *Симонян Р. Х.* Студенческая молодёжь приграничных регионов России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 82–89. DOI [10.7868/S0132162518040098](https://doi.org/10.7868/S0132162518040098). EDN [UORMII](#).
9. *Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В.* Жизненные цели молодёжи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 97–107. DOI [10.31857/S013216250023772-2](https://doi.org/10.31857/S013216250023772-2). EDN [KQDNSZ](#).
10. *Нартова Н. А.* Гражданственность в представлении петербургской молодёжи и их родителей // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 38–47. DOI [10.31857/S013216250007742-9](https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9). EDN [URRZSE](#).
11. Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым / В. А. Чигрин, А. А. Зоткин, Е. Г. Городецкая, В. В. Узунов // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 184–199. DOI [10.19181/vis.2022.13.2.801](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.801). EDN [RVBQNP](#).
12. *Ярмак О. В., Нелина Л. П., Ярмак В. Е.* Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 96–112. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.592](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.592). EDN [YOFOGA](#).
13. *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125. DOI [10.19181/vis.2020.11.2.643](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643). EDN [VJNDIM](#).
14. Институциональные практики патриотического воспитания в системе высшего образования: состояние, проблемы и перспективы / Ю. Г. Волков, Р. Д. Хунагов, Н. К. Бинева [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2018. 204 с. ISBN 978-5-85108-306-8. EDN [XSCGPJ](#).
15. *Магранов А. С., Деточенко Л. С.* Социально-экономическая ситуация в России: мнения и оценки современного студенчества // Власть. 2017. Т. 25, № 10. С. 72–82. EDN [ZNLHLR](#).
16. *Ядова М. А.* Жизненные траектории молодёжи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93. DOI [10.31857/S013216250011067-6](https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6). EDN [VDHCRW](#).
17. *Шавырина И. В., Демененко И. А.* Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи // Вестник Института социологии. 2017. № 2 (21). С. 128–139. DOI [10.19181/vis.2017.21.2.460](https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.460). EDN [YTNNOL](#).
18. *Воробьев В. П., Еремина Е. В., Неделько С. И.* Символы российской государственности в сознании студенческой молодёжи // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 117–127. DOI [10.31857/S013216250000767-6](https://doi.org/10.31857/S013216250000767-6). EDN [VCFATY](#).
19. *Марин Е. Б.* Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 82–105. DOI [10.19181/vis.2020.11.2.642](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.642). EDN [IMYXWK](#).
20. *Петухов В. В.* Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 119–138. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1621](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621). EDN [QWSVAC](#).
21. *Harris A., Wyn J., Younes S.* Young people and citizenship: An everyday perspective // Youth Studies Australia. 2007. № 26 (3). P. 19–27.

22. *Ekström M., Sveningsson M.* Young people's experiences of political membership: from political parties to Facebook groups // *Information Communication and Society*. 2017. № 22 (2). P. 155–171. DOI [10.1080/1369118X.2017.1358294](https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1358294).
23. Patterns of Civic and Political Commitment in Early Adolescence / M. L. Martínez, P. Cumsille, I. Loyola, J. C. Castillo // *The Journal of Early Adolescence*. 2019. Vol. 40, № 3. P. 1–27. DOI [10.1177/0272431618824714](https://doi.org/10.1177/0272431618824714).
24. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г. // ГИВЦ : [сайт]. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (дата обращения: 15.06.2023).
25. Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием отраслевой структуре экономики России / Т. Н. Блинова, А. В. Федотов, А. А. Коваленко, Е. А. Полушкина. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с. ISBN 978-5-85006-323-8.
26. *Рудаков В. Н.* Трудоустройство выпускников вузов по профилю полученной специальности // *Мониторинг экономики образования*. 2020. № 1. URL: <https://lirt.hse.ru/news/383069725.html> (дата обращения: 12.04.2023).
27. *Зинурова Р. И.* Социокультурные параметры гражданского активизма поколения зет // *Управление устойчивым развитием*. 2022. № 2 (39). С. 24–29. DOI [10.55421/2499992X_2022_2_24](https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_2_24). EDN JKUTBE.
28. *Дидковская Я. В., Трынов Д. В.* Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 1. С. 202–214. DOI [10.15838/esc.2019.1.61.12](https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.12). EDN YYGDML.
29. *Данилов А. Н.* Новая молодежь выбирает своё будущее // *Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. Выпуск 10*. Минск : РИВШ, 2022. С. 10–15.
30. *Казаков А. А.* Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22, Вып. 4. С. 460–467. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467). EDN VRKDZI.
31. *Зарубина Е. В.* Отношение молодежи к СВО: опыт социологического исследования // *Социально-гуманитарное образование и современность. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 октября 2022 года)*. Екатеринбург : Уральский государственный аграрный университет. 2022. С. 91–97.
32. Экономическая ситуация в России: мониторинг. Оценки положения дел в экономике в разных социально-демографических группах // *ФОМ* : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14499> (дата обращения: 05.05.2023).
33. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия / А. А. Байков, А. С. Лукьянец, Е. Е. Письменная [и др.] // *Социологические исследования*. 2018. № 11 (415). С. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8). EDN YPHVPN.
34. *Пушкарева Г. В., Михайлова О. В., Батоврина Е. В.* Политические ориентации российского студенчества: региональный срез // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22, № 1. С. 19–33. DOI [10.31429/26190567-22-1-19-33](https://doi.org/10.31429/26190567-22-1-19-33). EDN QCUWTM.
35. *Činjurević M., Agić E., Pašić-Mesihović A.* Latent class analysis of «good citizenship» forms among youth in Bosnia and Herzegovina // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020. Vol. 33, № 1. P. 2541–2558. DOI [10.1080/1331677X.2020.1771746](https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1771746).

36. *Марин Е. Б.* Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 62–92. DOI [10.19181/vis.2021.12.1.699](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.699). EDN [PTBCEZ](https://www.edn.ru/PTBCEZ).
37. *Loader B. D., Vromen A., Xenos M. A.* The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement // Information Communication and Society. 2014. Vol. 17, № 2. DOI [10.1080/1369118X.2013.871571](https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.871571).

Сведения об авторах

Н. К. Бинеева

кандидат социологических наук, доцент,
директор филиала, доцент
AuthorID РИНЦ: [275097](https://elibrary.ru/author_index.action?id=275097)

А. С. Магранов

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
старший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [671150](https://elibrary.ru/author_index.action?id=671150)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.5

PERCEPTION OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL SITUATION IN RUSSIA BY STUDENT YOUTH OF THE SOUTHERN REGION (BASED ON REGIONAL STUDIES)

Natalia Kamilievna Bineeva¹

Aleksei Sergeevich Magranov²

^{1, 2} South-Russian Branch of FCTAS RAS;

^{1, 2} Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia,

¹ n.bineeva@gmail.com,

ORCID 0000-0002-6582-4049

² alex_daredevil@mail.ru,

ORCID 0000-0002-5138-0950

For citation: Bineeva M. K., Magranov A. S. Perception of socio-economic and political situation in Russia by student youth of the southern region (based on regional studies). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):87–111. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.5.

Abstract: The relevance of researching the perception of socio-economic and political processes in the country by the youth is driven by a social demand to understand the readiness of young people to participate in the country's economic development, its political life, acceptable forms of migration and civic behaviour, and the level of protest potential. The aim of this article is to identify the interconnection of trends in evaluations by student youth regarding the socio-economic and socio-political situation with characteristics such as dependence on socio-psychological well-being, financial status, trust levels in political institutions and the political course, migration and protest attitudes. The empirical basis of the analysis comprises data from studies conducted among student youth of the Southern region of Russia from 2017 to 2022 by the Southern Russian branch of the FCTAS RAS. The analysis revealed the ambivalence of the state of public consciousness among student youth, both in their assessment of the socio-economic situation and the socio-political position in the country. Despite students' uncertain future perceptions, their migration attitudes have hardly changed compared to 2017, aligning with nationwide tendencies. It was established that the student youth of the Southern region of Russia does not display significant interest in politics (similar to the broader Russian population), yet concurrently expresses a higher level of personalised trust in the President of Russia and the military, more so than in the overall political direction of the authorities. Ideas of social justice, freedom of speech, and expressing political stance resonate with students from the Southern region of Russia, as well as fostering friendly relations with the West. A trend was identified over the last 5 years of reduced ratings in the ability to express political views while having a high level of legal consciousness, alongside a growth in the acceptability of unlawful forms of protest due to increasing distrust in the government and its political course.

Keywords: student youth, socio-economic situation, political situation, special military operation, social uncertainty, protest potential, survey

REFERENCES

1. Velikaya N. M., Zaytseva A. A. Representation of the special military operation in print mass media in the context of consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*. 2022;5(4):160–172. (In Russ.) DOI [10.18522/2658-5820.2022.4.16](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16).
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research: [monograph]. Moscow : FNISCRAN; 2020. 688 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-327-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of intellectual labor specialists: a sociological analysis. Moscow : FNISCRAN; 2023. 383 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).
4. Chuprov V. I., Zubok Ju. A. Youth extremism: the essence, forms of manifestation, trends. Moscow : Akademiya; 2009. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-87444-311-5.
5. Radaev V. V. Millennials: How Russian society is changing. Moscow : Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly jekonomiki; 2019. 224 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1).
6. Konstantinovskij D. L., Voznesenskaja E. D., Cherednichenko G. A. Youth of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: education, work, social well-being. Moscow : CSPiM; 2014. 548 p. (In Russ.) ISBN 978-5-90600-10-8.
7. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(2):66–92. (In Russ.) DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078).
8. Simonyan R. Kh. Student youth of the border regions Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2018;(4):82–89. (In Russ.) DOI [10.7868/S0132162518040098](https://doi.org/10.7868/S0132162518040098).
9. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Life goals of youth and ways to achieve them (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(5):97–107. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250023772-2](https://doi.org/10.31857/S013216250023772-2).
10. Nartova N. A. Citizenship as understood by St. Petersburg young people and their parents. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2019;(12):38–47. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250007742-9](https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9).
11. Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2022;13(2):184–199. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2022.13.2.801](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.801).
12. Yarmak O. V., Nelina L. P., Yarmak V. E. Interethnic and interreligious unity among Crimea college students. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(3):96–112. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2019.30.3.592](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.592).
13. Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. Value guidelines and their influence on young people's perception of patriotism. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2020;11(2):106–125. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2020.11.2.643](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643).
14. Volkov Ju. G. (ed.). Institutional practices of patriotic education in the higher education system: state, problems and prospects. Rostov-on-Don – Maikop: Uchastok operativnoj poligrafii AGU; 2018. 204 p. (In Russ.) ISBN 978-5-85108-306-8.

15. Magranov A. S., Detochenko L. S. Social and economic situation in Russia: Modern students' opinions and estimates. *Vlast'*=*The Authority*. 2017;25(10):72–82. (in Russ.).
16. Yadova M. A. Life trajectories of the youth in the 21-st century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*=*Sociological Studies*. 2022;(2):83–93. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250011067-6](https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6).
17. Shavyrina I. V., Demenenko I. A. Values and motivational orientations of student's youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*=*Vestnik instituta sotziologii*. 2017;(2):128–139. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2017.21.2.460](https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.460).
18. Vorobev V. P., Eremina E. V., Nedelko S. I. Symbols of the Russian State in consciousness of the student youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya*=*Sociological Studies*. 2018;(8):117–127. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250000767-6](https://doi.org/10.31857/S013216250000767-6).
19. Marin E. B. Images of Russian political leaders as viewed by youth: a semantic reconstruction. *Bulletin of the Institute of Sociology*=*Vestnik instituta sotziologii*. 2020;11(2):82–105. (In Russ.) DOI [10.19181/vis.2020.11.2.642](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.642).
20. Petukhov V. V. Russian Youth and its role in society transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*=*Monitoring obshhestvenno go mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(3):119–138. (In Russ.) DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1621](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621).
21. Harris A., Wyn J., Younes S. Young people and citizenship: An everyday perspective. *Youth Studies Australia*. 2007;26(3):19–27.
22. Ekström M., Sveningsson M. Young people's experiences of political membership: from political parties to Facebook groups. August 2017. *Information, Communication and Society*. 2017;22(2):1–17. DOI [10.1080/1369118X.2017.1358294](https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1358294).
23. Martínez M. L., Cumsille P., Loyola I., Castillo J. C. Patterns of civic and political commitment in early adolescence. *The Journal of Early Adolescence*. January 2019;40(3):1–27. DOI [10.1177/0272431618824714](https://doi.org/10.1177/0272431618824714).
24. Information and analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of the activities of educational institutions of higher education in 2022 (In Russ.). Available at: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (accessed: 15.06.2023).
25. Blinova T. N., Fedotov A. V., Kovalenko A. A., Polushkina E. A. Compliance of the structure of personnel training with higher education with the sectoral structure of the Russian economy. Moscow : Izdatel'skij dom Delo RANHiGS; 2021. 360 p. (In Russ.). ISBN 978 5 85006 323 8.
26. Rudakov V. N. Employment of university graduates according to the profile of the received specialty. *Monitoring of the education economy*. 2020;(1). (In Russ.). Available at: <https://lirt.hse.ru/news/383069725.html> (accessed: 12.04.2023).
27. Zinurova R. I. Socio-cultural features of generation zet civic activism. *Upravlenie ustojchivym razvitiem*=*Sustainable development management*. 2022;2(39):24–29. (in Russ.) DOI [10.55421/2499992X_2022_2_24](https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_2_24).
28. Didkovskaya Ya. V., Trynov D. V. Social well-being and expectations of the youth in the industrial region. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(1):202–214. (in Russ.) DOI [10.15838/esc.2019.1.61.12](https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.12).
29. Danilov A. N. New youth chooses their future. In: *Modern youth and society*. Vol. 10. [Sovremennaja molodezh' i obshhestvo. Vipusk 10.] Minsk : RIVSh; 2022. P. 10–15. (In Russ.).
30. Kazakov A. A. The attitude of Russian youth to the Special Military Operation: The role of media support of state policy. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija*=*Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(4):460–467. (in Russ.) DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467).

31. Zarubina E. V. The attitude of young people to SMO: the experience of sociological research. In: *Social'no-gumanitarnoe obrazovanie i sovremennost'*. [Social and humanitarian education and modernity]. *Materialy Vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Yekaterinburg, October 13, 2022). Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet; 2022. P. 91–97. (in Russ.).
32. The economic situation in Russia: monitoring. Assessments of the state of affairs in the economy in different socio-demographic groups. FOM. (In Russ.). Available at: <https://fom.ru/Ekonomika/14499> (accessed: 05.05.2023).
33. Baykov A. A., Lukyanets A. S., Pismennaya E. E., Rostovskaya T. K., Ryazantsev S. V. Youth emigration from Russia: Scale, channels, consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2018;(11):75–84. (in Russ.) DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8).
34. Pushkareva G. V., Mikhaylova O. V., Batovrina E. V. Political orientation of Russian students: regional profile. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk=South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021;22(1):19–33. (in Russ.) DOI [10.31429/26190567-22-1-19-33](https://doi.org/10.31429/26190567-22-1-19-33).
35. Činjarević M., Agić E., Pašić-Mesihović A. Latent class analysis of “good citizenship” forms among youth in Bosnia and Herzegovina. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. 2020;33(1):2541–2558. DOI [10.1080/1331677X.2020.1771746](https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1771746).
36. Marin E. B. The idea of social protest among Russian youth of the Far East. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(1):62–92. (in Russ.) DOI [10.19181/vis.2021.12.1.699](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.699).
37. Loader B. D., Vromen A., Xenos M. A. The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement. *Information, Communication and Society*. 2014;17(2). DOI [10.1080/1369118X.2013.871571](https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.871571).

Information about the authors

N. K. Bineeva

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Director, Associate Professor
ResearcherID: [AAH-5472-2020](https://orcid.org/0009-0001-9042-2020)
Scopus AuthorID: [57201615145](https://orcid.org/0009-0001-9042-2020)

A. S. Magranov

Candidate of Sociology,
Leading researcher, Senior researcher
Scopus AuthorID: [57190303467](https://orcid.org/0009-0001-9042-2020)

The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 14.08.2023.

РАЗВИТИЕ СЕТИ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ В РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Евгений Васильевич Семёнов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

eugen.semenov@inbox.ru,

ORCID 0000-0001-8159-9163

Для цитирования: Семёнов Е. В. Развитие сети научных журналов в России: стратегические, технологические и организационные вопросы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 116–140. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.6. EDN GWLOVA.

Аннотация. Выявлен комплекс взаимосвязанных стратегических, технологических и организационных проблем развития научной периодики в России. Обоснована необходимость выделения в стратегических документах, определяющих научно-технологическую политику, и в структуре государственного управления научно-технологической сферой самостоятельного направления политики и управления системой периодических научных изданий, как единым объектом управления, единой национальной сетью научных журналов. Предложены и обоснованы меры по соотношению национальной сети научных журналов и фронта ведущихся в стране научных исследований; по балансу глобального и национального языков науки при сохранении заметности российских изданий и авторов на глобальном уровне; по развитию самоорганизации в науке и восстановлению ведущей роли редколлегий и коллегиальных форм работы; по подчинению инфраструктуры, редакционно-издательского процесса и рецензирования редколлегиям.

Ключевые слова: национальная сеть научных журналов, фронт научных исследований, информационная среда науки, научные коммуникации, цифровая трансформация, глобальный и национальный языки науки, редакционно-издательский процесс, публикационная активность, научная политика, управление наукой

Введение

В научном, редакционно-издательском и наукометрическом сообществах в последние годы, особенно начиная с 2022 года, обсуждается большой комплекс проблем развития российских научных журналов. Анализ рефлексии разных профессиональных сообществ позволяет систематизировать выявленные проблемы и предложения по их решению. В поле зрения при этом оказываются стратегические вопросы научно-

издательской политики, а также технологические и организационные проблемы редакционно-издательского процесса. Из множества действительно важных проблем развития российских научных журналов две выделяются своей стратегической значимостью для науки и государства. Это относится к научному уровню и качеству журналов, а также к соотношению глобального и национального языков науки. Решение этих проблем требует содержательного научного, а не формального наукометрического анализа, и государственного, а не чиновничьего, мышления и подхода к делу. Важными являются также проблемы технологического и организационного характера, в числе которых своей значимостью выделяются цифровая трансформация изданий и их включённость в глобальные информационные сети, а также работа редколлегий, редакций и рецензентов в новых технологических условиях.

Хотя многие проблемы развития российской научной периодики обсуждаются уже долгое время, с февраля 2022 г. ситуация изменилась настолько, что стала требовать новых аналитических подходов и практических действий. Специалисты единодушны в том, что в феврале 2022 г. завершился начавшийся в 2012 году особый период в развитии российской науки и российской научной периодики, но в оценках этого периода специалисты существенно расходятся. Положительные оценки концентрируются в основном в наукометрическом, отрицательные – в научном сообществах. При этом положительно оцениваются в основном изменения в редакционно-издательском процессе и во включённости журналов в международные наукометрические базы данных (МНБД), а отрицательно – качество научного контента изданий, а также широкое распространение хищных журналов и масштабная коммерческая фабрикация научных статей [1].

По мнению В. А. Горелкина, первые два десятилетия постсоветской истории были временем упадка российских научных журналов, но «всё изменилось» в 2012 году, когда «президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о необходимости увеличения публикаций российских учёных в международных наукометрических базах данных». «Когда-нибудь, – продолжает автор, – исследователи научной периодики назовут 2014–2021 гг. «золотым веком российского научного журнала» [2, с. 7]. Наивная вера в то, что интеграция российской науки в международные системы даже на условиях утраты собственной субъектности является универсальным способом решения проблем российской науки в целом и научных изданий в частности, лежала в основе научной политики в России в течение целого десятилетия до конца февраля 2022 г. По инерции такая политика, хотя и без прежних восторженных придыханий, продолжается и поныне. Но в обществе постепенно вызревает понимание необходимости её глубокого пересмотра.

Возвращение российской науке субъектности потребует кардинального пересмотра роли отечественной научной периодики. Необходим переход от поверхностного рейтингования журналов и их ранжирова-

ния по «видимости» к рассмотрению всей их совокупности как целостной национальной сети научных журналов, к рассмотрению журнальной коммуникационной сети как механизма информационного обеспечения российской науки по всему фронту ведущихся в стране научных исследований. Это переход от классификации журналов к рассмотрению их совокупности как системы. Классификация при этом не исчезает, но становится на своё естественное место в системе.

Национальная сеть научных журналов и фронт научных исследований в России

Научные журналы существуют как необходимая составляющая национальной научной системы, выполняющая важные обязательные для науки функции. Совокупность научных журналов страны представляет собой не хаотическое их нагромождение, а единую сеть научных коммуникаций, обладающую собственной структурой со множеством разнообразных связей и зависимостей. Коммуникационная подсистема науки функционально ответственна за информационное обеспечение научных исследований посредством циркуляции научных знаний, включая их фиксацию и хранение в форме научных документов, их трансляцию и использование субъектами научного производства. Национальная сеть научных журналов исторически формируется естественным образом благодаря самоорганизации науки при поддержке или с помехами со стороны государства и других социальных институтов. Она складывается, функционирует и развивается в соответствии с внутренней логикой развития науки и во многом вопреки навязываемым извне искусственным воздействиям.

Сеть журналов полнее, чем что-либо ещё, отражает реальную структуру национальной науки, структуру всего массива ведущихся в стране научных исследований. Национальная сеть научных журналов в любой исторический момент такая, а не иная, потому что такова структура национальной науки. Эта сеть научных изданий в любой момент, конечно, несколько отстаёт от возникновения новых направлений исследований и несколько запаздывает за сворачиванием ряда исчерпавших себя направлений научных поисков. К тому же в последние годы сеть научной периодики во многих странах, включая Россию, интенсивно засоряется хищными и выродившимися мусорными журналами. Сеть научных журналов нуждается в постоянном научном мониторинге и своевременной чистке. Но в целом кажущаяся избыточность научных журналов – в основном именно кажущаяся. Как сложному живому организму требуется разветвлённая кровеносная система, а не только главные сосуды – артерии и вены, так и организму национальной науки необходима система коммуникаций, включающая не только самое магистральное и масштабированное.

К тому же по объективным причинам науке необходимы не только разномасштабные, но и разноформатные журналы. Фронт научных исследований не может быть однородным, он включает как крупные, так

и многочисленные более мелкие, научные дисциплины и направления исследований и поисков, обладающие часто существенными особенностями. Поэтому усердно насаждаемая в последние годы стандартизация научных статей и научных журналов, не учитывающая специфики разных областей знания, также должна быть подкорректирована с учётом специфики научных направлений и дисциплин. Как правила языка дополняются системой исключений, так стандарты должны дополняться оправданной нестандартностью.

Наука и её коммуникационная подсистема обладают способностью самоорганизации, поэтому и вся наука, и сеть научных журналов имеют свою структуру, более сложную, чем насаждаемые извне квартили WoS или категории Перечня ВАК, и принципиально отличную от них. Научная политика и управление наукой, которые не стремятся к выявлению и учёту естественной структуры науки и структуры её коммуникационной подсистемы, сформировавшихся за счёт самоорганизации, а навязывают ими придуманные иерархические схемы, по сути своей базируются на ложных основаниях. Для минимизации вредного воздействия такой политики и такого управления науке приходится прилагать значительные усилия, направленные на поиск всевозможных обходных путей. Естественнее было бы поправить сами эти политику и управление.

В настоящее время в научном сообществе существует практически консенсус по многим вопросам, в т. ч. о необходимости перехода в научной политике от фрагментарности к системности, от наукометрической формальности к научной содержательности задач, от принуждения науки к фабрикации отчётных показателей к её реальной включённости в решение значимых проблем науки и страны, от внешнего чиновничьего управления, опирающегося преимущественно на подстраивание под западные оценки, к сбалансированному сочетанию квалифицированного государственного управления и самоорганизации российского научного сообщества. Необходим фундаментальный пересмотр научной политики, в том числе обязательно и в её издательском сегменте.

Для поддержания и развития информационной среды и коммуникаций российской науке от государства нужны прежде всего политика и управление национальной сетью научных журналов как единой системой, осуществляющей информационную поддержку ведущихся в стране научных исследований по всему их фронту и на достаточную глубину. О поддержке всех областей знания и направлений исследований на одинаково высоком уровне, как всем понятно, из-за ограниченности финансовых и иных ресурсов речи идти не может. Уровень реально возможной поддержки для разных областей науки и разных научных направлений является разным, позволяющим в приоритетных областях быть на переднем крае мировой науки, в других – на уровне их естественного (не форсированного) развития, но всегда не ниже уровня достаточного знакомства российской науки и системы образования с ведущимися в мире исследованиями и имеющимися достижениями.

В России научная политика последнего десятилетия с её показателями «видимости» и «цитируемости» содержательно измельчала настолько, что вопрос о системной поддержке фронта исследований на достаточную глубину по разным научным направлениям в зависимости от их приоритетности вообще выпал из поля зрения управленцев и самих исследователей. Информационная поддержка научных исследований по широкому фронту осуществляется спонтанно и благодаря стихийной самоорганизации науки с помощью разветвлённой сети научных журналов. Административная концентрация всей поддержки на «приоритетах» и «лидерах», т. е. на элитарном уровне, часто к тому же выделенном по искусственным основаниям, только вредит научному развитию.

Кроме того, что сеть научных журналов является системой коммуникаций, поддерживающей информационное обеспечение исследований, журналы выполняют ещё и роль механизма самоорганизации научного сообщества [3; 4]. Возрождение и активизация многообразных форм самоорганизации научного сообщества – научных обществ и ассоциаций, учёных и экспертных советов всех уровней и типов, редакционных советов и коллегий в научных журналах – является необходимостью. Национальная сеть научных журналов – не только подсистема российской науки, но и часть мировой сети научных журналов, что в нормальных условиях способствует глобальной циркуляции знаний, крайне важной и необходимой для любой национальной научной системы, в т. ч. и российской. Доступ к глобальным информационным ресурсам и максимально полная представленность в глобальном научном мире результатов фундаментальных исследований отечественных учёных остаются важнейшими задачами российской научной периодики. Поэтому развитие российской сети научных журналов следует рассматривать в контексте международного научного сотрудничества [5].

Науке необходимы зрелая государственная научная политика и дееспособная государственная система управления научно-технологической сферой, включая национальную сеть научных журналов. «Национальная система поддержки российского научного журнала – насущная необходимость! Но она не должна заключаться только в мерах финансовой помощи, которую могут получить ограниченное количество изданий. Нужно разработать и запустить механизм для решения основных проблем выпуска научной периодики в России, облегчить то давление, которому сейчас подвергается отрасль» [2, с. 14].

Научный уровень и качество журнала

Научный уровень журналов зависит прежде всего от состояния национальной науки. Ухудшающееся состояние науки в стране прямо сказывается на научных журналах. Научное сообщество обеспокоено невостребованностью науки со стороны государства и бизнеса, технологическим

отставанием и зависимостью страны, продолжающимся более трёх десятилетий сокращением числа исследователей и их оттоком за границу, измельчением научных работ, подменой содержательных требований к качеству и результатам исследований формальными отчётными показателями, выведением должностей организаторов исследований (от директоров институтов до руководителей первичных научных групп) из числа научных должностей и, как следствие, наполнением науки всякого рода «менеджерами». Особую тревогу вызывает ухудшение качества образования и снижение уровня подготовки молодых учёных и в целом высококвалифицированных специалистов, поскольку этим закладывается тенденция долговременного стратегического отставания страны. Опираясь на большой фактический материал, социологи констатируют «недостаток теоретических знаний и профессионального опыта, отсутствие стремления к их развитию, а также недостаток внутренних ресурсов креативности молодого исследователя, неумение мобилизовать свой творческий потенциал» [6, с. 277].

В свою очередь качество национальных научных журналов является принципиально важным для поддержания уровня российской науки, а ситуация такова, что «если о качестве российской научной продукции не позаботятся сейчас, в недалёком будущем сам предмет заботы перестанет существовать» [4, с. 26]. По оценке В. А. Шупера, российским научным журналам требуется буквально возрождение. «Разумеется, возрождение научных журналов, как и отечественной науки в целом, возможно только в случае решительного проявления политической воли руководством страны» [7, с. 49]. Для возрождения научных журналов требуется изменение подходов, лежащих в основе научно-издательской политики последнего десятилетия. Оценка собственно научного качества журнала и его научной ценности может основываться именно и только на содержательной характеристике качества научных статей и издания в целом. Такая оценка является крайне сложным даже для профессиональной научной среды делом. По замечанию А. Г. Барабашева, доверить оценку и отбор качественных научных журналов «специалистам по наукометрии» не было бы «хорошим решением», поскольку такие специалисты могут быть лишь «ограниченно полезны», а действительная оценка качества публикаций и журналов может быть осуществлена только «профессиональными научными ассоциациями» [5, с. 47].

В то же время для всесторонней оценки качества журнала, как издания, включая научное качество, редакционно-издательские параметры и возможности информационного продвижения журнала, полагаю, совершенно необходим учёт мнения специалистов в области редакционно-издательского дела и наукометрии. При этом нужно только понимать, что аффилиации, число ключевых слов, количество знаков в аннотациях и т. п., имеющие значение для информационной обработки публикаций, не имеют отношения к научному уровню и научному качеству журналов

и отдельных статей. Их научный уровень и качество характеризуются научной новизной, обоснованностью и ценностью полученных результатов. О всесторонней оценке качества научных журналов, включая их научный уровень, информационно-издательские параметры и международное признание, наиболее ёмко говорится в работах О. В. Кирилловой [8; 9]. Главным в оценке качества научного журнала, и как издания, и как собственно научного издания, при этом обычно считается его «международное признание». По мнению О. В. Кирилловой, при соблюдении нескольких условий журнал «будет признан мировым научным сообществом» даже «независимо от того, индексируется он в МНБД или нет». Автор указывает шесть условий, соблюдение которых определяет качество научного издания.

Три из этих условий имеют отношение к оценке собственно научного качества журнала – это если журнал «публикует качественные научные статьи»; если «редколлегия формируется из авторитетных учёных, которые работают с поступающим материалом, сами пишут в журнал и привлекают в качестве авторов ведущих и перспективных молодых российских и зарубежных коллег»; если журнал «строго рецензируется и качественно редактируется». Остальные три «условия» – если журнал издаётся «как минимум, на двух языках»; если он «имеет прекрасный сайт на русском и английском языках»; если он «работает на продвижение как в российском, так и в международном сегментах» – характеризуют не собственно научный уровень и научное качество журнала, а его редакционно-издательские параметры и возможности публичного продвижения. Если оценивать журнал с позиций его «видимости» и «продвижения» в мире, то на первый план выдвинутся характеристики не собственно научного качества, а финансовые, информационные, организационные и маркетинговые возможности издания. Речь идёт не о научном, а о своего рода рыночном качестве журнала. В результате получится два лишь частично пересекающихся «качества».

При этом предлагаемые характеристики качества издания, условно названные нами рыночными, довольно расплывчаты и не операциональны. Характеристика «прекрасный сайт» требует, как минимум, пояснения того, в чём его прекрасность. Такой признак качества научного журнала, как его работа по собственному продвижению в национальном и глобальном пространстве, весьма спорен. Достаточно вспомнить о существовании множества хищных журналов, активно и успешно продвигающих себя в любую квартиру любой МНБД. Требование к журналу, чтобы он издавался «как минимум, на двух языках», вызывает вопросы. Спрашивается: а как максимум, на каком числе языков – на пяти, десяти? Может, есть ещё и рекомендуемый оптимум числа языков? Разноязыкая вавилонская башня вместо научного журнала – это далеко от того, что требуется науке.

Тема языка, на котором издаётся научный журнал, – это отдельная большая проблема. Язык науки должен быть естественным и удобным

для исследователя, как творца нового знания, и в то же время он должен обеспечивать введение научных результатов в глобальный научный оборот. Эта ситуация требует определения баланса национального и глобального языков науки.

Глобальный и национальный языки научных журналов

Проблема соотношения глобального и национального языков науки, имеющая огромное значение для науки и страны, всерьёз обсуждается крайне редко. Гораздо чаще можно встретить поверхностные рассуждения о качественной науке на английском и о второсортной – на «местных» языках. Это уничижительное «местные языки» звучит как «туземные» языки местных племён. К числу «местных» с лёгкостью относят в том числе французский, немецкий и русский, исторически являющиеся языками, на которых создавалась и продолжает создаваться великая наука. А немецкий язык менее века назад – вплоть до Второй мировой войны – был глобальным языком науки своего времени.

В России в последнее десятилетие на государственном уровне проводилась научная политика принуждения отечественных исследователей с помощью финансовых и административных инструментов публиковаться на английском в ущерб русскому языку, что обосновывалось необходимостью «видимости», «цитируемости», «продвижения». Такая политика действительно ведёт к языковому расслоению публикаций по качеству. Действующая в России система отчётности и финансирования вынуждает авторов стремиться публиковать наиболее значимые статьи на английском. Широко распространено мнение, правда, не подтверждённое исследованиями, что расслоение публикаций по качеству и одновременно по языку уже фактически состоялось. Появилась и особая группа авторов (тоже не изученная), которые публикуют свои работы, независимо от их научного уровня, только на английском языке. Как пишет В. Г. Горохов, «выросло новое поколение, которое может и хочет говорить только по-английски» [10, с. 115]. Необходимо социологическое изучение этих явлений и процессов. И прежде всего нужно понять, как действует механизм внутренней (без физического отъезда из страны) научной эмиграции, и каковы последствия утраты русским языком статуса языка науки.

В статье В. Н. Гуреева, Н. А. Мазова, Д. В. Метёлкина «О некоторых причинах перехода российских авторов в зарубежные журналы» [11] показано, как действующая в России система отчётности и финансирования искусственно отлучает науку от русского языка. Последствия этого пагубны для страны. Русский язык много десятилетий являлся языком передовой науки и инженерии, благодаря чему образование на русском языке открывало перед молодёжью большие перспективы. Утрата русским языком статуса языка передовой науки ведёт к снижению его ценности как языка современного высшего образования. С утратой этих качеств русский язык перестаёт быть привлекательным ещё и в качестве языка

межнационального общения, что для многонациональной страны губительно. Если не найти разумный баланс глобального (английского) и национального (русского) языка в отечественной науке и научной периодике, то можно будет забыть не только о русском языке, как языке передовой науки, но и о качественном образовании на русском языке и о самом русском языке, как о языке добровольного межнационального общения. А это уже вопрос стратегического развития и национальной безопасности [12; 13]. В. Г. Горохов замечает: «Важную роль в консолидации России играет русский язык, отказ от него и тотальный переход на английский губительны не только для гуманитарной науки, но и для дальнейшего развития российского общества и государственности» [10, с. 115].

Исследователи отмечают, что крупные страны, прежде всего Франция и Германия, проявляют заботу о национальном языке и имеют некоторый опыт поддержания баланса глобального и национального языков науки. На основе анализа научных журналов, издаваемых в 23 странах, О. В. Кириллова показывает выявленные «специфические закономерности»: «чем больше страна и чем больше журналов она публикует, тем меньше её журналов публикуют полные тексты своих статей на английском языке», и «чем меньше страна и чем меньше журналов она публикует, тем больше доля журналов, которые публикуют свой контент полностью на английском языке». Крупные страны стремятся «сохранить свой национальный язык в качестве языка науки», мелкие – стремятся «достичь международного признания, представляя научные достижения страны на английском языке» [14]. Поразительна в этом отношении государственная языковая и научная политика России в последнее десятилетие. Умом её точно не понять.

В статье О. А. Донских «О ценности национального языка науки» [15; 16] показано, какая ценность в виде национального языка науки досталась современной России, каких трудов стране стоило его создание в 18–19-м и развитие в 20-м веках, как велики потери в случае его утраты. Само «формирование нации связано со становлением государственного языка как одного из важнейших факторов национальной идентичности», а «чтобы стать государственным, язык, в основном используемый в быту, должен стать языком философии, науки, юриспруденции, теологии...» [17, с. 70–71]. Политика, не учитывающая ценность национального языка науки, исторически недальновидна и безответственна. В России необходимо определить и целенаправленно восстанавливать оптимальный на данном историческом этапе баланс английского и русского, как глобального и национального языков науки. Это принципиально другой подход по сравнению с доминирующим в России в последнее десятилетие, когда русский язык в соответствии с компрадорской идеологией стали уничтожительно превращать во второсортный «местный». России нужна принципиально другая языковая и научная политика.

Речь при этом не идёт о какой-то загадочной русской исключительности. В. Г. Горохов показал, какую роль сыграли национальные языки не-

скольких стран Европы в становлении современной науки в Новое время. «В сущности, – пишет автор, – современная наука стала возможна только после того, как во времена Галилея учёные перешли с латыни на национальные языки и создали национальные академии наук, поскольку инженерный корпус того времени, составлявший элиту тогдашнего общества, говорил и писал на национальных языках» [10, с. 115].

Поиск разумного баланса русского и английского языков науки, акцентирование внимания на недопустимости подавления национального языка, разумеется, ни в коей мере не должны способствовать перекосу в другую сторону. Невозможно игнорировать тот факт, что в современном глобальном мире английский язык функционирует как глобальный язык науки. Заносчивое игнорирование этого ведёт одновременно и к снижению доступности отечественным исследователям новейших научных достижений, и к сокращению представленных мировому сообществу научных результатов как отдельных российских учёных, так и национальной науки в целом. В основательной монографии историка науки Е. А. Долговой в параграфе «Как советские учёные забыли иностранный язык» показано, как в 1930-х годах в СССР уже был поставлен эксперимент по «забыванию» глобального (в то время немецкого) языка науки [18].

Важность глобального языка науки неоспорима, его использование обеспечивает максимально широкий доступ к достижениям мировой науки и даёт конкурентные преимущества для продвижения личных и национальных научных результатов на глобальном уровне. Журналы, публикующие свой контент на английском языке, читаются и цитируются лучше, чем публикующие его полностью на национальном языке страны или вперемешку – часть статей на английском и часть на русском; журналы, имеющие две параллельные версии (на национальном и на английском языках), демонстрируют высокий уровень цитирования, т. к. они охватывают и национальную, и англоязычную читательские аудитории [13; 19]. Забегая вперёд, выскажу лишь своё уточнение по двуязычию: более выверенным решением было бы публиковать отечественные научные журналы не в виде полных английской и русской версий, а на русском языке, но с подробным резюме всех статей на английском. Вариант с двумя языковыми версиями журнала фактически отменяет национальные языки науки. Этот вопрос требует специального освещения.

«Видимость» и двуязычие журналов

Не только специалисты в области наукометрии, но и подавляющее большинство учёных пишут о преимуществе издания научного журнала параллельно на русском и английском языках [5; 7; 20; 21; 22; 23]. Нет нужды повторять аргументацию преимуществ издания русской и английской версий журнала, тем более что она уже приведена О. В. Кирилловой. Гораздо важнее задаться вопросом, а решает ли такой «очевидный» (хотя и заведомо практически не реализуемый из-за финансовых

ограничений) подход проблеме сочетания глобального и национального языков науки? При беглом взгляде, разумеется, решает (было бы финансирование), т. к. охватываются англоязычная и русскоязычная аудитории одновременно. Но всё парадоксальнее.

Наличие параллельной версии журнала на английском языке максимально способствует «видимости» российской науки на «глобальном уровне», т. е. в мире англоязычной науки, но совершенно не способствует росту интереса к научным текстам на русском языке и к русскому языку, даже напротив – наличие полноценной англоязычной версии убивает интерес к ним в научной среде. Зачем иностранному учёному русский язык, если всё, что есть на нём, есть в англоязычной версии российского журнала. Русский язык в этом случае перестаёт быть публичным и становится своего рода языком семейного общения, подобно языкам малочисленных народов Севера. В пределе это снижает интерес к русскому языку даже в российской науке. Ведь если мир знакомится с нашими результатами на английском, то зачем тратиться на параллельную русскую версию и на последующий перевод статей на английский? Можно сэкономить силы, время и деньги, если сразу публиковать, а в перспективе получать образование, писать и думать на английском. Двухязычные журналы – не универсальный выход. Скорее, это переходная стадия к забвению русского, как языка науки. Где-то они на современном этапе развития, вероятно, уместны, но как универсальная стратегия – категорически нет.

Выход, полагаю, в другом – в сочетании увеличения заметности русской науки и утверждения русского языка в качестве самостоятельного научного языка. Это возможно, если пойти не по пути «бедных» и не по пути «сверхбогатых» журналов, т. е. не ограничиваться переводом на английский только кратких и малосодержательных аннотаций в первом случае и не переводить весь контент журнала на английский – во втором, а публиковать развёрнутое обстоятельное резюме всех статей на английском. Такое резюме даёт возможность понять смысл и определить ценность публикации, но не заменяет полностью статью на русском языке, оно побуждает прочитать её полностью хотя бы в машинном переводе, а при особой заинтересованности – на языке оригинала. Такой вариант (обстоятельное резюме на английском языке) тоже удорожает издание журнала, но в разы меньше, чем полный перевод всего контента, как при издании английской версии. Это и по сути, и по практическим соображениям, лучший и более реальный путь, чем издание двух полных версий на русском и английском языке. Увеличивается представленность научных результатов российских исследователей в глобальном научном пространстве, и в то же время сохраняется самостоятельная ценность русского языка как языка науки. Реализуемо это, разумеется, только при безусловно ценном научном контенте журналов, их высоком научном уровне и качестве.

Журналы, уже имеющие полную англоязычную версию, вряд ли станут от неё отказываться, если не сократятся их финансовые возможности. Но журналы, ограничивающиеся в настоящее время переводом

только кратких аннотаций на английский, по мере появления финансовых возможностей могут переходить к подготовке и публикации на английском языке развёрнутого резюме статей, дающего значительно более полное представление об их содержании. Существуют, вероятно, и другие способы увеличения представленности научных результатов российских исследователей в глобальной науке. Так, И. Д. Тургель говорит о возможности более широкого использования социальных сетей [24]. Ещё большие возможности содержит, вероятно, развитие и использование искусственного интеллекта для переводов научных текстов. Вопрос об использовании в науке нейросетей ввиду его колоссальной важности и значимых последствий требует глубокой специальной проработки.

Цифровая трансформация

Из большого числа технологических и организационных вопросов, важных для развития научных журналов, особое значение имеет их цифровая трансформация. Как замечает Д. В. Фомин-Нилов, при переходе с одного носителя информации (бумага) на другой (цифровые носители) редакционно-издательский процесс претерпевает мощную трансформацию [25]. Цифровая трансформация российских научных журналов является исторически значимым технологическим достижением последнего десятилетия. При ряде издержек и минусов этого процесса его положительный эффект, связанный с ускорением обмена научной информацией и её масштабированием, а также с облегчением доступа к информации и интенсификацией научного производства, огромен [26].

Для научного журнала, как издания мирового уровня, необходимы и «использование современного программного обеспечения для организации стабильной работы сайта журнала с широкими возможностями для повышения видимости публикаций в Интернете (присвоение DOI, EDN и т. д.)», и «повышение видимости и цитируемости издания путём его включения в различные национальные и общемировые наукометрические индексы, что подразумевает необходимость соблюдения самых разных критериев и международных стандартов качественной и эффективной работы авторов, редакции и рецензентов». Цифровая трансформация позволяет также «создать полноценную и открытую базу научных экспертов», организовать эффективную коммуникацию между редакцией, авторами и экспертами и др. [23, с. 49–50].

В связи с санкционным давлением западных стран и организаций на российскую науку в стране активизировался интерес к развитию национальных наукометрических баз данных и к созданию единой цифровой платформы для научных журналов. Эти вопросы обсуждались в научной, редакционно-издательской и наукометрической среде и раньше, но внимание к ним особенно возросло после февраля 2022 г. По словам Д. В. Фомина-Нилова, «для российских научных журналов желательно иметь единую цифровую платформу, где каждый главный редактор,

каждая редколлегия и редакция будут автономны, но при этом смогут использовать достижения современных информационных технологий на благо своего журнала, для повышения качества научного контента и ускорения процессов коммуникации» [25, с. 67]. Решение о создании единой цифровой платформы было принято в конце 2022 года, для чего был ликвидирован РФФИ, на базе которого начато создание Российского центра научной информации (РЦНИ)¹.

Научное сообщество разочаровано ликвидацией авторитетного научного фонда, три десятилетия делавшего полезное дело, и пока не определилось в отношении создаваемого РЦНИ, т. к. о ходе работ по созданию единой цифровой платформы практически нет информации. В редакционно-издательском сообществе предлагалось другое, более естественное решение. За основу цифровой платформы предлагалось взять РИНЦ. «Уже давно появляются предложения закрепить за ним статус национальной базы данных». Но при этом заранее говорилось: «К сожалению, приходится констатировать, что существует большая вероятность того, что при разработке списка (имеется в виду «белый список журналов» – Е. С.) и платформы опять не будет услышано мнение редакций и издателей научной периодики» [2, с. 14, 13]. Этот реалистичный прогноз вполне подтвердился.

К важным результатам цифровой трансформации исследователи обычно относят развитие наукометрических баз данных – международных и национальных – и включение в МНБД сотен российских научных журналов. «За последнее десятилетие редакции многих российских научных изданий, а также эксперты различных организаций (например, Национальная ассоциация научных изданий, Ассоциация научных редакторов и издателей, «Антиплагиат» и др.) проделали большую работу, что позволило довольно существенно увеличить число отечественных журналов в престижных научных индексах». Но в России также необходимо «совершенствовать собственные наукометрические базы данных с тем, чтобы в долгосрочной перспективе они стали представлять интерес не только для российских, но и зарубежных учёных». Обычно при этом называется РИНЦ. В перспективе «можно задуматься и над созданием отечественного аналога Google Scholar на базе, например, опыта «Яндекса» или «КиберЛенинки» [23, с. 49].

В то же время цифровая трансформация имеет и негативные последствия. Она привела к резкому усилению позиций информационно-технической (по сути, вспомогательной) части редакций в ущерб их научной части (научные редакторы), а также к усилению позиций рецензентов в ущерб редколлегиям. Прозрачные коллегиальные формы работы редколлегий, ранее широко практиковавшиеся во многих качественных научных журналах, практически заменены непрозрачной работой обособленных

¹ Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2022 г. № 1696 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 1997 г. № 950».

рецензентов, подбираемых организационно-техническими работниками редакций в меру своего разумения и по соображениям удобства. Редколлегии и научные редакторы оказались в положении при редакциях и ИТ-специалистах, а научный контент стал подчинённым формальной и технической стороне – стандартам с их аффилиациями, ключевыми словами, аннотациями и пр. Формализация распространилась во многих «рецензируемых журналах» не только на структуру рецензий, но и на структуру статей, а научные тексты стали похожи на тексты, написанные скорее для искусственного интеллекта, чем для человека. Ещё немного – и нейросети станут не только потенциальными потребителями, но и создателями подобных текстов. Творчество, всегда во многом интуитивное и иррациональное, вытесняется формализованной технологией изготовления стандартизированных текстов. Симбиоз редакций и удобных для них рецензентов отодвигает редколлегии на задний план, что снижает интеллектуальное качество журнала. Исследователи отмечают, что научные журналы стали в научном отношении робкими. Как заметил В. А. Шупер, «складывается впечатление, что во многих авторитетных зарубежных журналах считают, что лучше не опубликовать десять интересных и перспективных статей, чем опубликовать одну, которая впоследствии, не дай бог, окажется ошибочной или вызовет нездоровую полемику. Однако наука всегда развивалась методом проб и ошибок» [7, с. 48–49], [27].

Цифровая трансформация существенно изменила редакционно-издательский процесс, работу редакций, рецензентов, редколлегий. Но, хотя последствия цифровой трансформации на данный момент не так однозначны и довольно противоречивы, её плюсы столь значительны, что процесс несомненно будет продолжаться, и в России необходимо поддерживать его темп не ниже общемирового. При этом необходимо оперативно выявлять и по возможности предотвращать, устранять, минимизировать негативные последствия цифровой трансформации.

Работа редакций, рецензентов и редколлегий

При обсуждении многочисленных редакционно-издательских проблем российских научных журналов в современных условиях специалисты совершенно единодушно акцентируют внимание на организации и условиях оплаты труда сотрудников редакций и рецензентов. Гораздо меньше внимания уделяется работе редколлегий. В современных условиях журнал держится, как правило, на небольшой группе работников. «Во главе издания стоит главный редактор, его основные помощники – заместитель и/или ответственный секретарь... Не секрет, что успехи многих отечественных журналов кроются в ответственном отношении редакторов к своей работе, в энтузиазме и верности отечественной науке. Объём их работы и её значимость трудно переоценить» [2, с. 14]. Добавим от себя: переоценить трудно, но недооценить легко. Труд организационного ядра журнала и научных редакторов, требующий высокой квалифика-

ции, оплачивается в научных журналах на недопустимо низком уровне, а труд рецензентов вообще не оплачивается.

Об этом пишут практически все авторы, глубоко знающие реальное положение дел в российских научных журналах. «Конечно, качество, высокий уровень научных журналов зависят от уровня развития науки и поступающих в них материалов. Однако особую роль в этом играет работа научных редакций – редакторов и редколлегий – и внешних рецензентов. Слаженность их действий обеспечивает высокое качество научного периодического издания. И важно, чтобы порядок и объёмы финансирования редакций журналов были адекватны объёмам и сложности выполняемой ими работы» [28, с. 58]. Редакторы научных журналов играют «особую роль» в поддержании издательских стандартов и качественного уровня журнала, «чтобы научная коммуникация не теряла свою эффективность, а её цели не подменялись бутафорскими» [9, с. 24]. Заметим мимоходом, что для слов о «бутафорских» целях есть веские основания в реальной журнальной практике.

Отвечающие за журнал специалисты – главный редактор, его заместители, ответственный секретарь – обычно ясно понимают необходимость развития своего издания, стремятся «повышать профессиональные компетенции научных редакторов и переводчиков... развивать институт научного рецензирования» [23, с. 49]. Но им, как никому другому, известно также, что при сохранении существующих условий оплаты труда это практически невозможно. Руководству научных журналов и их учредителям приходится искать хоть какие-то способы поддержки процессов редактирования и рецензирования.

Редактирование традиционно делилось на научное, литературное и техническое. После фактического исчезновения в большинстве научных журналов в 1990-х годах редактирования оно с трудом стало восстанавливаться. При этом изменились роль и статус каждого вида редактирования. Техническая обработка текстов в условиях цифровизации и перехода на международные стандарты разрослась и повысилась в статусе. С литературным редактированием дела обстоят плохо, что видно по уровню грамотности многих журналов. Научное редактирование держится в основном на квалифицированных и ответственных, но очень пожилых специалистах, работающих за такое денежное вознаграждение, на которое даже совсем малограмотные молодые работники не соглашаются. Воспроизводство корпуса научных редакторов является сейчас совершенно неотложной задачей. В настоящее время научные журналы буквально выкручиваются, и сам институт научного редактирования держится на ещё сохраняющихся «работающих пенсионерах» и отчасти на научных работниках, подрабатывающих в журнале за мизерное вознаграждение и за возможность публиковаться в нём, что необходимо им для отчётности на основном месте работы. Институт научного редактирования дышит на ладан, и срочно нужны действенные меры по воспроизводству корпуса научных редакторов, включающие в обязательном порядке существенное увеличение оплаты их труда.

Не лучше обстоят дела с рецензированием, которое вообще не оплачивается, хотя рецензирование – ответственное, очень трудоёмкое и требующее самой высокой квалификации дело. «Процесс рецензирования – крайне важный этап подготовки рукописи к публикации. Он существует уже 300 лет, хотя более привычный для нас формат приобрёл только в XX веке. Рецензенты помогают редакторам осуществлять отбор статей и формировать выпуски журналов». При этом работа рецензента «не оплачивается и фактически никак не учитывается (кроме отметки о рецензировании в Publons и eLibrary)», хотя «бывает очень кропотливой и занимает у специалиста много времени» [29, с. 60, 62]. Фактически общепризнано, что в настоящее время именно рецензирование поддерживает высокий уровень требовательности в научных журналах, предохраняет их от провалов, а науку – от информационного шума [29; 30; 31].

Существует множество публикаций о том, что для рецензирования научным журналам нужны самые квалифицированные учёные, иначе оно превращается в пустую формальность. Оно и превращается. Активно работающие и занятые исследователи, сами вынужденные к тому же участвовать в публикационных гонках ради отчётности, крайне неохотно отвлекаются на трудозатратное, никак не учитываемое рецензирование статей для журналов. В результате журналам приходится снижать требования к уровню рецензентов и работать часто с менее квалифицированными специалистами. Выбором рецензентов для каждой статьи часто занимаются технические работники редакции. О. В. Кириллова и Е. В. Тихонова деликатно пишут, что «многие акторы редакционно-издательского цикла воспринимают» рецензирование «как необходимую рутину, не всегда обращая внимание на его глубинность» [9, с. 24]. В конечном счёте вокруг журнала, как правило, образуется пул собственных рецензентов, исправно изготавливающих по стандартной форме рецензии, часто невысокого профессионального уровня. Такие издания сейчас принято уважительно называть «рецензируемыми журналами».

Неотъемлемым атрибутом современного рецензируемого журнала является «слепое рецензирование» (ни автору статьи, ни её рецензенту не известны имена друг друга) или «одностороннее слепое рецензирование» (рецензенту известно имя автора статьи, но автору не известно имя рецензента). Замечу мимоходом, насколько безобразна сама утвердившаяся терминология: «видимость» журнала, «слепое» рецензирование. Используя категории Гегеля, можно сказать, что хуже «видимости» только соседствующая с ней «кажимость». «Слепота» же, как «глупость» или «бессовестность», тоже может быть достоинством только в извращённом сознании, но никак не в нормальной культуре. И действительно, сначала было слово. Как только появляются слова, извращающие естественные смыслы, следом появляются и соответствующие им безобразные явления.

Рецензенты, исходно сами являющиеся авторами, благодаря собственной недостижимости для авторов, становятся безответственными

цензорами, возвышающимися над своими безответными «коллегами». Так в научной среде формируется особый современный типаж и особая каста менторов – пул рецензентов журнала. Полагаю, через какое-то время эта пришедшая в российскую науку извне мода на слепое рецензирование будет отторгнута там, где она зародилась, тогда и российское догоняющее развитие тоже переориентируется с превозношения и насаждения слепого рецензирования на его поношение и выкорчёвывание. Удивительно только, почему нельзя жить своим умом? Слепое рецензирование, на мой взгляд, уже принесло настолько значительный вред научному сообществу, что заслуживает социологического и психологического изучения.

Само понятие «рецензируемые журналы» представляется абсурдным. Рецензирование традиционно является обязательным элементом научного журнала. Научный журнал по определению и редактируемый, и рецензируемый. Это его обязательные производственные признаки. Но главное в научном журнале – то, что он научный. Акцентирование внимания на одном из его производственных признаков переключает внимание с сути на частный момент. «Рецензируемый журнал» – такое же вымученное и лишнее понятие, каким было бы понятие «редактируемый журнал». Все эти процедурные признаки содержатся в понятии «научный журнал». Науке нужно очиститься от многих заполонивших её слов из библиометрического языка, характерного для информационной инфраструктуры, далёкой от собственно научных исследований.

Научному журналу и несколько десятилетий тому назад, и сейчас необходимы научное редактирование и научное рецензирование, а также информационно-техническое обеспечение издательского процесса. Но научному журналу жизненно необходимы ещё и коллегиальные формы интеллектуальной работы редколлегии, в года усердной стандартизации журналов сильно потеснённой организационным ядром редакций и пулом рецензентов. Редакционные коллегии журналов из работающего коллегиального органа всё чаще превращаются в подобие иконостаса и существуют для видимости. Реальная работа по формированию журнала выполняется главным редактором, его заместителями и ответственным секретарём, а также выбираемыми для каждой статьи двумя подходящими и удобными рецензентами. Необходимо возродить реальную ответственную работу редколлегий с глубоким научным обсуждением статей вместо господствующей ныне штамповки слепых рецензий. В каких-то сложных случаях следовало бы вернуться, как это предлагает В. А. Шупер, к защите «спорных статей на заседаниях редколлегии, как это было в «Вопросах философии» при акад. Б. М. Кедрове». Научные журналы при этом должны быть обязательно «с очень авторитетными редколлегиями, взыскательным, но доброжелательным и компетентным рецензированием» [7, с. 48]. Во многом это противоположность тому, во что их упорно превращают уже более десяти лет.

В работе научного журнала, как показал В. Л. Тамбовцев [31], сложно сочетаются общественные и частные интересы – интересы науки и из-

дателя, первые из которых выражаются редколлегиями, вторые – редакциями. Рецензирование оказывается областью столкновения этих интересов и выполняет «двойную» функцию. Общественная функция рецензирования состоит в «содействии росту научного знания» и в «облегчении ориентации учёных в журнальных публикациях». Частная функция рецензирования осуществляется в интересах издателя и состоит в повышении «конкурентных преимуществ издателей на рынке научных публикаций». С точки зрения редколлегий, ответственных за общественную функцию рецензирования, в рецензиях «должна анализироваться только научность статьи, профессиональность автора и новизна полученных результатов исследования». Такое рецензирование, по мнению В. Л. Тамбовцева, может оставаться бесплатным, что, на наш взгляд, спорно. Частная же функция рецензирования, осуществляемая в интересах издателя, по его мнению, должна быть переведена «в разряд платных услуг», и за работу по продвижению журнала издатель должен платить.

Выводы и предложения

Научные коммуникации в целом и их ядро – сеть научных журналов – в настоящее время не являются в России объектом целенаправленной государственной политики и государственного управления. Не выделены направление политики и сегмент структуры управления, ответственные за системное развитие сети научных коммуникаций и системную поддержку информационной среды науки. Цели и действия государства в этой сфере фрагментарны, им не хватает системности, а также стратегичности и конструктивности. В программных стратегических документах не сформулированы назначение и функции сети научных коммуникаций и информационного обеспечения науки, не поставлены цели и задачи научной политики в этой области, не выбран (создан новый или наделён полномочиями какой-либо уже существующий) государственный орган, ответственный за государственную политику в обозначенной сфере, перед которым поставлены задачи на современном этапе развития.

В научной литературе точно так же, как и в практике управления, широко распространён фрагментарный подход к проблемам журналов, журнальная периодика редко рассматривается в её целостности. Но системный взгляд на сеть отечественных научных журналов требует рассмотрения и поддержки российской научной периодики именно как целостной системы. Акценты постоянно смещаются на ранжирование и приоритеты. Категорически нельзя концентрироваться только на первых квартилях, лидерах и приоритетах. Научный организм может нормально развиваться при условии сохранения всей его информационной среды и всей системы научных коммуникаций.

И тем более важно иметь внятную политику поддержания сбалансированной сети периодических научных изданий и повышения их научного

уровня. Система научных коммуникаций и циркулирующий в ней контент являются основой информационной среды науки и процесса информационного обеспечения научных исследований. Необходимо сформулировать содержательные цели, а не нормативы и формальные показатели научно-издательской политики, а также определить набор механизмов и инструментов, комплекс конкретных мер, поддержанных необходимыми ресурсами и обеспечивающих достижение поставленных целей. Всё это говорит о необходимости системной государственной политики по отношению к отечественным научным журналам и публикационной активности российских исследователей. Требуется также постоянная работа по очищению сети научных журналов от хищнических изданий, а также по неустанному очищению публикационного процесса от поставленного на поток производства информационного шума, т. е. мусорных журналов – своего рода научных некрофагов. Постоянного внимания требуют также цифровая трансформация научных журналов и совершенствование редакционно-издательского процесса.

На основе проведённого анализа комплекса стратегических, технологических и организационных проблем российской сети научных журналов предлагается ряд взаимосвязанных мер.

Первое. Выделить в стратегических документах, определяющих научно-технологическую политику, и в структуре государственного управления научно-технологической сферой самостоятельное направление политики и управления системой периодических научных изданий, как единым объектом управления, единой национальной сетью научных журналов.

Второе. Определить и проводить постоянный мониторинг фронта научных исследований, привязав к нему сеть научных журналов в целях полноценного информационного обеспечения ведущихся в стране исследований. Отказаться от идеологии элитарности, когда в стране, и в науке в том числе, единственно ценными признаются элиты, лидеры и приоритеты. Перейти к идеологии ценности целого – страны как целого, науки как целого, национальной сети научных журналов как целостной системы, избегая при этом уравнительности.

Третье. Возродить многообразные формы научной самоорганизации, совершенно подавленной в условиях бюрократизации и формализации в последнее десятилетие, поскольку нельзя управлять научной средой, как проектами. Здесь принципиально иную роль играет самоорганизация научного сообщества, являющаяся естественным и эффективным способом устойчивого поддержания высокого научного уровня исследований. Наличие или отсутствие самоорганизации лимитирует развитие науки не меньше, чем ресурсы.

Четвёртое. Проведение постоянной чистки журнальной сети от хищных журналов, что должно быть зафиксировано в стратегических документах и вменено в обязанности уполномоченному органу. И осуществляться эта работа должна на основе сотрудничества с хорошо зареко-

мендовавшими себя структурами, включая ВАК, РИНЦ, АНРИ, научными обществами и другими профильными институциями. Это большая серьёзная и тонкая работа, необходимая для оздоровления национальной научной среды.

Пятое. Переформатирование международного научного сотрудничества, предотвращающее опасный уровень изоляции и позволяющее сохранить включённость российской науки в естественную глобальную циркуляцию идей, обеспечивающую и доступность российским учёным мировых научных ресурсов, и их представленность в мировой науке.

Шестое. В целях поддержания высокого научного уровня и научного качества российских журналов сместить акцент с формальных характеристик научных журналов как изданий на их научный контент, подчинив его улучшению все другие задачи по развитию научной периодики.

Седьмое. Восстановить естественный для современного исторического этапа баланс национального (русского) и глобального (английского) языков науки не за счёт издания полной англоязычной версии журнала, а за счёт публикации обстоятельного резюме всех статей на английском языке. Политика издания двух параллельных версий российских научных журналов не может быть признана универсальным принципом. Заметность русских научных журналов на глобальном уровне можно обеспечить при сохранении русского языка как языка передовой науки, передового образования и межнационального общения за счёт публикации в журналах на английском языке подробного и обстоятельного резюме всех статей.

Восьмое. Учитывая фундаментальный характер технологической модернизации редакционно-издательского процесса благодаря его цифровой трансформации, необходимо, особенно в условиях санкций и противостояния, поддерживать темп цифровой трансформации научных журналов не ниже мирового и в формах, совместимых с мировыми тенденциями.

Девятое. В условиях мощного влияния на научную периодику факторов цифровизации, коммерциализации и бюрократизации инфраструктура возобладала над собственно наукой в журналах. Такое положение ненормально и вредно для науки. Необходимо подчинить формальные моменты в деятельности научных журналов содержательной научной работе с контентом, что возможно за счёт возрождения коллегиальной работы и руководящей роли редколлегий, что требует подчинения редколлегиям всех процессов в журналах, включая процесс рецензирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семёнов Е. В. Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 145–166. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-3-145-166](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-145-166). EDN [IRPQKL](https://www.edn.ru/IRPQKL).
2. Горелкин В. А. Регламентация издания научных журналов в России: проблемы и предложения // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № S1. С. 6–15. DOI [10.24069/SEP-22-37](https://doi.org/10.24069/SEP-22-37). EDN [HRJKCB](https://www.edn.ru/HRJKCB).

3. Полтерович В. М. Миссия экономического журнала и институт рецензирования // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 12 (12). С. 194–197. EDN **OKXRZZ**.
4. Черныш М. Ф. О текущей ситуации и возможных её последствиях // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 15–26. DOI [10.19181/smtp.2022.4.2.1](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.1). EDN **QJGENA**.
5. Барабашев А. Г. Как обеспечить международную публикационную активность российских исследователей: риски, возможности развития, угрозы // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 44–51. DOI [10.19181/smtp.2022.4.2.4](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.4). EDN **CIIBLF**.
6. Горшков М. К. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ : [монография] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, И. О. Тюрина ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN **DMQCRN**.
7. Шупер В. А. Севший голос науки. Взгляд из Отечества // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 40–53. DOI [10.19181/smtp.2020.2.1.2](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.2). EDN **GGYOVW**.
8. Кириллова О. В. Подводя своеобразные итоги десятилетия и рисуя планы // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 8–11. DOI [10.24069/SEP-22-38](https://doi.org/10.24069/SEP-22-38). EDN **HFVVHQ**.
9. Кириллова О. В. Критерии качества научного журнала: измерение и значимость // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 12–27. DOI [10.24069/SEP-22-39](https://doi.org/10.24069/SEP-22-39). EDN **WRRRTK**.
10. Горохов В. Г. Дебаты о реформе Российской академии наук // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 110–116. EDN **RLZCYZ**.
11. Гуреев В. Н., Мазов Н. А., Метелкин Д. В. О некоторых причинах перехода российских авторов в зарубежные журналы // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 20–34. DOI [10.19181/smtp.2022.4.3.2](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.3.2). EDN **ANHDRW**.
12. Грицко М. И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 3 (9). С. 63–72. EDN **OIKPHF**.
13. Семёнов Е. В. Доклад «Острые проблемы современной российской науки» // Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 10. Острые проблемы современной российской науки. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 9–28. EDN **NOKAHT**.
14. Кириллова О. В. О влиянии языка статей на показатели научных журналов в международных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1-2. С. 21–33. DOI [10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33). EDN **RWYZEN**.
15. Донских О. А. О ценности национального языка науки (часть 1) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 2. С. 189–208. DOI [10.19181/smtp.2020.2.2.9](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.9). EDN **LWVUCB**.
16. Донских О. А. О ценности национального языка науки (часть 2) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 3. С. 225–244. DOI [10.19181/smtp.2020.2.3.12](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.3.12). EDN **IKVOOE**.
17. Донских О. А. Где изысканность русской медлительной речи? // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 69–77. EDN **RLZCWH**.
18. Долгова Е. А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М. : ИЦ РГГУ, 2020. 474 с. ISBN 978-5-7281-2874-8. EDN **CZBBMA**.
19. Кириллова О. В. Как научному журналу сохранить родной язык и охватить англоязычную аудиторию // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1-2. С. 34–44. DOI [10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44). EDN **BHRWXR**.

20. Кузнецова Т. Ю., Сильничай А. В., Евграфова А. О. К вопросу о выборе языковой стратегии издания рейтингового российского журнала // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 39–49. DOI [10.24069/SEP-22-06](https://doi.org/10.24069/SEP-22-06). EDN [RCICSP](#).
21. Тарановский Д. О. Редакционная политика продвижения научного периодического издания (на примере журнала «Гироскопия и навигация») // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 70–80. DOI [10.24069/SEP-22-08](https://doi.org/10.24069/SEP-22-08). EDN [QFLPOS](#).
22. Ложникова А. В., Эльмурзаева Р. А., Кузнецов А. А. Перспективы формирования имиджа высокорейтингового экономического журнала на русском языке // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № S1. С. 16–22. DOI [10.24069/SEP-22-16](https://doi.org/10.24069/SEP-22-16). EDN [NBZQPE](#).
23. Гайдин Б. Н. Российские научные журналы в новых геополитических условиях: сложности и перспективы развития // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 44–52. DOI [10.19181/sntp.2022.4.3.4](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.3.4). EDN [EHDRNE](#).
24. Тургель И. Д. Приоритеты трансформации редакционной политики научного журнала в условиях международных санкций // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 28–38. DOI [10.24069/SEP-22-03](https://doi.org/10.24069/SEP-22-03). EDN [PDZTIV](#).
25. Фомин-Нилов Д. В. Перспективы научных коммуникаций в социально-гуманитарной сфере в современных условиях // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № S1. С. 64–68. DOI [10.24069/SEP-22-09](https://doi.org/10.24069/SEP-22-09). EDN [PUBJCO](#).
26. Семёнов Е. В., Соколов Д. В., Гайдин Б. Н. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 210–232. DOI [10.19181/sntp.2022.4.2.18](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.2.18). EDN [EAMCXU](#).
27. Тамбовцев В. Л. Кризис научных публикаций в период неолиберальной научной политики // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 137–150. DOI [10.32609/0042-8736-2022-12-137-150](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-137-150). EDN [MYTIPY](#).
28. Демиденко С. Ю. Организационно-управленческие проблемы функционирования научных журналов РАН // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 52–59. DOI [10.19181/sntp.2022.4.2.5](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.2.5). EDN [BDPTXT](#).
29. Моргунова Г. В., Хохлов А. Н. Использование показателей рецензирования для планирования работы редакции научного издания (на примере биологического журнала) // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 60–69. DOI [10.24069/SEP-22-17](https://doi.org/10.24069/SEP-22-17). EDN [SBALHW](#).
30. Мыслякова Ю. Г. Влияние института рецензирования на научную зрелость российских журналов // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 50–59. DOI [10.24069/SEP-22-33](https://doi.org/10.24069/SEP-22-33). EDN [TPIXDD](#).
31. Тамбовцев В. Л. Рецензирование в современных научных коммуникациях // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 1. С. 35–54. DOI [10.19181/sntp.2021.3.1.2](https://doi.org/10.19181/sntp.2021.3.1.2). EDN [WNAEEZ](#).

Сведения об авторе

Е. В. Семёнов

доктор философских наук, профессор

главный научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [764546](#)

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

От редакции: отклики на статью, мнения, суждения будут опубликованы в следующих номерах журнала в формате дискуссии.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.6)

DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC JOURNALS NETWORK IN RUSSIA: STRATEGIC, TECHNOLOGICAL AND ORGANIZATIONAL ISSUES

Evgeny Vasilievich Semenov

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

eugen.semenov@inbox.ru,

ORCID [0000-0001-8159-9163](https://orcid.org/0000-0001-8159-9163)

For citation: Semenov E. V. Development of the scientific journals network in Russia: strategic, technological and organizational issues. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):116–140. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.6).

Annotation: A complex of interconnected strategic, technological, and organisational problems in the development of scientific periodicals in Russia has been identified. The necessity of delineating an independent direction for policy-making and management of the system of periodic scientific publications, as a unified object of management within the strategic documents defining the scientific and technological policy and in the structure of state governance of the scientific and technological sphere, has been substantiated. Measures are proposed and justified to harmonise the national network of scientific journals with the forefront of ongoing scientific research in the country; to strike a balance between global and national languages of science while maintaining the visibility of Russian publications and authors at a global level; to promote self-organisation within science and reinstate the leading role of editorial boards and collegial forms of work; to subordinate infrastructure, the editorial-publishing process, and peer review to editorial boards.

Keywords: national network of scientific journals, forefront of scientific research, science information environment, scientific communication, digital transformation, global and national languages of science, editorial-publishing process, publication activity, scientific policy, science management

REFERENCES

1. Semenov E. V. A national network of academic journals as a system: problems before and after sanctions. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2023;32(3):145–166. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-3-145-166](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-145-166).
2. Gorelkin V. A. Regulation of scientific journals publishing in Russia: Problems and suggestions. *Science Editor and Publisher= Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2022;7(1):6–15. (In Russ.). DOI [10.24069/SEP-22-37](https://doi.org/10.24069/SEP-22-37).
3. Polterovich V. M. Mission of an economic journal. *Journal of a New Economic Association=Zhurnal novoj e`konomicheskoy associa*. 2011;(12):194–197. (In Russ.).
4. Chernysh M. F. On current situation and its possible consequences. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoy: teoriya i praktika* 2022;4(2):15–26. (In Russ.). DOI [10.19181/sntp.2022.4.2.1](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.2.1).

5. Barabashev A. G. How to ensure the international publication activity of Russian researchers: Risks, development opportunities, threats. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2022;4(2):44–51. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2022.4.2.4](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.4).
6. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of specialists of an intellectual labour: Sociological analysis [Vosproizvodstvo specialistov intellektual'nogo truda: sociologicheskij analiz]. Moscow : FNISCz RAN; 2023. 383 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).
7. Shuper V. A. The shrunken voice of science. View from the fatherland. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2020;2(1):40–53. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2020.2.1.2](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.2).
8. Kirillova O. V. Summing up the peculiar results of the decade and drawing plans. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2022;7(1):8–11. (In Russ.). DOI [10.24069/SEP-22-38](https://doi.org/10.24069/SEP-22-38).
9. Kirillova O. V., Tikhonova E. V. Journal quality criteria: Measurement and significance. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2022;7(1):12–27. (In Russ.). DOI [10.24069/SEP-22-39](https://doi.org/10.24069/SEP-22-39).
10. Gorokhov V. G. Debates on reforming Russian academy of sciences. *Vyshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2013;(10):110–116. (In Russ.).
11. Gureyev V. N., Mazov N. A., Metelkin D. V. Some reasons for the Russian authors transition to foreign journals. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2022;4(3):20–34. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2022.4.3.2](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.3.2).
12. Gricko M. I. Linguistic Security – one of the security factors of a multi-national Russia. *Idei i idealy=Ideas and Ideals*. 2011;1(3):63–72. (In Russ.).
13. Semenov E. V. Essay on sharp problems of a current Russian science. In: Uchjonye zapiski FNISCz RAN. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : FNISCz RAN; 2021. 64 p. (In Russ.).
14. Kirillova O. V. Publication language and the journal scientometric indicators in global citation databases. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2019;4(1–2):21–33. (In Russ.). DOI [10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33).
15. Donskikh O. A. The value of the national language of science (part no. 1). *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2020;2(2):189–208. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2020.2.2.9](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.9).
16. Donskikh O. A. About the value of the national language of science (part no. 2). *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2020;2(3):225–244. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2020.2.3.12](https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.3.12).
17. Donskikh O. A. Where the sophistication of a Russian slow speech? [Gde izy`skannost` russkoj medlitel`noj rechi?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2013;(10):69–76. (In Russ.).
18. Dolgova E. A. Birth of Soviet Science in 1920s and 1930s. Moscow : IC RGGU; 2020. 474 p. (In Russ.).
19. Kirillova O. V. Preserving national language and reaching out English-speaking audience of a scholarly journal. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2019;4(1–2):34–44. (In Russ.). DOI [10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44).
20. Kuznetsova T. Yu., Silnichaya A. V., Evgrafova A. O. Choosing a language strategy for a top-rated Russian academic journal. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`*. 2022;7(1):39–49. (In Russ.). DOI [10.24069/SEP-22-06](https://doi.org/10.24069/SEP-22-06).
21. Taranovskiy D. O. Editorial policy in promoting scientific periodicals (on the example of the Gyroscopy and Navigation journal). *Science Editor and*

- Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1):70–80. (In Russ.). DOI 10.24069/SEP-22-08.*
22. Lozhnikova A. V., Elmurzaeva R. A., Kuznetsov A. A. Prospects for the creating of the image of a highly rated Russian language economic journal. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1 (Suppl)):16–22. (In Russ.). DOI 10.24069/SEP-22-16.*
 23. Gaydin B. N. Russian academic journals in new geopolitical conditions: Difficulties and prospects of development. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoy: teoriya i praktika. 2022;4(3):44–52. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2022.4.3.4.*
 24. Turgel I. D. Transformation priorities in the editorial policy of a Russian scientific journal in the context of international sanctions. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1):28–38. (In Russ.). DOI 10.24069/SEP-22-03.*
 25. Fomin-Nilov D. V. Prospects for scientific communications in social sciences and humanities sphere in current conditions. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1 (Suppl)):64–68. DOI 10.24069/SEP-22-09.*
 26. Semenov E. V., Sokolov D. V. and Gaydin B. N. Digital transformation of research communications: academic journal as an electronic publication. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoy: teoriya i praktika. 2022;4(2):210–232. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.18.*
 27. Tambovtsev V. L. Crisis of scientific publications during the neoliberal science policy period. *Economic issues=Voprosy Ekonomiki. 2022;(12):137–150. (In Russ.) DOI 10.32609/0042-8736-2022-12-137-150.*
 28. Demidenko S. Yu. Organizational and managerial problems of the functioning of academic journals of the RAS. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoy: teoriya i praktika. 2022;4(2):52–59. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.5.*
 29. Morgunova G. V., Khokhlov A. N. Use of peer reviewing indicators for planning the work of the editorial office of a scientific edition (on the example of a biological journal). *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1):60–69. (In Russ.). DOI 10.24069/SEP-22-17.*
 30. Myslyakova Yu. G. Impact of peer review institute on scientific maturity of Russian journals. *Science Editor and Publisher=Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2022;7(1):50–59. (In Russ.). DOI 10.24069/SEP-22-33.*
 31. Tambovtsev V. L. Peer reviewing in the contemporary academic communications. *Science Management: Theory and Practice=Upravlenie naukoy: teoriya i praktika. 2021;3(1):35–54. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2021.3.1.2.*

Information about the author

E. V. Semenov

Doctor of Philosophy, Professor

Main Researcher

The article was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.

УДК 316.733

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.7)

EDN: [PSIJNC](https://www.edn.ru/PSIJNC)

Научная статья

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Михаил Михайлович Назаров

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

vy175867@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-0200-3785](https://orcid.org/0000-0003-0200-3785)

Для цитирования: Назаров М. М. Искусственный интеллект и алгоритмические решения в социальной сфере: представления молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 141–158. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.7). EDN [PSIJNC](https://www.edn.ru/PSIJNC).

Аннотация. В последнее десятилетие диффузия цифровых инноваций в социальной группе молодёжи проходила опережающими темпами. В статье представлен анализ отношения молодёжи к идее использования социальных рейтингов как одной из областей применения искусственного интеллекта (ИИ) и практик алгоритмического управления в социальной сфере. Эмпирическим объектом анализа являлись представители студенческой молодёжи в трёх российских городах – Москве, Белгороде, Кызыле. Более половины респондентов во всех регионах указали на то, что влияние технологий ИИ на жизнь людей будет иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Анализ модельной ситуации – возможности широкого использования социальных рейтингов – фиксирует, что поддерживали эту идею около трети респондентов во всех регионах. В столице большая часть респондентов идею внедрения алгоритмов социальных рейтингов не поддержали, тогда как в других регионах большая часть опрошенных затруднились с оценкой этого вопроса. Наблюдается рост уровня поддержки и представлений об оценках алгоритмов социальных рейтингов как справедливых по мере удаления от столицы. По всей видимости, общая цифровая продвинутость московского региона сопровождается ростом представлений о неоднозначных социальных последствиях использования ИИ и алгоритмических решений и приводит к большей осторожности респондентов в оценке перспектив этих технологий. Результаты многомерного статистического анализа показывают, что дифференциация поддержки/неподдержки идеи широкого использования социальных рейтингов связана с общими установками по отношению к новым технологиям, особенностями цифрового медиапотребления, ценностными ориентациями, отдельными характеристиками социальной демографии. Неоднозначная оценка перспектив внедрения социальных рейтингов, отношение значительной доли опрошенных к алгоритмическим решениям как несправедливым говорят о необходимости взвешенных управленческих решений, в центре которых должны быть интересы развития человека и гуманистического потенциала общества.

Ключевые слова: молодёжь, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмическое управление, инновации, система социального рейтинга, цифровой профиль

Исследовательский контекст

Отличительной чертой цифрового технологического уклада является широкое распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Эти технологии выполняют сложные задачи, изначально требующие приложения интеллекта человеческого уровня. Особенностью инфраструктуры интернета как «естественной» среды современной жизни является её прозрачность и наличие цифровых следов пользователей. Приложение к этим большим данным методов машинного обучения позволили создавать эффективные алгоритмические решения в тех областях, которые ранее были исключительной прерогативой человека¹. Это актуализировало вопрос о взаимосвязи между алгоритмами и обществом.

Для обозначения нового качества, которые приобретают в этих условиях различные стороны жизнедеятельности и социальные отношения, стало использоваться понятие «алгоритмическое общество» [2; 3]. Положительно отмечается, что использование возможностей машинной обработки больших данных для выявления закономерностей и подготовки эффективных алгоритмических решений находят своё практическое применение в самых разных областях [4]. Это оборона и охрана окружающей среды, экономика и потребительское поведение, социальная сфера. К преимуществам алгоритмических решений относят независимость от человеческого фактора, надёжность, высокую производительность, экономичность.

В ряде публикаций авторы привлекают внимание к неоднозначным социальным следствиям, с которыми сопряжено широкое использование алгоритмизации и технологий ИИ [5; 6; 10]. Важно учитывать, что практические приложения алгоритмических решений связаны с автоматическим определением статуса, обязанностей, прав на услуги; оценками вероятностей и рисков при распределении доступа к ресурсам; формированием данных о целевых группах с целью влияния на их будущее поведение. В дискуссиях о социальных следствиях алгоритмических решений ставятся вопросы об отсутствии прозрачности алгоритмов; нарушении ими конфиденциальности и защиты персональных данных; отражении алгоритмами интересов разработчиков и других заинтересованных сторон. Использование алгоритмов в целях социального контроля актуализи-

¹ Далее мы опираемся на понятие алгоритма как точного предписания о порядке выполнения некоторой системы операций над исходными данными для получения желаемого результата, которое выполняется индивидом или машиной [1, с. 35]. Использование машинных алгоритмов является стержневым элементом платформенного управления, характерного для современного цифрового технологического уклада.

зирует вопрос о необходимости соотнесения технологических инноваций с соблюдением интересов общества и прав граждан [7, с. 5–9].

Алгоритмическое управление предполагает использование разных по своей природе данных и отражает тренд к всеобщей метризации и измерения самых разных сторон социальной жизни. Рост систем измерения является маркером неолиберальной рациональности – метризация является компонентом всеохватной конкуренции. Если говорить шире, всеобъемлющее использование метрик соотносится с темой политики и власти – стремлением измерять, дифференцировать и оценивать. При этом метрики власти оказываются укоренными в самых разнообразных контурах обратной связи – инфраструктурных, организационных, корпоративных, правительственных и др. [8, с. 5, 32].

Одна из известных практик алгоритмического управления в социальной сфере связана с внедрением системы социальных кредитов в Китае. Среди целей системы – укрепление социальной искренности, стимулирование взаимного доверия в обществе и уменьшение социальных противоречий. Считается, что это крупнейший на сегодня эксперимент по централизации личной информации и управлению индивидуальным поведением граждан посредством позитивных и негативных стимулов, реализуемых на базе цифровых платформ. Цифровые профили пользователей формируются посредством присвоения им оценок по пяти категориям: личная информация, платёжеспособность, кредитная история, социальные сети и поведение. На основе алгоритмических оценок системой формируется несколько категорий кредитоспособности. Тот или иной тип действий индивида может повысить (или понизить) рейтинг, который увязан с использованием социальных благ, карьерного продвижения и т. п. [9].

Практики алгоритмического управления в немалой степени связаны с политико-экономическими отношениями и социокультурными особенностями общества. Показательной является оценка Ш. Зубофф, автора фундаментальной работы «Эпоха надзорного капитализма», одного из наиболее известных критиков негативных социальных следствий деятельности алгоритмических платформ. По её мнению, китайский проект системы социальных рейтингов следует понимать как результат инструментальной власти, опирающейся на государственные и частные источники данных и контролируемых авторитарным государством. Однако при всех отличиях китайской и западной политико-культурных традиций система социальных рейтингов или её элементы хорошо передают общую логику надзорного капитализма и инструментальной власти. «С каждым их действием китайских пользователей оцифровывают, классифицируют и ставят в очередь на составление прогнозов, и ровно то же самое происходит и с нами. Нас оценивают Uber, eBay, Facebook и многие другие веб-компании, и это только те рейтинги, которые мы видим» [10, с. 506, 511–512]. Добавим, что сбор данных из социальных сетей для формирования кредитных рейтингов заёмщиков является регулярной практикой во многих странах мира, в том числе и в нашей стране. Другим показательным примером яв-

ляется внедрение персональных траекторий в образовании, также построенных в логике алгоритмических решений и рейтингования.

В целом движение в сторону алгоритмического управления является глобальным процессом. Причём оценки социальных последствий широкого внедрения алгоритмов в различные области социального управления далеки от однозначных. Ключевая задача состоит в том, чтобы технологии ИИ, платформенное управление и алгоритмические решения служили интересам граждан, а не наоборот¹.

В последние годы в мировой научно-прикладной практике накоплен опыт эмпирических исследований, посвящённых специальным вопросам восприятия практик алгоритмических решений. На основе общенациональной выборки Нидерландов были определены представления о полезности, справедливости и риске алгоритмических решений для областей медиа, здравоохранения, юриспруденции, влияния в этой связи социальной демографии и прочих факторов [11]. На основе серии онлайн-экспериментов исследователями в области менеджмента было показано, что при разрешении ситуаций, требующих существенной включённости человека, представления об отсутствии интуиции и субъективных возможностей для вынесения суждений способствовали снижению оценок справедливости и достоверности алгоритмических решений [12]. Исходя из задач обеспечения баланса между технологическими инновациями и общественными интересами, изучена роль пользовательских оценок рекомендательных алгоритмов медиа по критериям справедливости, ответственности, прозрачности и объяснимости [13].

Отдельные исследования были посвящены вопросу восприятия системы социальных рейтингов. В рамках проведённого в 2020 году международного сравнительного исследования был определён уровень информированности о системе социальных рейтингов. Доля респондентов, указавших на то, что они слышали об этой системе, была самой высокой в азиатских странах (71% в Китае), тогда как самой низкой информированность об этом была в Австрии и Германии – 13%². Согласно данным, репрезентирующим российское население, представления респондентов о том, как введение социальных рейтингов в нашей стране повлияло бы на качество их жизни, оказались следующими: улучшило – 27%, ухудшило – 42%, затруднились ответить – 31%³. Сходную структуру оценок продемонстрировало исследование восприятия практик социального рейтингования в России и Китае [14].

Изложенный выше теоретико-прикладной контекст является основанием для формулировки исследовательских вопросов нашей работы.

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2021. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx (дата обращения: 16.03.2023).

² Social credits and security: embracing the world of ratings. Kaspersky. URL: <https://media.kasperskydaily.com/wp-content/uploads/sites/92/2020/05/15101930/Kaspersky-Social-Ratings-Report-2020.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).

³ Права человека в эпоху цифровизации // НИУ ВШЭ : [сайт]. 2 сентября 2021 г. URL: <https://grans.hse.ru/news/501719447.html> (дата обращения: 18.03.2023).

Исследовательские вопросы, эмпирическая база и методика исследования

Внедрение технологий ИИ и алгоритмические решения, будучи инновационными процессами, затрагивают социальные группы общества по-разному. В этой связи в фокусе нашего внимания оказались представители студенческой молодежи как группы опережающего поведения в отношении новых технологий. В работе были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какими в молодёжной среде являются информированность о технологиях ИИ и распространённость их использования в повседневной жизни?
2. Каким является отношение к идее возможного использования социальных рейтингов как результата алгоритмических решений, определяющих доступ индивидов к различным социальным благам?
3. Существуют ли в пространстве изучаемых эмпирических индикаторов переменные, максимально дифференцирующие респондентов по их принятию/непринятию перспектив широкого использования алгоритмических решений?

Эмпирическую основу работы составляют результаты изучения социальных представлений студенческой молодёжи нескольких регионов России: г. Москвы (N=300), г. Белгорода (N=2001), г. Кызыла, столицы Республики Тыва (N=551)¹. Полевой этап проходил в апреле–мае 2022 г.

В фокусе исследования находились вопросы, касающиеся перспектив использования новых технологий. Известно, что исследования оценок индивидов о тех или иных сторонах их будущей жизнедеятельности имеют особенности, обусловленные спецификой предметной области, ракурсом исследуемой проблемы. Природа оценок перспектив тех или иных явлений также в существенной степени зависит от особенностей социальной среды, в которой индивиды находятся [15, с. 48–58]. Формированию инструментария количественного исследования предшествовало проведение качественных процедур (интервью), уточняющих особенности интерпретации в целевой аудитории понятия ИИ, а также представлений о социальных рейтингах. На этой основе для обеспечения единой системы соотнесения участников количественного исследования изучение представлений об использовании алгоритмов-социальных рейтингов осуществлялось посредством оценки гипотетической ситуации, в которой респондент сталкивается с применением новой технологии в социальной практике.

Инструментарий количественного исследования состоял из нескольких блоков эмпирических индикаторов. Блок 1 – «технологии искусственного интеллекта» (ИИ): уровень информированности, практики использования технологий ИИ в повседневной жизни; направленность вли-

¹ Исследование проводилось ИСПИ и ИДИ ФНИСЦ РАН совместно с Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, Тувинским государственным университетом.

яния на жизнь широкого использования технологий ИИ в ближайшие 10–20 лет. Блок 2 – «алгоритмические решения»: отношение к широкому внедрению социальных рейтингов; представление о справедливости оценок, формируемых алгоритмическими решениями. Блок 3 – «общие ориентации на включённость в новую цифровую технологическую среду». На основе восьми оценочных суждений формируется индекс уровня технологических ориентаций. Блок 4 – «потребление медиа»: среднесуточная длительность потребления телевидения, Интернет, основных социальных сетей и мессенджеров; рейтинг доверия основных источников социально-политической информации. Блок 5 – «социально-политические и терминальные ценности». Перечень из двенадцати и двадцати шкальных признаков соответственно. Блок 6 – «социально-демографические характеристики»: пол, возраст, образовательная позиция, доход.

Результаты исследования

Общие представления о технологиях ИИ. Рассмотрим сначала вопросы об общем отношении молодёжи к технологиям ИИ. Это, на наш взгляд, в немалой степени формирует контекст восприятия алгоритмов социальных рейтингов. Обратимся сначала к результатам исследования уровня информированности о технологиях ИИ, практиках использования респондентами отдельных технологий ИИ в повседневной жизни (см. табл. 1).

Таблица 1

Информированность и практики использования технологий ИИ в повседневной жизни, %

Варианты ответов	Москва	Белгород	Кызыл
В какой мере вам известно о технологиях искусственного интеллекта?			
Знаю об этом достаточно много	27,1	21,5	12,0
Знаю об этом, но немного	65,2	56,1	50,9
Слышал только это название	5,8	7,8	13,7
Ничего об этом не знаю	0,6	5,5	10,1
Затрудняюсь ответить	1,3	9,1	13,3
Всего	100,0	100,0	100,0
Пользовались ли вы какой-либо из перечисленных ниже технологий искусственного интеллекта в своей повседневной жизни?			
Голосовые помощники мобильных телефонов (Алиса, Google Ассистент, Siri и др.)	81,3	77,1	73,7
Домашние голосовые помощники (Алиса, Маруся, Alexa, Google и др.)	41,3	30,2	30,1
Устройства для умного дома (системы автоматизации бытовых устройств, например, умный кондиционер, умный пылесос и др.)	27,1	16,1	11,4
Дистанционное управление с голосовой активацией (универсальные голосовые пульты для управления бытовыми устройствами)	21,9	17,1	13,3
Системы автоматических онлайн-переводов	63,2	45,5	28,4
Не пользовался	9,0	13,8	17,7

На период исследования информированность респондентов о технологиях ИИ была относительно невысокой. Порядка две третьих участников исследования в различных регионах указали на то, что знают об этом явлении немного или слышали только его название. Достаточно высокая информированность об ИИ, судя по результатам исследования, оказывается присущей существенно меньшей части опрошенных. Об этом сообщили 27% респондентов в Москве, 21% – в Белгороде, 12% – в Кызыле. Вхождение технологий ИИ в повседневные практики сопряжено, прежде всего, с массовым распространением высокоскоростной мобильной связи, смартфонов и связанных с ними возможностей по выполнению пользователями различных практических задач. Согласно данным, наиболее распространёнными в этой связи было использование голосовых помощников мобильных телефонов, систем автоматических онлайн-переводов, домашних голосовых помощников. Уровень информированности и практики использования технологий ИИ в повседневной жизни оказывается меньшим по мере удаления региона исследования от столицы страны.

В последние годы технологии ИИ стали применять в самых разных областях. Каковы были представления респондентов об общей направленности влияния ИИ на жизнь людей в среднесрочной перспективе? Данные об этом приведены в таблице 2. В каждом из регионов наибольшую долю ответов собрала позиция о разнонаправленном влиянии технологий ИИ на жизнь людей. Считали, что эти технологии будут иметь как положительное, так и отрицательное влияние 58% респондентов в Москве, 41% – в Белгороде, 37% – в Кызыле. Представления о положительном влиянии технологий ИИ на жизнь людей в целом разделяли от 37 до 30% опрошенных по разным регионам; об отрицательном влиянии технологий ИИ заявили от 6 до 3% респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:

«Какое влияние на жизнь людей окажет широкое использование технологий искусственного интеллекта в ближайшие 10–20 лет?», %

Варианты ответов	Москва	Белгород	Кызыл
Широкое использование технологий ИИ в целом положительно повлияет на жизнь людей. Это поможет решить много проблем в жизни людей	33,5	37,3	29,7
Широкое использование технологий ИИ в целом будет иметь как положительное, так и отрицательное влияние на жизнь людей	58,7	41,0	37,9
Широкое использование технологий ИИ в целом отрицательно повлияет на жизнь людей. Это приведёт к росту проблем в жизни людей	2,6	3,5	6,1
Затрудняюсь ответить	5,2	18,2	26,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Отношение к перспективам использования алгоритмов социальных рейтингов. Исследование вопроса об отношении к возможным перспективам широкого использования социальных рейтингов относится к изучению ожидаемых изменений в образе жизни современного человека. В этой связи методика включала описание возможной перспективной ситуации, которую затем предлагалось оценить участнику исследования: «Пожалуйста, подумайте о следующей ситуации... Сейчас многие компании разработали автоматизированные программы, которые собирают информацию из различных источников о поведении и личных характеристиках людей, таких как их привычки в интернете или продукты и услуги, которые они используют. Затем эти программы присваивают людям автоматическую оценку, которая помогает компаниям решать, предлагать ли им кредиты, специальные предложения или другие услуги. В некоторых странах на основе анализа поведения людей программы-алгоритмы могут присваивать людям рейтинг (социальный рейтинг), который влияет на доступ к тем или иным социальным благам».

Наличие приведённого выше описания преследовало целью условного переноса участника исследования в пусть и перспективную, но достаточно реальную ситуацию, что, в свою очередь, являлось условием получения конкретных и интерпретируемых оценок. После этого респондентам предлагалось высказать своё отношение к различным сторонам возможного внедрения результатов таких программ-алгоритмов социальных рейтингов.

Первым в этом ряду был вопрос, касающийся справедливости алгоритмических оценок, формирующих социальные рейтинги. Данные об этом приведены в таблице 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:

«Насколько справедливыми будут для людей оценки, построенные с помощью автоматизированных программ-алгоритмов социальных рейтингов?», %

Варианты ответов	Москва	Белгород	Кызыл
Справедливыми	3,9	8,7	15,5
Скорее справедливыми, чем несправедливыми	36,6	31,4	34,1
Скорее несправедливыми, чем справедливыми	27,5	17,3	11,2
Несправедливыми	11,1	7,3	5,1
Затрудняюсь ответить	20,9	35,3	34,1
Всего	100	100	100

Согласно результатам, представления респондентов о справедливости социальных рейтингов не являются однозначными. Считают такие оценки справедливыми (полностью или частично) 40% представителей студенческой молодёжи в Москве и Белгороде, 49% в Кызыле. Обратную точку зрения, т. е. согласны с несправедливостью подобных оценок, раз-

деляли 38% опрошенных в Москве, 24% – в Белгороде, 16% – в Кызыле. Существенная часть респондентов не дали ответа на вопрос – 20% в Москве, 35 и 34% в Белгороде и Кызыле, соответственно.

Информация об уровне поддержки идеи широкого использования алгоритмов социальных рейтингов показана в таблице 4.

Таблица 4

*Распределение ответов на вопрос:
«Поддерживаете ли вы широкое использование программ-алгоритмов
социальных рейтингов?», %*

Варианты ответов	Москва	Белгород	Кызыл
Поддерживаю	28,3	32,7	37,3
Не поддерживаю	48,7	27,3	20,7
Затрудняюсь ответить	23,0	40,0	42,0
Всего	100	100	100

Уровень поддержки внедрения социальных рейтингов находился в пределах 37–28% по отдельным регионам. Как следует из приведённых данных, большая часть опрошенных в Белгороде и Кызыле не выразили мнения по этому вопросу (40 и 42%, соответственно). Более определённо были настроены опрошенные в Москве, где было зафиксировано 23% затруднившихся ответить. Характерно, что Москва оказалась лидером по сравнению с другими регионами по доле тех, кто высказался не в пользу подобных инициатив (48%).

Существует ли зависимость между поддержкой идеи широкого использования алгоритмов социальных рейтингов и рассмотрением оценок, получаемых с помощью этих алгоритмов, как справедливых? Будем учитывать, что здесь фиксация различий в значениях переменных осуществлялась с помощью порядковых шкал. В этой ситуации адекватным способом ответа на поставленный вопрос является однофакторный дисперсионный анализ Красскэла-Уоллиса. Была проведена проверка модели влияния группирующей переменной – поддержки идеи использования социальных рейтингов на представления о справедливости оценок, которые будут получены с помощью этой технологии¹. В таблице 5 приведены данные о количестве респондентов, принадлежащих каждой из градаций группирующей переменной и средний ранг анализируемой переменной в каждой из групп. Также в таблице показаны результаты проверки статистической гипотезы о том, что средние ранги в каждой из сравниваемой групп равны между собой. Фактически эта гипотеза эквивалентна предположению об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную.

¹ Здесь и далее приводятся результаты статистических процедур применительно к наиболее многочисленному по числу наблюдений массиву Белгорода.

Таблица 5

Проверка модели связи поддержки идеи широкого использования социальных рейтингов с рассмотрением их оценок как справедливых

Группирующая переменная – поддержка идеи широкого использования социальных рейтингов	№	Средний ранг	Статистики теста		
Москва					
Справедливость оценок, построенных с помощью алгоритмов социальных рейтингов	Не поддерживают	148	110,55	Хи-квадрат	81,6
	Нейтральны	70	168,27	Значимость	0,000
	Поддерживают	86	211,85		
Белгород					
Справедливость оценок, построенных с помощью алгоритмов социальных рейтингов	Не поддерживают	507	558,25	Хи-квадрат	659,4
	Нейтральны	740	847,27	Значимость	0,000
	Поддерживают	606	1332,87		
Кызыл					
Справедливость оценок, построенных с помощью алгоритмов социальных рейтингов	Не поддерживают	106	194,66	Хи-квадрат	121,0
	Нейтральны	215	206,53	Значимость	0,000
	Поддерживают	188	344,45		

В содержательном плане мы видим, что во всех регионах группирующая переменная обладает уровнем значимости (0,000) применительно к представлению о справедливости оценок, построенных с помощью алгоритмов социальных рейтингов. Это даёт основания отвергнуть исходную гипотезу об отсутствии влияния. Данные таблицы 5 позволяют проследить характер этой зависимости. Напомним, что изучаемые переменные имеют определённый порядок. Соответственно, средний ранг представлений о справедливости оценок социальных рейтингов был наиболее низким в группе тех, кто не поддержал внедрение социальных рейтингов (и наоборот). Иными словами более высокий уровень поддержки социальных рейтингов сопряжён с представлениями о справедливости оценок, которая предлагает эта технология.

В рамках исследования был изучен вопрос о том, какие обстоятельства являются наиболее значимыми с точки зрения дифференциации респондентов по их поддержке (или нет) идеи широкого использования алгоритмов социальных рейтингов. Для этого последовательно применялись статистические процедуры дискриминантного анализа и логистической регрессии.

Возможности дискриминантного анализа предполагают, среди прочего, выявление различий между априорно заданными группами объектов по нескольким переменным одновременно [16]. Применительно к нашему исследованию группирующей являлась дихотомизированная переменная поддержки идеи широкого использования социальных рейтингов. Дискриминантными переменными, которые использовались для поиска различий между составляющими группирующей (зависимой) переменной, являлись индикаторы содержательных блоков инструментария исследования.

Результаты процедуры пошагового дискриминантного анализа показывают, что существуют восемь переменных, которые значимо разделяют

Таблица 6

Коэффициенты стандартизованной канонической дискриминантной функции

Переменные	Функции	Переменные	Функции
Установки по отношению к новым технологиям		Социально-демографические признаки	
Индекс включённости в новую цифровую технологическую среду	0,467	Пол – мужской	-0,298
Включённость в область ИИ		Разделяемые ценности	
Уровень информированности о технологиях ИИ	0,235	Самостоятельность (независимость в суждениях, оценках)	0,358
Использование технологий ИИ в повседневной жизни (голосовые помощники)	0,377	Патриотизм (любовь к Родине, благополучие страны и своего народа)	-0,402
Длительность медиапотребления		Карьера (личный успех, общественное признание, уважение окружающих)	0,271
Среднесуточная длительность использования социальной сети Instagram	0,341	Творчество (возможность творческой деятельности)	-0,278

выборочную совокупность респондентов. Тест на значимость различий средних значений дискриминантной функции фиксирует величину показателя «Significance» равное 0,000, что говорит о значимости различий средних величин¹. Различение респондентов в связи с поддержкой / избеганием широкого использования социальных рейтингов связано с индикаторами, характеризующими различные стороны жизни людей. К ним относятся установки респондентов по отношению к новым технологиям; включённость в область ИИ; длительность медиапотребления; ценностные ориентации; социальная демография. Подробнее см. таблицу 6.

Для определения того, какие переменные и с каким весом оказывают влияние на зависимую переменную, применялся регрессионный анализ. Использовалась процедура логистической регрессии, позволяющая определить вклад независимых переменных (предикторов) в повышение вероятности того, что индивид будет поддерживать идею использования социальных рейтингов. Результаты логистической регрессии приведены в таблице 7.

Из всего перечня анализируемых переменных приводятся только те предикторы, которые оказываются статистически значимыми. Для каждого предиктора приведён коэффициент «В». Чем большим является значение «В», тем больше вероятность влияния предиктора на зависимую переменную.

¹ Анализ коэффициентов корреляции между дискриминирующими переменными говорит об отсутствии связи между ними. При этом относительно невысокие показатели собственного значения и канонической корреляции отражает тот факт, что «различающие» возможности модели не являются ярко выраженными. Вместе с тем, показатель корректности дискриминантной процедуры, т. е. причисления объектов исследования к одной из исследуемых групп (поддерживающих или не поддерживающих идею использования социальных рейтингов) оказывается достаточно высоким: 63,8% исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно.

Таблица 7

Регрессионная модель – предикторы поддержки широкого использования алгоритмов социальных рейтингов

Предикторы	B	Exp (B)	Вальд	Значимость
Установки по отношению к новым технологиям				
Обобщённый Индекс ориентаций	0,489	1,63	26,309	0,000
Включённость в область ИИ				
Информированность	0,212	1,236	5,808	0,016
Практики мобильных голосовых помощников	0,674	1,963	15,407	0,000
Потребление медиа в сутки				
Instagram	0,146	1,157	8,93	0,003
Ценностные представления				
Карьера	0,339	1,404	6,786	0,009
Самостоятельность	0,376	1,457	7,105	0,008
Патриотизм	-0,363	0,696	12,309	0,000
Творчество	-0,339	0,712	7,111	0,008
Социально-демографические признаки				
Пол: мужской	-0,455	0,635	11,217	0,001
Константа	-1,585	0,205	9,685	0,002
R-квадрат Нэйджелкерка	0,139			

Расчитываемые в ходе процедуры логистического анализа показатели правильности предсказания модели фиксируют её удовлетворительное качество. Общая правильность предсказания – 63,6%. При этом модель правильно предсказывает факт поддержки широкого использования алгоритмов социальных рейтингов в 71,1% случаев; факт не поддержки – в 54,5% случаев.

В связи с результатами регрессионной модели и полученным значениям коэффициентов, обратим внимание на несколько моментов. Наибольшую предсказательную силу в модели имеют предикторы, связанные с использованием в повседневной практике технологий ИИ (мобильных голосовых помощников) и общими установками респондентов по отношению к новым технологиям. При наличии у респондентов этих характеристик вероятность поддержки использования алгоритмов социальных рейтингов возрастает на 64 и 48% соответственно по сравнению с теми, кому такие особенности не присущи. Достаточно высокой величиной обладает предиктор, относящийся к социальной демографии – вероятность поддержки идеи социальных рейтингов оказывается на 45% выше среди мужчин, нежели, чем среди женщин.

Существенной (в рамках этой модели) оказывается роль предикторов, отражающих отдельные составляющие ценностного сознания. Так, среди респондентов, ориентированных на такую ценность, как самостоятельность, т. е. независимость в оценках и суждениях, вероятность поддержки

широкого использования алгоритмов социальных рейтингов является на 37% выше по сравнению с теми, кто эту ценность не разделяет. Также модель отражает, что высокие ориентации на карьерные достижения также повышает вероятность поддержки идеи использования социальных рейтингов (на 33%). Поддержка социальных рейтингов с большей вероятностью оказывается присущей тем, кто не разделяет ценности патриотизма (на 36%) и не рассматривает возможности творческой деятельности в ряду значимых для себя ценностей (на 33%). Зафиксирована также роль длительности суточного медиапотребления. При этом величина коэффициента В оказывается здесь относительно низкой по сравнению с другими предикторами. В этой связи можно говорить о том, что среди респондентов с большим потреблением социальной сети Instagram может наблюдаться несколько большая поддержка социальных рейтингов (на 14%).

Обсуждение

Исследование показало, что уровень информированности студенческой молодёжи о технологиях ИИ является относительно невысоким. Большая часть респондентов – от половины до двух третей в регионах исследования – указали, что знают об этом явлении, «но немного». Наибольший уровень информированности о технологиях ИИ был присущим опрошенным в Москве, что вполне понятно, с учётом общего уровня технологической продвинутости и благосостояния населения столицы по сравнению с другими регионами страны. Освоение практических приложений технологий ИИ для большинства респондентов происходит в области цифровых коммуникаций и разнообразных сервисов, которые используются в повседневной жизни. Наиболее распространённым в этой связи является использование голосовых помощников смартфонов. Представления о влиянии широкого использования технологий ИИ на жизнь людей в среднесрочной перспективе не являются однозначными. В целом на положительное влияние этого указали от 37 до 29% респондентов в различных регионах. Большая часть опрошенных во всех регионах отметила, что это влияние будет иметь как положительные, так и отрицательные следствия (от 58 до 37%).

Также неоднозначными оказались мнения респондентов относительно возможности широкого внедрения технологических оценок – алгоритмов социальных рейтингов. Если в Москве большая часть опрошенных (48%) не поддержала эту идею, то в Белгороде и Кызыле большая часть респондентов затруднилась с ответом по этому вопросу (40 и 42% соответственно). Вместе с тем, уровень поддержки внедрения алгоритмов социальных рейтингов находился в пределах (38–30%). Результаты исследования говорят о наличии зависимости между поддержкой социальных рейтингов и рассмотрением их оценок в качестве справедливых. Фиксируется большая осторожность респондентов, представляющих столичный регион, в уровне поддержки и представлений об оценках алгоритмов социальных рейтингов как справедливых. Это может быть обусловлено

тем, что по мере распространения технологий ИИ и погружения людей в эту сферу жизнедеятельности (как на уровне информации, так и реальных практик) респонденты начинают сталкиваться с различными по своей направленности следствиями этих явлений.

В результате применения процедур дискриминантного и регрессионного анализа можно сделать вывод о наличии нескольких групп переменных, влияющих на принятие идеи использования алгоритмов социальных рейтингов.

Поддержка социальных рейтингов присуща респондентам, имеющим высокий обобщённый индекс включенности в цифровые технологии, что предполагает более высокий (чем у других) уровень информированности, активное потребительское поведение в этой области и т. п. Можно предположить, что поддерживающие внедрение алгоритмов социальных рейтингов так или иначе относятся к тем социальным сегментам, в которых диффузии инноваций начинают распространяться ранее, чем в других группах. Это соотносится с тем, что поддержка алгоритмических решений связана с активными практиками использования новых устройств в повседневной жизни, в которых уже реализованы технологии ИИ. Не случайно факт использования голосовых помощников смартфонов (типа Алиса, Google Ассистент, Siri) обладает наибольшим, наряду с обобщённым индексом ориентаций на цифровые технологии, влиянием на принятие идеи использования алгоритмов социальных рейтингов. Также высокую (в рамках регрессионной модели) предсказательную силу в части принятия алгоритмов социальных рейтингов имеет факт принадлежности респондентов к мужчинам.

Регрессионная модель показывает также, что факт поддержки социальных рейтингов оказывается связанным (положительно или отрицательно) с принятием отдельных ценностей. Поддержка алгоритмов социальных рейтингов положительно связана с важностью для респондентов такой ценности, как самостоятельность, понимаемой как независимость в суждениях и оценках. По всей видимости, технологические решения рассматриваются представителями молодёжи в качестве альтернативного инструмента рутинным, бюрократическим практикам оценок, сложившихся в различных областях жизни респондентов. Существует и другая ценность, положительно связанная с вероятностью принятия алгоритмов социальных рейтингов – это ценность карьеры, понимаемой как личный успех, общественное признание, уважение окружающих. Учитывая наличие положительной связи между поддержкой алгоритмов социальных рейтингов и представлений о производимых ими оценках как справедливых, уместно предположить следующее. В условиях широкой распространённости низкого уровня институционального доверия в российском обществе респонденты, поддерживающие алгоритмические решения, рассматривают последние как способ получения независимой и объективной, по их мнению, экспертизы достижений и деятельности людей [17].

Регрессионный анализ фиксирует, что существуют две другие ценности, которые отрицательно коррелируют с поддержкой идеи широкого

использования алгоритмов социальных рейтингов. Первая из них относится к патриотизму, актуальной идеи политико-идеологической сферы современной российской жизни. На наш взгляд, зафиксированный факт отражает общий тренд конца первого – начала второго десятилетия нынешнего века, когда ценности патриотизма среди российской молодёжи, в том числе среди её студенческого сегмента, оказывались менее распространёнными, чем в других возрастных группах общества [18, с. 343–346]. Отрицательно связан с поддержкой алгоритмических рейтингов тот факт, что для респондентов оказывается значимой ценность творчества, творческой деятельности. В этом, как представляется, находит своё отражение общее противоречие между рассмотрением полноты всего богатства жизненного мира, которое неотделимо от творческой самореализации в самых разных областях, с одной стороны; и тренда на алгоритмизацию самых разных сторон современной жизни людей – с другой.

Неоднозначная оценка перспектив внедрения социальных рейтингов, трактовка значительной долей опрошенных осуществляемых при этом алгоритмических решений как несправедливых говорит о необходимости взвешенных решений в этой области. Это тем более так, поскольку уровень информированности о технологиях ИИ в молодёжной среде в целом оказывается невысоким. Поддержка идеи социальных рейтингов связана с проявлениями жизнедеятельности, отражающих общую включённость молодёжи в цифровые практики. Причём сопряжённые с этим ценности говорят о том, что алгоритмические решения рассматриваются в качестве альтернативы российской ситуации низкого институционального доверия в целом. Вместе с тем, региональные различия в интерпретации социальных рейтингов как справедливых отражают, по всей видимости, ситуацию, когда более продвинутая цифровая ситуация в регионе (включая в том числе её негативные проявления) приводит к большей осторожности в оценках.

Немаловажно, что современные российские цифровые трансформации, предполагающие, в частности, применение тех или иных форм цифровых рейтингов не являются свободными от целого ряда проблем, о которых говорилось выше. Поэтому при внедрении ИИ и его составляющих в центре должны стоять интересы человека. Если говорить шире, то вопрос, на наш взгляд, стоит не в противодействии техническому прогрессу, а в придании ему «человеческого измерения» – соответствие инноваций ценностям социальной справедливости, рамкам морально-этической легитимности общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+. 2009. 1247 с. ISBN 978-5-88373-089-3. EDN SAAGNR.
2. Burrell J., Fourcade M. The Society of Algorithms // *Annual Review of Sociology*. 2021. Vol. 47. P. 213–237. DOI [10.1146/annurev-soc-090820-020800](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800).
3. Walorska A. M. The Algorithmic Society // *Redesigning Organizations. Concepts for the Connected Society* / D. Feldner (ed.). Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 149–160. ISBN 978-3-030-27956-1. DOI [10.1007/978-3-030-27957-8_11](https://doi.org/10.1007/978-3-030-27957-8_11).

4. Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М. : Альпина ПРО, 2022. 200 с. ISBN 978-5-907534-65-0.
5. Galloway A. Protocol: How Control Exists after Decentralization. Cambridge, MA and London : The MIT Press, 2006. 288 p. ISBN 0-262-07247-5.
6. Pasquale F. The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2015. 311 p. ISBN 978-0-674-36827-9.
7. The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge / Eds. M. Schuilenburg, R. Peeters. London : Routledge, 2022. 214 p. DOI [10.4324/9780429261404](https://doi.org/10.4324/9780429261404).
8. Beer D. Metric Power. London : Palgrave Macmillan, 2016. 236 p. ISBN 978-1137556486.
9. Leibkuechle P. Trust in the Digital Age – The Case of the Chinese Social Credit System // Redesigning Organizations. Concepts for the Connected Society / D. Feldner (eds). Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 279–290. DOI [10.1007/978-3-030-27957-8_21](https://doi.org/10.1007/978-3-030-27957-8_21).
10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с. ISBN 978-5-93255-613-9.
11. In AI we trust? Perceptions about automated decision-making by artificial intelligence / T. Araujo, N. Helberger, S. Kruijkemeier, C. H. de Vreese // AI & Society. 2020. Vol. 35, № 3. P. 611–623. DOI [10.1007/s00146-019-00931-w](https://doi.org/10.1007/s00146-019-00931-w). EDN [EEIWSR](https://www.edn.net/EEIWSR).
12. Lee M. K. Understanding perception of algorithmic decisions: Fairness, trust, and emotion in response to algorithmic management // Big Data & Society. 2018. № 1. P. 1–16. DOI [10.1177/2053951718756684](https://doi.org/10.1177/2053951718756684).
13. Shin D. User Perceptions of Algorithmic Decisions in the Personalized AI System: Perceptual Evaluation of Fairness, Accountability, Transparency, and Explainability // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2020. Vol. 64, № 4. P. 541–565. DOI [10.1080/08838151.2020.1843357](https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1843357).
14. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76. DOI [10.25136/2409-7144.2021.12.36824](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824). EDN [GGVZLL](https://www.edn.net/GGVZLL).
15. Прогнозирование в социологических исследованиях. Методологические проблемы / И.В. Бестужев-Лада [и др.] ; отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М. : «Мысль», 1978. 272 с.
16. Бессокирная Г. П. Дискриминантный анализ для отбора информативных переменных // Социология: Методология, методы, математические модели. 2003. № 16. С. 25–35. EDN [PEYDBR](https://www.edn.net/PEYDBR).
17. Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А. Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 2. С. 277–288. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288). EDN [WAVOYQ](https://www.edn.net/WAVOYQ).
18. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023). EDN [ORTSAQ](https://www.edn.net/ORTSAQ).

Сведения об авторе

М. М. Назаров

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [74313](https://elibrary.ru/author_index.action?id=74313)

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 09.06.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.7)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ALGORITHMIC SOLUTIONS IN THE SOCIAL SPHERE: YOUTH ATTITUDES

Mikhail Mikhailovich Nazarov

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

vy175867@yandex.ru,ORCID [0000-0003-0200-3785](https://orcid.org/0000-0003-0200-3785)

For citation: Nazarov M. M. Artificial Intelligence and algorithmic solutions in the social sphere: youth attitudes. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):141–158. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.7).

Abstract. Over the past decade, the diffusion of digital innovations among the youth has been advancing at an accelerated pace. The article presents an analysis of the youth's attitude towards the idea of using social ratings as one of the applications of artificial intelligence (AI) and algorithmic management in the social sphere. The empirical focus of the analysis was on representatives of student youth in three Russian cities - Moscow, Belgorod, and Kyzyl. More than half of the respondents in all regions indicated that the influence of AI technologies on people's lives would have both positive and negative consequences. The analysis of a model situation - the possibility of widespread use of social ratings - reveals that about one-third of the respondents in all regions supported this idea. In the capital city, the majority of respondents did not support the idea of implementing algorithms for social ratings, while in other regions, the majority of those surveyed were undecided about assessing this issue. There is an increasing level of support and perceptions of fair evaluations of algorithms for social ratings as respondents move away from the capital city. Apparently, the overall digital advancement of the Moscow region is accompanied by an increase in perceptions of the ambiguous social consequences of using AI and algorithmic solutions, leading respondents to be more cautious in assessing the prospects of these technologies. The results of multivariate statistical analysis indicate that the differentiation of support/non-support for the idea of widespread use of social ratings is related to general attitudes towards new technologies, digital media consumption habits, value orientations, and specific characteristics of social demographics. The ambivalent assessment of the prospects of implementing social ratings and the perception of a significant portion of respondents towards algorithmic solutions as unjust highlight the need for balanced management decisions that prioritise human development and the humanitarian potential of society.

Keywords: youth, digitalisation, artificial intelligence, algorithmic management, innovations, social rating system, digital profile

REFERENCES

1. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science [Энциклопедия эпистемологии и философии науки]. Moscow : Kanon+. 2009. 1247 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-089-3.
2. Burrell J., Fourcade M. The society of algorithms. *Annual Review of Sociology*. 2021;(47):213–237. DOI [10.1146/annurev-soc-090820-020800](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800).
3. Walorska A. M. The algorithmic society. In: Redesigning organizations. Concepts for the connected society. D. Feldner (ed.). Cham : Springer Nature Switzerland AG; 2020. P. 149–160. ISBN 978-3-030-27956-1. DOI [10.1007/978-3-030-27957-8_11](https://doi.org/10.1007/978-3-030-27957-8_11).

4. Kissinger G., Schmidt E., Hattenlocker D. The age of AI: and our human future. [Iskusstvenny'j razum i novaya è'ra chelovechestva] Moscow : Al'pina PRO; 2022. 200 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907534-65-0
5. Galloway A. Protocol: How control exists after decentralization. Cambridge, MA and London : The MIT Press; 2006. 288 p. ISBN 0-262-07247-5.
6. Pasquale F. The black box society. The secret algorithms that control money and information. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press; 2015. 311 p. ISBN 978- 0-6 74-3 6827-9.
7. Schuilenburg M., Peeters R. (eds.). The algorithmic society. Technology, power, and knowledge. London : Routledge; 2022. 214 p. DOI [10.4324/9780429261404](https://doi.org/10.4324/9780429261404).
8. Beer D. Metric power. London : Palgrave Macmillan; 2016. 236 p. ISBN 978-1137556486.
9. Leibkuechle P. Trust in the digital age - the case of the chinese social credit system. In: Redesigning organizations. Concepts for the connected society. D. Feldner (ed.). Cham : Springer Nature Switzerland AG; 2020. P. 279–290. DOI [10.1007/978-3-030-27957-8_21](https://doi.org/10.1007/978-3-030-27957-8_21).
10. Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. Moscow : Izdatel'stvo Instituta Gajdara; 2022. 781 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-613-9.
11. Araujo T., Helberger N., Kruikemeier S., de Vreese C. In AI we trust? Perceptions about automated decision making by artificial intelligence. *AI & Society*. 2021;(35):611–623. DOI [10.1007/s00146-019-00931-w](https://doi.org/10.1007/s00146-019-00931-w).
12. Lee M. K. Understanding perception of algorithmic decisions: Fairness, trust, and emotion in response to algorithmic management. *Big Data & Society*. 2018;(1):1–16. DOI [10.1177/2053951718756684](https://doi.org/10.1177/2053951718756684).
13. Shin D. User perceptions of algorithmic decisions in the personalized AI system: Perceptual evaluation of fairness, accountability, transparency, and explainability. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2020;(4):541–565. DOI [10.1080/08838151.2020.1843357](https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1843357).
14. Ruvinsky R. Z., Ruvinskaya E. A., Komarova T. D. Public perception of digital profiling and social rating practices: the situation in Russia and China. *Sociodynamics=Sociodinamika*. 2021;(12):56–76. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2021.12.36824](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824).
15. Bestuzhev-Lada I. V. (ed.). Forecasting in sociological research. Methodological problems [Prognozirovaniye v sociologicheskix issledovaniyax. Metodologicheskie problem']. Moscow : My'sl'; 1978. 272 p. (In Russ.).
16. Bessokirnaya G. P. Discriminant analysis for the selection of informative variables. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)=Sociologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli.(Sociologiya 4M)*. 2003;(16):25–35. (In Russ.).
17. Nazarov M. M., Ivanov V. N., Kublitskaya E. A. Media, institutions, and the Russians' trust. *Rudn Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*. 2019;(2):277–288. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288).
18. Levashov V. K. (ed.). Russian society and the state in the context of global multipolarity. The socio-political situation of Russia in 2022. Moscow : FNISCz RAN; 2023. 549 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).

Information about the author

M. M. Nazarov

Doctor of Politology,

Main Researcher

ResearcherID: [L-7449-2015](https://orcid.org/0009-0001-7449-2015)

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

ТИПЫ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ПЕРМИ К СЕРВИСНЫМ РОБОТАМ

Гюзель Ильясовна Селеткова¹

Ольга Аркадьевна Бурова²

Ольга Александровна Ганина³

Елена Владимировна Середкина⁴

1, 2, 3, 4 Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия,

¹ guzal.ka@mail.ru,

ORCID 0000-0003-3402-3473

² olgabu@mail.ru,

ORCID 0000-0002-6182-4375

³ ganinaoa@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3890-6177

⁴ selena36@mail.ru,

ORCID 0000-0003-2506-2374

Для цитирования: Селеткова Г. И., Бурова О. А., Ганина О. А., Середкина Е. В. Типы отношения жителей города Перми к сервисным роботам // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 159–175. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.8. EDN XUQYZS.

Аннотация. Эффективность внедрения роботов в разных сферах общества зависит не только от технических характеристик самого робота, но и от того, как разные социальные группы относятся к ним и насколько готовы с ними взаимодействовать. Социальные установки по отношению к роботам, в свою очередь, зависят от социокультурных и социоструктурных факторов. В рамках социологии техники и акторно-сетевой теории рассматривается социальное значение технических устройств, процессы социальной адаптации и коммуникации с ними, при этом эмпирических исследований в сфере человеко-машинного взаимодействия (HRI) именно на российском материале ещё недостаточно. В статье представлены результаты исследования, в ходе которого рассматривается восприятие роботов реальными и потенциальными пользователями в двух аспектах: на уровне базовых социальных установок по отношению к новым технологиям и роботам (социальная приемлемость) и на уровне оценки взаимодействия с роботом в конкретной ситуации (практическая приемлемость). Эмпирической базой работы служит опрос клиентов многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в г. Перми, которые получали услуги либо у сервисного антропоморфного робота Promobot V.4, либо у сотрудника центра. На основе кластерного анализа выделены три типа (кластера) отношения к инновациям и роботам на уровне базовых социальных установок: робоскептики, робофобы, робофилы. Рассмотрены социальные характеристики выделенных типов. Предложена ори-

гинальная методика измерения удовлетворённости фактическим взаимодействием с сервисным роботом в конкретной ситуации по различным параметрам (оценка удобства получения услуги, качество общения, личная активность, готовность рекомендовать получение услуги у робота и др.). В ходе исследования подтверждается гипотеза о взаимосвязи между типом отношения к инновациям и роботам и удовлетворённостью фактическим взаимодействием с роботом в конкретной ситуации. Наиболее низкие показатели удовлетворённости взаимодействием с сервисным роботом и стремление избежать этого взаимодействия наблюдаются у робофобов, к которым чаще относятся лица старшей возрастной группы (55 лет и старше). Результаты исследования позволяют определить перспективы внедрения сервисных роботов в общественном пространстве крупного российского города на основе понимания социальных установок пользователей.

Ключевые слова: социология техники, акторно-сетевая теория, человеко-машинное взаимодействие, отношение к новым технологиям, социальные установки по отношению к роботам, сервисные роботы

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-411-590002 р_а_Пермский край. Авторы выражают благодарность за содействие в проведении исследования сотрудникам кафедры социологии и политологии ПНИПУ Юлии Сергеевне Неверовой и Юрию Михайловичу Вассерману, а также ООО «Промобот» (г. Пермь).

Введение

Технологизация и цифровизация городской среды проявляется, в частности, в применении сервисных роботов для оказания консультационных и информационных услуг в общественных пространствах (административные и финансовые учреждения, музеи, торговые центры, вокзалы и т. п.). Эффективность внедрения сервисных роботов во многом определяется тем, как реальные и потенциальные пользователи относятся к ним, каковы их ожидания и опасения, готовность или неготовность к взаимодействию с ними.

С опорой на акторно-сетевую теорию Б. Латура роботов можно рассматривать как акторов, которые вызывают положительные, амбивалентные или отрицательные оценки у потребителей. Сервисные роботы будут малоэффективны и бесполезны, если конечные потребители не захотят воспользоваться их услугами; для успешного внедрения сервисных роботов они должны быть приняты клиентами и сотрудниками организаций, в которых применяются.

Отношение к роботам представляет собой комплекс определённых социальных установок. Под социальной установкой понимается предрасположенность индивида тем или иным образом воспринимать, оценивать конкретный объект или ситуацию и реагировать на них. Социальные установки рассматриваются авторами данной статьи в русле классической социологической интерпретации, представленной в работах В. А. Ядова, при этом выделяются: а) фиксированные установки на вза-

имодействие с роботом в конкретной ситуации, б) базовые социальные установки на роботов вообще [1, с. 35–37].

Авторы отдельных подходов к изучению отношения людей к роботам утверждают, что взгляд пользователей на искусственного агента может быть основным фактором, влияющим на эффективность последующего взаимодействия [2]. Б. Буш и др. [3; 4; 5] проводят границу между социальной и практической приемлемостью роботов, где первое относится к тому, как общество воспринимает роботов, а второе – к тому, как люди оценивают их непосредственно во время или после взаимодействия с ними. Социальную приемлемость можно рассматривать как оценку, данную до использования роботов, т. е. априорное отношение на уровне базовых социальных установок, а практическую приемлемость – как оценку, вынесенную после внедрения робота и взаимодействия с ним.

Результаты некоторых исследований показывают, что участники с предшествующим опытом использования роботов выражают более позитивное отношение к ним, обнаруживают более высокую самооэффективность использования роботов и более высокий общий интерес к технологиям и их развитию по сравнению с участниками, ранее не имевшими опыта использования роботов [6].

Представленное в данной статье исследование направлено на изучение того, насколько сильно отношение к роботам на уровне базовых социальных установок (тип отношения к новым технологиям и роботам) влияет на оценку реального взаимодействия с конкретным роботом. Объектом исследования являются реальные и потенциальные пользователи сервисных роботов, в качестве которых выступили клиенты одного из многофункциональных центров (МФЦ) г. Перми. Предмет исследования – отношение к роботам на уровне базовых социальных установок и в оценках реального взаимодействия с сервисным роботом. Основные гипотезы исследования:

Гипотеза 1. Среди реальных и потенциальных пользователей можно выделить носителей разных типов отношения к роботам и новым технологиям на уровне базовых социальных установок.

Гипотеза 2. На удовлетворённость пользователей взаимодействием с конкретным сервисным роботом в реальной ситуации будет оказывать влияние тип отношения к новым технологиям и роботам на уровне базовых социальных установок.

Для проверки гипотез требуется применение методик измерения отношения к роботам («социальной приемлемости») и удовлетворённости взаимодействием с роботом («практической приемлемости»).

В сфере человеко-машинного взаимодействия (Human-Robot Interaction, HRI) существуют методические наработки, включающие определение показателей отношения к роботам, построение шкал, измеряющих негативное отношение к роботам, и различные их модификации [7; 8]. Особый интерес представляет многомерная шкала измерения отношения

людей к роботам, которая придаёт равный вес положительному и отрицательному отношению: по осям «комфорт и удовольствие» / «дискомфорт и беспокойство»; «рациональные надежды» / «рациональные опасения» по поводу роботов в целом [9].

При этом ряд исследователей отмечают, что спрашивать людей об их отношении к «роботам вообще» нецелесообразно, поскольку отношение к роботам зависит от их характеристик, функционального назначения и сферы применения [10]. В частности, было выявлено, что потенциальные пользователи в большей степени поддерживают роботизацию в тех сферах, которые более формализованы (вождение, предотвращение бедствий и военная деятельность), нежели в сферах, связанных с межличностными отношениями и выражением эмоций (уход за ребёнком, персональная помощь в принятии важных решений, творческая деятельность) [11, с. 139–145]. В данном исследовании отношение к роботам конкретизируется на примере сервисного антропоморфного робота Promobot V.4¹, оказывающего информационные услуги в МФЦ (учреждении по предоставлению государственных и муниципальных услуг).

Модель принятия технологий Дэвиса (Technology Acceptance Model, ТАМ), которая позволяет оценивать готовность пользователей принимать и применять новую технологию в зависимости от её восприятия по ряду параметров (прежде всего, её полезности и простоты использования), уже была приложена к российскому материалу [12]. Однако полученные оценки относятся к обобщённой категории «новых технических устройств» и не отражают реальную ситуацию их использования.

Таким образом, несмотря на накопленный опыт проведения социальных исследований в сфере человеко-машинного взаимодействия, требуется дальнейшее развитие методик, позволяющих измерить отношение реальных и потенциальных пользователей к роботам. Один из вариантов такой методики представлен в данной статье.

Материалы и методы

Исследование проводилось в декабре 2019 г. в одном из МФЦ в Перми, Россия. Участниками были реальные клиенты центра, которые получали необходимую услугу, обращаясь либо к роботу Promobot V.4, либо к человеку (сотруднику МФЦ).

Информация об исследовании была размещена на входе в МФЦ и в помещении. Каждый клиент, участвовавший в нём, был опрошен после получения услуги.

Выборка составила 200 участников, по 100 человек на каждую систему взаимодействия (получение услуги у робота или у человека). Тип выборки: целевая. Для исследования были отобраны клиенты МФЦ, обратившиеся за услугой, оказать которую мог как сотрудник МФЦ, так и робот

¹ Описание робота дано на сайте производителя: <https://promo-bot.ru/production/promobot-v4/>.

Promobot V.4; чаще всего это были услуги, связанные с регистрацией, получением или заменой паспорта, получением разного рода справок от государственных органов.

Измеряемые в исследовании параметры (показатели) обобщённо представлены в таблице 1.

Отношение к роботам на уровне базовых социальных установок измерялось по трём показателям (параметрам): социальная дистанция между человеком и роботами типа Promobot V.4, уровень адаптации к инновациям и готовность к ним.

Субъективная оценка социальной дистанции по отношению к роботам измерялась с помощью модифицированной шкалы Э. С. Богардуса [13]. В основе данной шкалы лежит теоретическое положение о том, что с усилением предвзятого отношения личности к определённой группе, скорее всего основанного на стереотипах, снижается желание и готовность взаимодействовать с членами этой группы. Для решения задач исследования была построена шкала, основанная на кумулятивном принципе и позволяющая определить значение дистанции по отношению к роботу типа Promobot V.4. Минимальная социальная дистанция выражается в готовности принять робота как друга или близкого компаньона (1 балл), а максимальная – в предпочтении не взаимодействовать с роботами вообще (6 баллов).

Таблица 1

Показатели и их эмпирическая интерпретация

Группы показателей	Способ измерения
Показатели базовой социальной установки по отношению к роботам и инновациям (для построения кластеров)	Социальная дистанция между человеком и роботом типа Promobot V.4, 6-балльная шкала
	Адаптация к инновациям (освоенные практики из списка новых технологий), 11-балльная шкала
	Готовность к инновациям, 10-балльная шкала
Показатели удовлетворённости взаимодействием с роботом в конкретной ситуации (зависимые переменные, во взаимосвязи с кластерами)	Интегральная оценка удовлетворённости взаимодействием на основе оценок четырёх параметров: 1) эмоциональность, 2) качество общения и речи, 3) удобство и лёгкость получения услуг, 4) уровень психологического комфорта; 10-балльная шкала
	Вовлечённость в процесс взаимодействия (личная активность), 10-балльная шкала
	Готовность в дальнейшем обратиться к роботу при получении услуг в МФЦ, 6-балльная шкала
	Готовность рекомендовать друзьям, знакомым получение услуг в МФЦ у робота, 6-балльная шкала
Дополнительные показатели (для характеристики кластеров)	Социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования, занятость, условия первичной социализации
	Мотивы обращения к человеку или роботу при получении услуг в МФЦ

Адаптация к инновациям измерялась с помощью модифицированной методики Э. Роджерса [14]. Модификация этой методики заключалась в том, что за основу бралась не субъективная оценка респондентами того, с какой скоростью они принимают те или иные инновации, а количество уже освоенных практик. Для оценки предлагался следующий список инновационных практик: 1) оплата товаров, услуг банковской картой; 2) оплата товаров, услуг посредством телефона/часов; 3) использование смартфона; 4) применение компьютера, офисной техники; 5) пользование интернетом / мобильным интернетом; 6) получение автоматизированных услуг (чат-боты, телефонные голосовые роботы, распознавание лиц, документооборот, управление отношениями с клиентами и т. д.); 7) использование «умных вещей» (робот-пылесос, робот – мойщик окон, смарт-зеркало, роботы-игрушки и т. п.); 8) применение системы «умный дом», «умная машина» с функцией вождения и т. д.; 9) взаимодействие с нечеловекоподобными роботами (детский робот-качалка, робот-газонокосилка, робот-снегоуборщик и др.); 10) использование робота Promobot V.4; 11) использование других антропоморфных роботов. Число освоенных практик служит показателем адаптации опрошенных к инновациям в изучаемой сфере.

Готовность к инновациям измерялась по самооценке респондентов при ответе на вопрос «Куда бы вы поместили себя на этой шкале?», где необходимо было выбрать подходящий вариант от 1 («Люди, которые остерегаются новых технологий, относятся к ним настороженно»), до 10 («Люди, которые любят новшества, радуются новым технологиям»).

Для анализа удовлетворённости взаимодействием с различными системами клиентам предлагалось оценить четыре параметра: эмоциональность, качество общения и речи, удобство и лёгкость получения услуг, психологический комфорт. На основе этих параметров была рассчитана интегральная оценка удовлетворённости взаимодействием по 10-балльной шкале от 1 (полная неудовлетворённость) до 10 (полная удовлетворённость).

Также участники исследования давали оценку собственной вовлечённости, активности в процессе получения услуги у человека или робота по 10-балльной шкале от 1 («Вы выступаете в роли пассивного свидетеля») до 10 («Вы включены в процесс, активно участвуете»). Предполагается, что оценка личной активности отражает степень интереса и позитивной ориентации на взаимодействие со стороны клиентов МФЦ.

Косвенными показателями удовлетворённости взаимодействием с роботом в процессе получения услуги в МФЦ служат также желание повторить этот опыт и готовность рекомендовать данный способ получения услуги своим знакомым. Эти показатели измерялись с помощью вопросов «В следующий раз при получении услуги в МФЦ вы бы обратились к роботу?» и «Стали бы вы рекомендовать вашим друзьям, знакомым, родственникам получение услуг в МФЦ посредством робота?». Ответы распределялись по шкале от 1 («Обязательно обращусь к роботу в следующий раз / порекомендую этот способ получения услуги своим зна-

комым») до 6 («Ни в коем случае не обращусь к роботу в следующий раз / не порекомендую этот способ получения услуги своим знакомым»).

Для проверки гипотез исследования применялись методы статистического анализа данных: кластерный анализ средних (K-means).

Результаты и обсуждение

В ходе исследования был проведён кластерный анализ показателей отношения к роботам: социальная дистанция, адаптация к инновациям и готовность к ним. В результате кластерного анализа было получено три кластера: функционально-позитивный (принятие роботов на функциональном уровне, высокий уровень адаптации и готовности к инновациям), мультитолерантный (принятие роботов в широком спектре, средний уровень адаптации к инновациям), консервативный (неприятие роботов, низкий уровень адаптации к инновациям) типы отношений.

Для респондентов с функционально-позитивным отношением к роботам в большей степени свойственно принятие их в качестве средства функционального обслуживания по стандартным процедурам, а для респондентов с мультитолерантным отношением – принятие в широком спектре обслуживания человека (в публичных местах и жилых пространствах знакомых людей). Респонденты консервативного типа отчуждены от роботов, не принимают их в своей жизни.

Респонденты с функционально-позитивным отношением лучше остальных адаптированы к инновациям (количество освоенных практик – 5,85) и демонстрируют более высокий уровень готовности к ним (8,4 балла). Представители консервативного типа наименее адаптированы к инновациям (количество освоенных практик – 1,6) и менее готовы к ним (6 баллов). Индивиды с мультитолерантным отношением к роботам занимают промежуточные позиции по уровням адаптации и готовности к инновациям между респондентами с функционально-позитивным отношением и консервативным типом. Данные представлены в таблице 2.

Респонденты с функционально-позитивным отношением к роботам были обозначены как робофилы, респонденты с мультитолерантным отношением как робоскептики, а респонденты с консервативным отношением – как робофобы.

Таблица 2

Кластеры по типу отношения к роботам и инновациям (средние значения)

Типы отношения к роботам	Социальная дистанция между человеком и роботом (баллы)	Адаптация к инновациям (количество названных практик)	Готовность к инновациям (баллы)
Робоскептики (n = 48)	3,31	3,69	7,77
Робофобы (n = 58)	5,24	1,60	6,31
Робофилы (n = 87)	3,82	5,85	8,40

В целом среди клиентов МФЦ, участвовавших в исследовании, в большей степени представлены робофилы (43% опрошенных, 87 чел.), несколько меньше – робофобы (29%, 58 чел.) и робоскептики (24%, 48 чел.). Социально-демографический состав этих групп пользователей несколько различается (см. табл. 3).

Таблица 3

Состав кластеров по типу отношения к роботам и инновациям по социально-демографическим характеристикам, %

Характеристики	Робоскептики	Робофобы	Робофилы
Гендер			
Мужчины	44	22	35
Женщины	56	78	65
Возраст			
14–30 лет	25	5	41
31–54 года	46	41	54
55 лет и старше	29	54	5
Образование			
Школьное образование	13	14	12
Среднее профессиональное	33	35	21
Высшее, незаконченное высшее образование	54	51	67
Занятость			
Работающие	50	38	72
Пенсионеры, инвалиды	27	52	5
Неработающие	23	10	23
Условия первичной социализации			
В деревне, селе	8	19	12
В посёлке, райцентре, небольшом городке	27	21	23
В городе средних размеров	23	20	12
В крупном городе, областном центре, столице	42	40	53

Среди робофобов наиболее выражено преобладание женщин (78%) и лиц в возрасте 55 лет и старше (54%), пенсионеров (52%). Среди робофилов, по сравнению с другими кластерами, велика доля молодёжи до 30 лет (41%), лиц с высшим или незаконченным высшим образованием (67%), доля работающих (72%) и тех, чья первичная социализация проходила в крупном городе (53%). Социально-демографический состав робоскептиков соответствует среднему значению по выборке. Наиболее существенные отличия в составе кластеров наблюдаются по возрасту: среди робо-

скептиков в равной степени представлены и молодёжь до 30 лет (25%), и лица в возрасте от 55 лет и старше (29%), среди робофилов практически нет лиц старшей возрастной группы (5%), а среди робофобов практически нет молодёжи (5%).

При получении услуг клиенты МФЦ могли выбрать, к кому обратиться – к человеку или роботу. Мы предположили, что негативно настроенные по отношению к роботам робофобы не будут обращаться к роботу, что отчасти подтвердилось. Робофилы чаще других обратились при получении услуг к роботу (67%), напротив, робоскептики и робофобы обращались к человеку (55% и 60% соответственно). При этом на выбор влияло также множество внешних причин: наличие или отсутствие очереди, подсказки администратора и др., поэтому в ходе интервью участникам исследования задавался вопрос о мотивах обращения к человеку или роботу. Полученные ответы представлены в таблицах 4, 5.

Таблица 4

*Мотивы обращения к человеку при получении услуг в МФЦ представителей различных кластеров по типу отношения к роботам и инновациям, %**

Мотивы	Робоскептики	Робофобы	Робофилы
Так быстрее и проще	30	32	29
Больше нравится живое общение	25	42	29
Надёжнее, отвечает за свою работу	10	13	9
Не знаю, как работать с роботом	0	8	9
Так привычнее	35	21	21
Не уверен, что робот справится с моей задачей	5	8	0
Меня направили администраторы	55	29	35
Так получилось / Сюда не было очереди	0	5	6

* Вопрос предусматривал выбор нескольких мотивов (совместный вопрос), в таблице представлены доли выборов в каждом кластере

Таблица 5

*Мотивы обращения к роботу при получении услуг в МФЦ представителей различных кластеров по типу отношения к роботам и инновациям, %**

Мотивы	Робоскептики	Робофобы	Робофилы
Так быстрее и проще	42	17	57
Надёжнее, не совершает ошибок	4	0	0
Было интересно попробовать	19	11	18
Так привычнее	4	0	4
Не нужно подстраиваться под робота, его настроение	4	0	0
Меня направили администраторы	23	72	35
Так получилось / Сюда не было очереди	27	28	12

* Вопрос предусматривал выбор нескольких мотивов (совместный вопрос), в таблице представлены доли выборов в каждом кластере

Можно выделить две группы мотивов при выборе человека или робота: добровольные и вынужденные. Робофобы при получении услуг обратились к роботу вынужденно («Направили администраторы» – 72%, «Так получилось» – 28%) и предпочитают взаимодействие с человеком, поскольку им «нравится живое общение» (42%). Напротив, робофилы чаще обращались к человеку вынужденно («Направили администраторы» – 35%), а робота выбирали по причине положительных ожиданий от взаимодействия с ним («так быстрее и проще» – 57%), среди робоскептиков встречаются те, кто обратился к роботу в силу его положительных свойств («Быстрее и проще» – 42%, «Интересно» – 19%), так и те, кто взаимодействовал с роботом вынужденно («Направили администраторы» – 23%, «Так получилось» – 27%). Аналогичная двойственность среди робоскептиков проявляется и в отношении выбора человека.

Далее было изучено, как принадлежность к робоскептикам, робофобам и робофилам и та или иная система взаимодействия (получение услуги у робота или человека) влияют на удовлетворённость результатом. Для этого был проведён многомерный дисперсионный анализ. По данным таблицы 6 мы можем отметить отсутствие значимых различий в оценках получения услуги у человека, что представляется вполне логичным, т. к. типы строились по отношению к роботам и инновациям, а не по отношению к человеку. При этом респонденты, получившие услугу посредством взаимодействия с человеком, были более удовлетворены этим взаимодействием, нежели те, кто получил услугу у робота, независимо от типа отношения к роботам и инновациям.

Таблица 6

Удовлетворённость взаимодействием с роботом и человеком и личная активность при получении услуг в МФЦ представителей различных кластеров по типу отношения к роботам и инновациям (средние баллы по шкале от 1 – полная неудовлетворённость до 10 – полная удовлетворённость)

Кластеры по типу отношения к роботам и инновациям	Удовлетворённость взаимодействием	Личная активность, вовлечённость
Взаимодействие с человеком		
Робоскептики	9,54	7,85
Робофобы	9,92	6,89
Робофилы	9,71	6,44
По массиву в целом	9,68	7,30
Взаимодействие с роботом		
Робоскептики	8,20	6,56
Робофобы	7,14	4,37
Робофилы	8,86	7,28
По массиву в целом	8,24	6,39

В оценках взаимодействия с роботом между выделенными кластерами наблюдаются различия. Робофилы в большей степени удовлетворены взаимодействием с роботом (8,9), робофобы – меньше остальных (7,1 балла). А робоскептики со средним значением удовлетворённости 8,2 балла занимают промежуточное положение между робофилами и робофобами. Активность своего участия при коммуникации с роботом выше остальных оценивают робофилы (7,3 балла), несколько ниже – робоскептики (6,6 балла), а ниже всех – робофобы (4,4 балла). Примечательно, что робофилы, в отличие от представителей других кластеров, проявляют более высокую личную активность, вовлечённость в процесс при взаимодействии с роботом (7,3 балла), нежели с человеком (6,4).

Стоит отметить, что, выбирая способ получения услуги, робофобы реже предпочитали обращение к роботу и стремились взаимодействовать с человеком. Данное обстоятельство может быть связано с отношением к роботам на уровне базовых социальных установок.

Анализ распределения ответов клиентов, получивших услугу у робота, относительно обращений в будущем и рекомендации друзьям и знакомым показал достаточный уровень удовлетворённости услугой. Средние оценки по шестизначной оценочной шкале составляют 2,64 и 2,77 соответственно.

Выводы

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Среди клиентов МФЦ г. Перми можно выделить три типа отношения к роботам и инновациям, при этом тип (кластер) «робофобы» составляет 29% от числа опрошенных и определяется достаточно чётко: это люди, мало освоившие новые технологии в своей повседневной жизни, с настороженным отношением к инновациям в целом и с большой социальной дистанцией к антропоморфным роботам типа Promobot V.4. Другие два кластера («робоскептики» и «робофилы») в большей мере отличаются между собой степенью освоения новых технологий и адаптацией к инновациям, нежели социальной дистанцией по отношению к антропоморфным роботам типа Promobot V.4. Можно предположить, что базовые социальные установки по отношению к антропоморфным роботам, степень и форма их принятия у большей части жителей г. Перми находятся ещё на стадии формирования.

2. Выделенные кластеры отношения к роботам различаются социально-демографическим составом. Среди робофилов практически нет лиц старшей возрастной группы, а среди робофобов, напротив, наиболее представлены лица в возрасте от 55 лет и старше, пенсионеры. Вполне закономерно, что более высокий уровень адаптации к новым технологиям и их принятия наблюдается у молодого поколения.

3. Робофобы при получении услуг в МФЦ постараются избежать взаимодействия с роботом, предпочитая получать услугу у сотрудника, т. к. им «нравится живое общение» (основной мотив обращения к человеку). Робофилы более ориентированы на получение услуг у робота, т. к. для них это «быстрее и проще» (основной мотив обращения к роботу). Таким образом проявляется влияние базовых установок по отношению к роботам и инновациям на поведение в конкретной ситуации получения услуг в МФЦ.

4. Удовлетворённость взаимодействием с сервисным роботом в конкретной ситуации получения услуг в МФЦ связана с типом отношения к роботам и инновациям: более высокий уровень удовлетворённости взаимодействием с роботом, готовность рекомендовать своим знакомым данный способ получения услуги и более высокий уровень личной активности при взаимодействии с ним в конкретной ситуации проявляют робофилы, наиболее низкие показатели удовлетворённости и пассивное взаимодействие с роботом наблюдаются у робофобов. Робоскептики занимают промежуточное положение, при этом их уровень удовлетворённости ближе к показателям робофилов, чем робофобов.

Ограничения исследования и полученных выводов определяются прежде всего конкретной ситуацией взаимодействия пользователей с сервисным роботом типа Promobot V.4 в условиях получения государственных (муниципальных) услуг. Вероятно, взаимодействие с другим типом роботов или в других условиях будет оцениваться пользователями иначе, но в любом случае будет зависеть от ожиданий, заранее сформированных у пользователей. Ограниченность выборки не позволяет переносить полученные данные о распространённости выделенных кластеров на всех жителей г. Перми, тем не менее даже этот материал позволяет увидеть различия в социальном составе кластеров. Также при рассмотрении выделенных типов отношения к роботам и инновациям необходимо учитывать региональный аспект, влияние социокультурной модернизации регионов на информационную модернизацию [15]. В данном контексте важны дополнительные региональные исследования, которые позволят выделить специфику отношения к роботам в разных населённых пунктах и регионах, различающихся структурой экономики, развитием IT-сферы и культурно-историческим контекстом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. EDN **SWYNQU**.
2. How do we think machines think? An fMRI study of alleged competition with an artificial intelligence / T. Chaminade, D. Rosset, D. F. Fonseca [et al.] // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2012. № 6. DOI **10.3389/fnhum.2012.00103**.
3. Postural optimization for an ergonomic human-robot interaction / B. Busch, G. Maeda, Y. Mollard [et al.] // *IEEE/RSJ International Conference on Intelligent*

- Robots and Systems (IROS), Vancouver, BC, Canada, 2017. P. 2778–2785. URL: <https://hal.science/hal-01629426/document> (дата обращения: 02.04.2023).
4. Questionnaires to Measure Acceptability of Social Robots: A Critical Review / C. U. Krägeloh, J. Bharatharaj, S. K. Sasthan Kutty [et al.] // *Robotics*. 2019. Vol. 8, № 4. DOI [10.3390/robotics8040088](https://doi.org/10.3390/robotics8040088).
 5. *Nam T.* Citizen attitudes about job replacement by robotic automation // *Futures*. 2019. Vol. 109. P. 39–49. DOI [10.1016/j.futures.2019.04.005](https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.04.005).
 6. Perceived Robot Attitudes of Other People and Perceived Robot Use Self-efficacy as Determinants of Attitudes Toward Robots / R. Latikka, N. Savela, A. Koivula [et al.] // *Human-Computer Interaction. Interaction Techniques and Novel Applications. HCI 2021. Lecture Notes in Computer Science* / M. Kurosu (eds). Cham : Springer Cham, 2021. Vol. 12763. P. 262–274. ISBN 978-3-030-78464-5. DOI [10.1007/978-3-030-78465-2_20](https://doi.org/10.1007/978-3-030-78465-2_20).
 7. *Nomura T.* Influences of experiences of robots into Negative Attitudes toward Robots. *Proceedings // The 23rd IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication (25–29 August 2014)*. Edinburgh. UK, 2014. P. 460–464. DOI [10.1109/ROMAN.2014.6926295](https://doi.org/10.1109/ROMAN.2014.6926295).
 8. *Бурова О. А., Селеткова Г. И.* Социологические шкалы измерения в сфере человеко-машинного взаимодействия (HRI) // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. 2020. Т. 1. С. 27–33. EDN [EGXEW](https://edn.sciopen.com/EGXEW).
 9. General Attitudes Towards Robots Scale (GAToRS): A New Instrument for Social Surveys / M. Koverola, A. Kunnari, J. Sundvall [et al.] // *International Journal of Social Robotics*. 2022. № 14. P. 1559–1581. DOI [10.1007/s12369-022-00880-3](https://doi.org/10.1007/s12369-022-00880-3).
 10. *Thellman S., Ziemke T.* Social Attitudes Toward Robots are Easily Manipulated // *HRI '17: Proceedings of the Companion of the 2017 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (6–9 March 2017)*. New York : Association for Computing Machinery, 2017. P. 299–300. DOI [10.1145/3029798.3038336](https://doi.org/10.1145/3029798.3038336).
 11. *Середкина Е. В., Бурова О. А., Безукладников И. И.* Готово ли общество взаимодействовать с искусственным интеллектом и роботами? (Анализ результатов анкетирования в России и Японии) // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 10. С. 109–114. EDN [YOGKV](https://edn.sciopen.com/YOGKV).
 12. *Пушняк А., Халина Н.* Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям // *Форсайт*. 2021. Т. 15, № 1. С. 39–54. DOI [10.17323/2500-2597.2021.1.39.54](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.1.39.54). EDN [MTATSJ](https://edn.sciopen.com/MTATSJ).
 13. *Bogardus E. S.* *Social distance*. Los Angeles : University of Southern California Press, 1959.
 14. *Rogers E. M.* *Diffusion of innovations*. New York : Simon and Schuster, 2010. 518 p. ISBN 978-1451602470.
 15. *Богданов В. С.* Результаты мониторинга процесса информатизации в ходе социально-цифровой трансформации регионального управления // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 88–106. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8435](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8435). EDN [NOZQDA](https://edn.sciopen.com/NOZQDA).

Сведения об авторах

Г. И. Селеткова

старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: **732148**

О. А. Бурова

старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: **573707**

О. А. Ганина

старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: **550798**

Е. В. Середкина

кандидат философских наук,
доцент
AuthorID РИНЦ: **660867**

Вклад авторов в подготовку публикации:

Г. И. Селеткова – 35% (методологическая подготовка исследования, анализ данных, участие в написании всех разделов статьи, оформление публикации в соответствии с требованиями журнала), О. А. Бурова – 30% (методологическая подготовка исследования, обработка данных, участие в написании всех разделов статьи), О. А. Ганина – 20% (организация сбора данных в ходе исследования, участие в написании раздела статьи «Материалы и методы»), Е. В. Середкина – 15% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, участие в написании раздела статьи «Введение»).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 01.08.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.8

TYPES OF CITY DWELLERS' ATTITUDES TOWARDS SERVICE ROBOTS IN THE CITY OF PERM

Gyuzel Il'yasovna Seletkova¹

Olga Arkad'evna Burova²

Olga Aleksandrovna Ganina³

Elena Vladimirovna Seredkina⁴

^{1, 2, 3, 4} Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia,

¹ guzal.ka@mail.ru,

ORCID 0000-0003-3402-3473

² olgabu@mail.ru,

ORCID 000-0002-6182-4375

³ ganinaoa@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3890-6177

⁴ selena36@mail.ru,

ORCID 0000-0003-2506-2374

For citation: Seletkova G. I., Burova O. A., Ganina O. A., Seredkina E. V. Types of city dwellers' attitudes towards service robots in the city of Perm. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):159–175. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.8.

Abstract. The effectiveness of robot implementation in various societal sectors depends not only on the robot's technical characteristics but also on how different social groups perceive and interact with them. Social attitudes towards robots, in turn, are influenced by sociocultural and sociodemographic factors. In the context of the sociology of technology and actor-network theory, this research explores the social significance of technical devices, the processes of social adaptation, and communication with robots. However, empirical research on human-robot interaction (HRI), especially in the Russian context, remains limited. This article presents the results of a study that examines the perceptions of robots by actual and potential users in two aspects: the level of basic social attitudes towards new technologies and robots (social acceptability) and the evaluation of interactions with robots in specific situations (practical acceptability). The empirical basis of the study consists of survey data from customers at a multifunctional center providing state and municipal services in Perm. They received services from either a service anthropomorphic robot, Promobot V.4, or a human employee at the center. Using cluster analysis, three types (clusters) of attitudes towards innovations and robots were identified at the level of basic social attitudes: robo-skeptics, robo-phobes, and robo-philes. The social characteristics of these identified types were examined. The study introduces an original method for measuring satisfaction with actual interactions with service robots based on various parameters (evaluation of service convenience, communication quality, personal activity, willingness to recommend robot services, etc.). The study confirms the hypothesis of the connection between the type of attitude towards innovations and robots and the satisfaction with actual interactions with robots in specific situations. The lowest levels of satisfaction with robot interactions and

the desire to avoid such interactions were observed among robo-phobes, who are more frequently represented by individuals of senior age group (age 55 and above). The research results allow determining the prospects for implementing service robots in the public space of a major Russian city based on understanding the social attitudes of users.

Keywords: sociology of technology, actor-network theory, human-robot interaction, attitudes towards new technologies, social attitudes towards robots, service robots

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of RFBR grant, project No. 20-411-590002 r_a Perm Region. The authors would like to express their gratitude to Yulia Sergeyevna Neverova and Yuriy Mikhaylovich Vasserman from the Department of Sociology and Political Science at PNIPU, as well as LLC "Promobot" (Perm, Russia) for their assistance in conducting the research.

REFERENCES

1. Yadov V. A. Self-regulation and forecasting of a person's social behavior: A dispositional concept [Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozicionnaya koncepciya]. Moscow: CSPiM; 2013. 376 p. (In Russ.).
2. Chaminade T., Rosset D., Fonseca D. F., Nazarian B, et al. How do we think machines think? An fMRI study of alleged competition with an artificial intelligence. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2012;(6). DOI [10.3389/fnhum.2012.00103](https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00103).
3. Busch B., Maeda G., Mollard Y., Demangeat M., Lopes M. Postural optimization for an ergonomic human-robot interaction. In: IEEE/RSJ International Conference on Intelligent Robots and Systems (IROS). Vancouver: BC, Canada; 2017. P. 2778–2785. Available at: <https://hal.science/hal-01629426/document> (accessed: 02.04.2023).
4. Krägeloh C. U., Bharatharaj J, Sasthan Kutty S. K., Nirmala P. R, Huang L. Questionnaires to measure acceptability of social robots: a critical review. *Robotics*. 2019;8(4):88. DOI [10.3390/robotics8040088](https://doi.org/10.3390/robotics8040088).
5. Nam T. Citizen attitudes about job replacement by robotic automation. *Futures*. 2019; (109):39–49. DOI [10.1016/j.futures.2019.04.005](https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.04.005).
6. Latikka R., Savela N., Koivula A., Oksanen A. Perceived robot attitudes of other people and perceived robot use self-efficacy as determinants of attitudes toward robots. Human-computer interaction. In: Interaction techniques and novel applications. HCII 2021. Lecture notes in computer science. Cham : Springer Cham; 2021. Vol. 12763. P. 262–274. ISBN 978-3-030-78464-5. DOI [10.1007/978-3-030-78465-2_20](https://doi.org/10.1007/978-3-030-78465-2_20).
7. Nomura T. Influences of experiences of robots into negative attitudes toward robots. Proceedings. In: The 23rd IEEE International symposium on robot and human interactive communication (25–29 August 2014). Edinburgh,UK; 2014. P. 460–464. DOI [10.1109/ROMAN.2014.6926295](https://doi.org/10.1109/ROMAN.2014.6926295).
8. Burova O. A. , Seletkova G. I. Sociological scales for measuring human-robot interaction (HRI). *Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research=Sovremennoe obschestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanij*. 2020;1:27–33. (In Russ.).
9. Koverola M., Kunnari A., Sundvall J., Laakasuo M. General attitudes towards robots scale (GAToRS): A new instrument for social surveys. *International Journal of Social Robotics*. 2022;14(7):1559–1581. DOI [10.1007/s12369-022-00880-3](https://doi.org/10.1007/s12369-022-00880-3).
10. Thellman S., Ziemke T. Social attitudes toward robots are easily manipulated. In: HRI '17: Proceedings of the companion of the 2017 ACM/IEEE International conference on human-robot interaction (6–9 March 2017). New York: Association for Computing Machinery; 2017. P. 299–300. DOI [10.1145/3029798.3038336](https://doi.org/10.1145/3029798.3038336).

11. Seredkina E., Burova O., Bezukladnikov I. Is the society ready to communicate with Artificial Intelligence and robots? (Analysis of results of a questionnaire survey in Russia and Japan). *Social and humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2018;(10):139–145. (In Russ.).
12. Pishnyak A., Khalina N. Perception of new technologies: Constructing an innovation openness index. *Foresight=Forsajt*. 2021;15(1):39–54. (In Russ.). DOI [10.17323/2500-2597.2021.1.39.54](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.1.39.54).
13. Bogardus E. S. Social distance. Los Angeles: University of Southern California Press; 1959.
14. Rogers E. M. Diffusion of innovations. New York: Simon and Schuster; 2010. 518 p. ISBN 978-1451602470.
15. Bogdanov V. S. Results of monitoring the process of informatization during the socio-digital transformation of the regional administration. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(3):88–106. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8435](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8435).

Information about the Authors

G. I. Seletkova

Senior Lecturer

ResearcherID: [IXN-7371-2023](https://orcid.org/0009-0001-7371-2023)

Scopus AuthorID: [57226360359](https://orcid.org/0009-0001-57226360359)

O. A. Burova

Senior Lecturer

ResearcherID: [IXN-8079-2023](https://orcid.org/0009-0001-8079-2023)

Scopus AuthorID: [57443322800](https://orcid.org/0009-0001-57443322800)

O. A. Ganina

Senior Lecturer

ResearcherID: [IXW-4856-2023](https://orcid.org/0009-0001-4856-2023)

Scopus AuthorID: [57226368359](https://orcid.org/0009-0001-57226368359)

E. V. Seredkina

Candidate of Philosophy,

Associate Professor

ResearcherID: [AGD-7292-2022](https://orcid.org/0009-0001-AGD-7292-2022)

Scopus AuthorID: [57226361715](https://orcid.org/0009-0001-57226361715)

Contribution of the authors:

G. I. Seletkova – 35% (methodological preparation of the study, data analysis, participation in writing all sections of the article, publication design in accordance with the requirements of the journal), O. A. Burova – 30% (methodological preparation of the study, data processing, participation in writing all sections of the article), O. A. Ganina – 20% (organisation of data collection during the study, participation in writing the section of the article “Materials and Methods”), E. V. Seredkina – 15% (preparation of the general theoretical and methodological basis of the study, participation in writing the section of the article “Introduction”).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 01.08.2023.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГОТОВНОСТИ К РИСКУ КАК РЕСУРСА ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Анна Евгеньевна Зорина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
annacur@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-6619-4835

Для цитирования: Зорина А. Е. Детерминанты готовности к риску как ресурса женского предпринимательства // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 176–186. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.9. EDN NLPJWW.

Аннотация. Рост масштабов женского предпринимательства актуализирует и интерес к исследованию как специфики самого феномена, так и ресурсного потенциала основного субъекта – женщин-предпринимателей. Предпринимательство строится на риске, готовность к которому во многом определяет успешность и стабильность бизнеса. Цель анализа в статье – определить, как достаточность/недостаточность такого ресурса женского предпринимательства, как готовность к риску, связана с рядом индивидуальных субъективно оцениваемых диспозиций в той или иной системе координат. Задача состояла в оценке продуктивности введения понятия диспозиции (статуса) в рискологических исследованиях и определении наличия или отсутствия дифференциации по ним между обладателями и нуждающимися в готовности к риску как ресурсу женского предпринимательства. Эмпирической базой анализа являются данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Применяется методика анализа целевых групп. Результаты разведывательного исследования выявили дифференциацию между целевыми группами по ряду показателей эмоционального статуса, в характере социально-психологических установок, в материальном положении, ценностном профиле, наличии субъектности при принятии решений в ситуациях риска и неопределённости. Такой результат позволяет с достаточной долей достоверности рассматривать их как взаимосвязанные с готовностью к риску. Продуктивным оказался методический приём обращения к представлению о диспозициях как наличных статусах индивидов в определенных системах координат. Перспективной задачей в этой связи представляется более глубокая методологическая и методическая проработка понятия в связи с рискологической проблематикой.

Ключевые слова: женское предпринимательство, готовность к риску, ресурсность, диспозиции (статусы), институциональная среда

Введение

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство» в качестве цели декларирует поддержку бизнеса не только на этапе создания

бизнес-идеи, но и в процессе всей деятельности. В условиях санкций, введённых как против нашей страны в целом, так и против отдельных отраслей, производств и предпринимателей, большим подспорьем в работе предпринимателей являются меры поддержки, оказываемые государством. На сайте Минэкономразвития представлены первоочередные действия в условиях санкционного давления по следующим направлениям: финансы, налоги, IT-технологии, административная нагрузка, поддержка импортозамещения [1]. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей, больше всего предпринимателей в секторе малого и среднего бизнеса осведомлены о финансовой и административной поддержке¹ [2].

По данным Фонда «Общественное Мнение»² для российских предпринимателей санкционное бремя стало настоящим испытанием и привело к ряду принципиальных трансформаций для процесса ведения бизнеса.

73% участников исследования сообщили о негативном влиянии санкций на их бизнес (снижение доходов, негативная оценка состояния бизнес-среды, беспокойство о будущем), не отметили такого влияния лишь 25%. Предприниматели в своей деятельности придерживались трёх стратегий: роста, сохранения и выживания. Пострадавшие от санкций в 2022 году предприниматели чаще, чем не пострадавшие, выбирали стратегию выживания (39% против 25%), реже – стратегию роста (8% против 16%). В 2023 году различия между группами фиксируются, но не так явно: 31% пострадавших от санкций выбирают стратегию выживания против 24% не пострадавших, стратегию роста – 11% против 18%. Если рассматривать стратегию сохранения, то заметных различий между группами в исследуемых периодах выявлено не было [3].

Больше половины (58%) респондентов заявляют, что знают о мерах господдержки, принятых за последний год. Среди них 26% считают, что они эффективны, 44% – что применение мер господдержки будет полезно для их бизнеса. Также исследование выявило, что подавляющее большинство (90%) представителей малого бизнеса пользуется цифровыми решениями, а пользу от их использования видят 59% предпринимателей [4].

Эти данные позволили исследователям сделать вывод не только о сравнительно успешной адаптации предпринимателей к непростым условиям санкционной реальности, об использовании новейших цифровых решений в ведении бизнеса, но и о необходимой поддержке государства, несмотря на гибкость и адаптивность предпринимателей.

¹ Более подробно, а именно: общую информацию, условия предоставления, регулирующие нормативные правовые акты можно найти на сайте Правительства РФ: Правительство России : официальный сайт. Москва, 2023. URL: http://government.ru/sanctions_measures/ (дата обращения: 08.08.2023).

² Исследовательско-коммуникационный ФОМ-Проект СМБиз – Социология Малого Бизнеса – является лонгитюдным исследованием. Данный проект по исследованию предпринимательства в России был инициирован ФОМом совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2021 году. Планируемая продолжительность проекта составляет 10 лет. Проект направлен на изучение долгосрочных изменений в российском малом бизнесе, а также на отслеживание жизненных траекторий компаний – циклов их развития под влиянием как экономических и социально-политических событий, так и важных событий в жизни предпринимателей – владельцев компаний. Более подробная информация имеется на сайте: СМБиз ФОМ : официальный сайт. Москва, 2023. URL: <https://smbiz.fom.ru/> (дата обращения: 08.08.2023).

Согласно результатам мониторингового опроса ВЦИОМ об отношении к предпринимательской деятельности, в окружении 60% россиян есть предприниматели. По данным Федеральной налоговой службы, в РФ зарегистрировано более 6,3 млн субъектов малого и среднего предпринимательства¹.

Несмотря на то, что доля предпринимателей среди россиян увеличилась за 15 лет в два раза (с 4% до 8%), предпринимательство не привлекает наших сограждан: 42% ответили, что никогда не хотели иметь свой бизнес, 21% – хотели раньше, теперь уже нет. Доля тех, кто передумал вступать в ряды предпринимателей, достигла максимума за весь период измерений, превысив показатель 10-летней давности в два раза. За этот промежуток также сократилось и количество тех, кто только задумывается о карьере предпринимателя [5].

На сегодняшний день портрет российского предпринимателя по данным того же исследования выглядит так: мужчина 35–59 лет, имеющий высшее или неоконченное высшее образование и предпочитающий интернет телевидению [5].

Но в то же время, по данным Министерства экономического развития, растёт популярность женского предпринимательства в России. Среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых доля женщин составляет 43%; почти 40% коммерческих компаний в России возглавляют женщины. Кроме того, всё чаще предприятия, которыми руководят женщины, выходят на уровень международной торговли [6].

Комитет по развитию женского предпринимательства «ОПОРЫ РОССИИ» проводит с 2015 года статистическое исследование – Индекс женской деловой активности (WBI). Данный индекс отражает уровень благоприятствования деловой и социальной среды для развития женского предпринимательства в России. Он строится по трём ключевым показателям (культура предпринимательства, предпринимательская экосистема, личные качества женщин-предпринимателей), каждый из которых включает в себя блок вопросов и имеет свой вес в сводном Индексе WBI. В 2023 году индекс составил 73,7 пунктов, что свидетельствует, по мнению Комитета, о благоприятной среде [7].

Также Комитетом было зафиксировано улучшение отношения общества к занятию бизнесом (отметили 54% женщин, не являющихся предпринимателями). Более того, 65% женщин считают, что предпринимательство позволит им достигнуть финансового благополучия и самореализации [7].

Женское предпринимательство успешно изучается социальными учёными, обзор соответствующих публикаций произведён автором в одной из статей [8, с. 81–82]. Также анализировались и личностные характеристики женщин-предпринимателей. Были выявлены ресурсы, которые отличают «состоявшихся» женщин-предпринимателей: наличие углу-

¹ Данные на 10.07.2023. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба : [сайт]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.07.2023).

блѐнного школьного образования; высшее профессиональное образование; наличие детей; стратегия информационного поиска, направленная на интересы предпринимательской деятельности; наличие длительного религиозного опыта; законопослушность; установки на страхование рисков; высокий уровень институционального доверия.

Установлены ресурсы, отличающие женщин, потерпевших неудачу в своей предпринимательской активности: образование преимущественно среднее специальное; негативная динамика состояния здоровья; нецелевая стратегия информационного поиска; низкие субъективные оценки социальной защищённости и безопасности; недостаток профессиональной квалификации; неудовлетворѐнность уровнем материального благосостояния.

Также имеют место и ресурсы, которые практически не влияют на успешность попыток создать своё дело: специальность по образовательной подготовке; брачное состояние; круг общения [8, с. 87].

Исследование, посвященное анализу специфики использования женщинами своего ресурсного потенциала для успешной адаптации к изменениям социальной среды, показало, что в целом женщинам не хватает такого адаптационного ресурса, как готовность к риску [9]. Целевых исследований относительно такого ресурса у женщин предпринимателей мы не нашли, что и определило предмет нашего анализа на данных общероссийского опроса.

Цель анализа в статье – определить, как достаточность/недостаточность такого ресурса женского предпринимательства, как готовность к риску, связана с наличным индивидуальным субъективно оцениваемым психологическим, социально-психологическим и материальным положением, с уровнем субъектности в принятии решений, с ценностными приоритетами при принятии рискованных решений.

Эмпирическая база, методика формирования целевых групп и анализа данных

Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного социологического опроса населения России из многолетнего исследовательского проекта мониторингового типа¹.

Из общего массива (18 237 человек – полная выборка) была выделена целевая совокупность женщин, которые идентифицировали свою занятость на момент опроса как предпринимательскую деятельность. Таких респондентов оказалось немного – 215, но учитывая, что данные всероссийского опроса, отметим, что доля соответствует аналогичной

¹ Использована база 27-й «волны» «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 19.05.2023).

в совокупности населения страны. Обозначенную совокупность для реализации цели анализа мы сгруппировали по критерию достаточности/недостаточности такого ресурса, как готовность к риску, получив, соответственно, две целевые аналитические группы респондентов – 105 чел. и 83 чел. 27 чел. ответили, что им не требуется готовность к риску, эта совокупность в анализ не включалась.

Далее анализ производился для двух целевых групп: женщин-предпринимателей, которым хватает готовности к риску (риск-ресурсные), и женщин-предпринимателей, которым не хватает готовности к риску (риск-нуждающиеся). Стратегия анализа разведывательная, задачей является выявление связи готовности/неготовности к риску с рядом индивидуальных субъективно оцениваемых диспозиций, рассматриваемых как место, положение в той или иной системе координат. Отбор этих диспозиций определялся гипотезой о связи индивидуальной самооценки готовности к риску у женщин-предпринимателей наряду с социально-демографическими характеристиками, также с эмоциональным статусом, социально-психологическими установками, материальным положением, ценностным профилем, наличием субъектности при принятии решений в ситуациях риска и неопределённости. Эмпирическая интерпретация названных выше диспозиций (статусов) приведена в таблице 1.

Таблица 1

Эмпирическая интерпретация диспозиций (статусов)

Диспозиции (статусы)	Показатели
Индивидуально-психологический	Уровень адаптивности (самооценки); эмоционально-рациональная реакция на проблемы
Социально-психологический	Доверие межличностное и социальным институтам; оценка защитной функции институциональной среды (помощь в трудной ситуации); удовлетворённость жизнью в целом
Материальный	Уровень материальной обеспеченности в динамике; потребительские возможности; уверенность в сфере занятости
Социально-субъектный	Способы решения проблем; идентификация субъекта риск-решений; стратегия действий в ситуациях риска
Ценностный	Ценностные приоритеты

Мы исходили из наличия в инструментарии опроса адекватных эмпирических референтов обозначенных статусов. Перечень показателей достаточен для разведывательной стратегии, но для монографического исследования, безусловно, должен быть расширен. Наша задача состояла в оценке продуктивности введения понятия диспозиции (статуса) в рискологических исследованиях и определении наличия или отсутствия дифференциации по ним между обладателями и нуждающимися в готовности к риску как ресурсу предпринимательства.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики. Существенных различий между представителями двух целевых групп по семейному положению и наличию детей нет: более половины состоят в первом или повторном браке, доли разведённых, вдов, никогда не состоявших в браке практически одинаковые. 86% в каждой группе имеют детей. Интересным представляется тот факт, что доля имеющих троих детей выше у риск-ресурсных женщин-предпринимателей.

Имеются различия в уровне образования. Так в группе риск-ресурсных женщин-предпринимателей доля имеющих законченное среднее образование меньше (18 против 25%), а доля имеющих законченное высшее и выше – напротив, больше (53 против 43%), чем в группе риск-нуждающихся.

Есть различия по возрастному распределению. При почти равных долях в десятилетних возрастных интервалах в группе риск-ресурсных выше доля женщин в возрасте 25–34 года (24 против 13%) и ниже – в возрасте 55–64 года (12 против 19%). Интерпретация неоднозначная: возможно, с возрастом снижается степень достаточности готовности к риску, а возможно, именно со сниженной потребностью в готовности к риску эти женщины и жили прежде.

Индивидуально-психологический статус. Для целей нашего анализа и замера личностного психологического статуса в инструментарии предлагался вопрос на самооценку первой реакции на серьёзные проблемы и способностей респондента адаптироваться к изменениям социальной среды. Предприниматели существуют в постоянно меняющейся институциональной среде, и скорость адаптации к переменам крайне важна для их деятельности. Анализ показал, что риск-ресурсные женщины-предприниматели значительно «подвижнее», легче адаптируются к переменам. Доля высоко оценивших уровень своей адаптивности в группе риск-ресурсных составляет 57%, а в группе риск-нуждающихся – 37%. Разница существенная. Индивидуально-психологический статус по параметру адаптивности напрямую связан с готовностью к риску.

Реакция на серьёзные проблемы у респондентов также различная. Тревогу и растерянность чувствуют 11% риск-ресурсных женщин-предпринимателей и 30% риск-нуждающихся; спокойны и уверены соответственно 26 и 6%.

Социально-психологический статус в инструментарии опроса можно было измерить через такие признаки, как доверие межличностное и социальным институтам, наличие надежных партнёров, готовых помочь, удовлетворённость жизнью в целом. Для ведения бизнеса доверие субъектам социальной среды является важным фактором успеха и комфортного социального самочувствия. Анализ выявил значимую дифференциацию по этому показателю между теми женщинами-предпринимателями, которым хватает готовности к риску, и теми, кому такой готовности не хватает.

По уровню межличностного доверия существенной дифференциации между представителями целевых групп не наблюдается. Суммарный индекс доверия комплексу институтов власти (законодательной, исполнительной, судебной) в группе риск-ресурсных составляет 0,27, а в группе риск-нуждающихся – 0,16; полиции – 0,38 и 0,17; российским банкам – 0,32 и 0,22; мелкому и среднему бизнесу – 0,37 и 0,21 соответственно.

Показатель уверенности в том, что те или иные социальные субъекты помогут в сложной ситуации, демонстрирует сходные результаты: уверенность в защитной функции социально-институциональной среды у риск-нуждающихся значительно ниже.

Доля удовлетворённых жизнью в целом у риск-ресурсных выше, чем у риск-нуждающихся: 68 против 44%.

Позитивность социально-психологического статуса женщин-предпринимателей по параметрам институционального доверия и удовлетворённости жизнью в целом напрямую связана с достаточностью готовности к риску.

Материальный статус устанавливался по ряду показателей. В таблицу 2 сведены только те, по которым наблюдаются существенные различия. По наличию отрицательной динамики материального положения и беспокойства о материальном обеспечении семьи различий между целевыми группами не выявлено.

Таблица 2

Показатели, дифференцирующие материальный статус представителей целевых групп, %

Материальный статус	Целевые группы женщин-предпринимателей	
	риск-ресурсные	риск-нуждающиеся
Удовлетворительное материальное положение	35	19
Есть возможность улучшить жилищные условия	29	16
Доступен отпуск за рубежом	36	25
Доступен отпуск на российском курорте	47	39
Не беспокоит потеря занятости	43	27

Социально-субъектный статус. Содержательное наполнение этого блока мы раскрываем через ряд показателей, характеризующих установку респондентов на принятие ответственности, в частности, за рискованные решения, иными словами, уровень социальной субъектности респондентов.

Интересным оказался тот факт, что способ решения проблем у представителей целевых групп практически однотипный: 8–10% предпочитают переждать; 80–77% пытаются найти решение самостоятельно; 12–13% обращаются за помощью. Примерно такая же ситуация наблюдается и по стратегии поведения в ситуации вынужденного (навязанного) институ-

ционального риска: доля предпочитающих смириться составляет порядка 10%, примерно 35% предпримут попытку активного сопротивления, остальные заявляют, что поддержат активных.

В таблице 3 представлены данные относительно позиций респондентов по мотивам принятия риска и ответственности за риск-решения.

Таблица 3

Позиции респондентов целевых групп относительно отношения к риску,
% согласных

Суждения	Целевые группы женщин-предпринимателей	
	риск-ресурсные	риск-нуждающиеся
Рискуют, чтобы улучшить ситуацию, выиграть	70	36
Риск возникает вследствие собственных решений	53	44
Люди сами должны влиять на решения, которые могут нанести вред их здоровью	74	67
В проблемных ситуациях ответственность за возможный риск для других респондент берёт на себя	76	53

Данные свидетельствуют о том, что риск-ресурсные респонденты в большей степени субъектны в отношении принятия ответственности за риск.

Ценностные приоритеты. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, какими ценностями они могли бы рискнуть ради важной цели. В целом доли способных рискнуть здоровьем, семейными ценностями, дружбой, независимостью в суждениях и поступках, дружбой и репутацией небольшие. Дифференциация проявилась в таких ценностях, как деньги и имущество: готовы рискнуть ради важной цели порядка 48% риск-ресурсных против 28% риск-нуждающихся; служебным положением – 47 и 35%; интересной работой – 48 и 29% соответственно.

Заключение

Женщина, занимающаяся предпринимательской деятельностью, становится важным участником процесса социально-экономического развития нашей страны, субъектом социальной среды и институциональных отношений. Среда имеет тенденцию к наращиванию глубины и темпов изменений, что обуславливает необходимость признать неопределённость неотъемлемой чертой современности. Неопределённость, как известно, всегда сопровождает риск. Предпринимательство строится на риске, готовность к которому во многом определяет успешность и стабильность бизнеса.

Результаты нашего разведывательного исследования показывают, что между женщинами-предпринимателями, которым хватает готовности к риску (риск-ресурсные), и теми, кому такой готовности не хватает, имеет-

ся дифференциация по тем показателям, которые мы ввели как аналитические. Такой результат позволяет с достаточной долей достоверности рассматривать их как взаимосвязанные с достаточностью готовности к риску.

Анализ показал связь готовности к риску с высоким уровнем образования, с относительно молодым возрастом (25–34 года), с высоким уровнем адаптивности, устойчивым индивидуально-психологическим статусом, относительно высоким уровнем институционального доверия и оценки защитной функции институциональной среды, удовлетворённостью жизнью в целом, высоким материальным статусом семьи, развитой субъектностью в принятии ответственности за риск, с периферийным положением ценности денег, имущества, служебного положения в структуре ценностных приоритетов.

Продуктивным оказался методический приём обращения к представлению о диспозициях как наличных статусах индивидов в определённых системах координат. Перспективной задачей в этой связи представляется более глубокая методологическая и методическая проработка понятия в связи с рискологической проблематикой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меры поддержки бизнеса в условиях санкций // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/sanctions_measures/ (дата обращения: 08.08.2023).
2. Предварительная оценка мер государственной поддержки российского бизнеса, пострадавшего из-за санкций // РСПП : [сайт]. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/predvaritelnaya-otsenka-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-postradavshego-iz-za-sank/> (дата обращения: 08.08.2023).
3. Насколько бизнесам удалось восстановиться после санкционного шока: сравнение результатов I квартала 2022 года и I квартала 2023 года // СМБиз.ФОМ : [сайт]. URL: <https://smbiz.fom.ru/post/naskolko-biznesam-udalosvosstanovitsya-posle-sankcionnogo-shoka-sravnenie-rezultatov-i-kvartala-2022-goda-i-i-kvartala-2023-goda> (дата обращения: 08.08.2023).
4. Предприниматели в условиях турбореальности // СМБиз.ФОМ : [сайт]. URL: <https://smbiz.fom.ru/post/predprinimateli-v-usloviyah-turborealnosti> (дата обращения: 08.08.2023).
5. Предпринимательство в России: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. 22.05.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 10.07.2023).
6. Татьяна Илюшникова: доля женщин среди ИП и самозанятых превышает 40% // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. 03.03.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_dolya_zhenshchin_sredi_ip_i_samozanyatyh_prevyshaet_40.html (дата обращения: 10.07.2023).
7. Индекс предпринимательской активности женщин // ОПОРА РОССИИ : [сайт]. URL: <https://womanopora.ru/projects/indeks-predprinimatelskoj-aktivnosti-zhenshchin/> (дата обращения: 10.07.2023).
8. Зорина А. Е. Личностные ресурсы как фактор успеха женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 79–91. DOI 10.21064/WinRS.2023.1.6. EDN PALAWO.

9. Мозговая А. В. Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 47–59. DOI [10.21064/WinRS.2023.2.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4). EDN [GGPRAV](https://www.edn.ru/entry/GGPRAV).

Сведения об авторе

А. Е. Зорина

кандидат социологических наук,

научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [170158](https://elibrary.ru/author_index.action?id=170158)

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.9)

DETERMINANTS OF RISK READINESS AS A RESOURCE IN WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP

Anna Evgen'evna Zorina

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

annacur@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-6619-4835](https://orcid.org/0000-0002-6619-4835)

For citation: Zorina A. E. Determinants of risk readiness as a resource in women's entrepreneurship. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):176–186. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.9).

Abstract: The growth of the scale of women's entrepreneurship highlights the interest in studying both the specifics of the phenomenon itself and the resource potential of its main subject – women entrepreneurs. Entrepreneurship is built on risk, and the readiness for risk largely determines the success and stability of a business. The aim of the analysis in this article is to determine how the sufficiency/insufficiency of the resource of risk readiness in women's entrepreneurship is linked to a range of individually subjectively evaluated dispositions in one or another coordinate system. The task was to assess the productivity of introducing the concept of disposition (status) in risk-related research and to determine the presence or absence of differentiation among holders and those in need of risk readiness as a resource in women's entrepreneurship. The empirical basis of the analysis is the data from the "Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE)". The methodology of target group analysis is applied. The results of the exploratory study revealed differentiation in several indicators of emotional status, social-psychological attitudes, financial status, value profile, and decision-making subjectivity in risk and uncertainty situations. Such results allow for considering them with a reasonable degree of certainty as interconnected with risk readiness. The methodological approach of considering dispositions as existing statuses of individuals in specific coordinate systems proved to be productive. A promising task in this regard is a deeper methodological and conceptual elaboration of the concept in connection with risk-related issues.

Keywords: women's entrepreneurship, risk readiness, resourcefulness, dispositions (statuses), institutional environment

REFERENCES

1. Measures to support business in the face of sanctions [Mery podderzhki biznesa v usloviyah sanktsiy]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: [website]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/sanctions_measures/ (accessed: 08.08.2023).
10. Preliminary assessment of state support measures for Russian businesses affected by sanctions [Predvaritel'naya otsenka mer gosudarstvennoy podderzhki rossiyskogo biznesa, postradavshego iz-za sanktsiy]. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs: [website]. Available at: <https://rspp.ru/activity/analytics/predvaritelnaya-otsenka-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-postradavshego-iz-za-sank/> (accessed: 08.08.2023).
11. To what extent businesses managed to recover after the sanctions shock: comparison of the results of the first quarter of 2022 and the first quarter of 2023 – SMBiz [Naskol'ko biznesam udalos' vosstanovit'sya posle sanktsionnogo shoka: sravnenie rezul'tatov I kvartala 2022 goda i I kvartala 2023 goda – SMBiz]. SMBiz.FOM: [website]. Available at: <https://smbiz.fom.ru/post/naskolko-biznesam-udalos-vosstanovitsya-posle-sankcionnogo-shoka-sravnenie-rezultatov-i-kvartala-2022-goda-i-i-kvartala-2023-goda> (accessed: 08.08.2023).
12. Entrepreneurs in the conditions of Turboreal – SMBiz [Predprinimateli v usloviyah turboReal'nosti – SMBiz]. SMBiz.FOM: [website]. Available at: <https://smbiz.fom.ru/post/predprinimateli-v-usloviyah-turborealnosti> (accessed: 08.08.2023).
13. Entrepreneurship in Russia: monitoring [Predprinimatel'stvo v Rossii: monitoring]. VCIOM: [website]. May, 22, 2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring> (accessed: 10.07.2023).
14. Tatiana Ilyushnikova: the proportion of women among sole proprietors and self-employed exceeds 40% [Tat'yana Ilyushnikova: dolya zhenshchin sredi IP I samozanyatyh prevyshaet 40%]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: [website]. March, 3, 2023. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_dolya_zhenshchin_sredi_ip_i_samozanyatyh_prevyshaet_40.html (accessed: 10.07.2023).
15. Women's entrepreneurial activity index [Indeks predprinimatel'skoy aktivnosti zhenshchin]. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs: [website]. Available at: <https://womanopora.ru/projects/indeks-predprinimatelskoy-aktivnosti-zhenshchin/> (accessed: 10.07.2023).
16. Zorina A. E. Personal resources as a success factor of women's entrepreneurship. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2023;(1):79–91. (In Russ.) DOI [10.21064/WinRS.2023.1.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.6).
17. Mozgovaya A. V. Women's adaptation to social changes: resource potential. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2023;(2):47–59. (In Russ.) DOI [10.21064/WinRS.2023.2.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4).

Information about the Author

A. E. Zorina

Candidate of Sociology,

Research associate

ResearcherID: [ABC-7582-2020](https://orcid.org/0009-0001-7582-2020)

УДК 316.4

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.10)

EDN: [VZLMQF](https://www.edn.ru/vzlmqf)

Научная статья

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Елена Викторовна Ларина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

elena_shulgina@inbox.ru,

ORCID [0000-0002-4928-4388](https://orcid.org/0000-0002-4928-4388)

Для цитирования: Ларина Е. В. Сравнительный анализ социальных практик профилактики наркопотребления: российский и зарубежный опыт // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 187–205. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.10). EDN [VZLMQF](https://www.edn.ru/vzlmqf).

Аннотация. Рост уровня смертности вследствие употребления наркотиков, в том числе среди несовершеннолетнего населения, увеличение количества зарегистрированных лиц с синдромом наркотической зависимости, а также современные характеристики наркотизации актуализируют социальный запрос на анализ практик профилактики наркопотребления в России и других странах. В статье представлены результаты обзора специализированных статистических данных и информационных источников. Рассмотрены антинаркотические профилактические меры либерально-ограничительного и репрессивного характера. Осуществлён анализ действующих стратегий профилактики в зарубежных странах: в США, европейских странах, Китае, Японии и Южной Корее, а также анализ антинаркотических профилактических мер в России. Выявлена большая эффективность программ профилактики либерально-ограничительного подхода, направленных на развитие защитных социальных навыков и навыков преодоления стресса, помощь в выстраивании позитивного межличностного взаимодействия и здоровых внутрисемейных отношений, – по сравнению с профилактикой репрессивного подхода. Социальные практики последнего строятся на ужесточении наказаний и на запугивании, что ведёт к повышению уровня латентности наркопотребления, росту опасений обращения за специализированной помощью и усугублению вредных последствий для организма потребителей, отсутствию достоверных статистических данных. Обоснован вывод о том, что для повышения эффективности профилактики наркопотребления в России целесообразно критически оценить и использовать опыт стран, ориентирующихся на ограничительный подход, сместить акцент с запугивания и ужесточения наказания наркопотребителей на развитие позитивных социальных навыков и разработку дифференцированных программ поддержки и просвещения разных групп населения.

Ключевые слова: социальные группы, социальные практики, профилактика, наркопотребление, программа, меры, эффективность

© Ларина Е. В., 2023.

Введение

Феномен наркопотребления – это комплексное, быстро меняющееся и многоаспектное явление, на которое влияет множество различных обстоятельств и факторов. На протяжении последнего десятилетия данный феномен претерпевает значительную трансформацию. С одной стороны, прослеживается сокращение распространения так называемой «низовой» практики наркопотребления, характеризующейся явной маргинализацией наркопотребителей, их «выпадением» из социальной структуры общества. С другой стороны, всё большую популярность приобретает «контролируемое» потребление наркотиков, позволяющее сочетать регулярный приём наркотических средств с повседневной социальной активностью, на протяжении длительного временного периода сохранять латентный характер наркопотребления. Наблюдается изменение преобладающих причин приёма наркотиков, социально-демографического портрета типичного наркопотребителя, отношения общества к употреблению наркотических средств. В частности, доминирующий гедонистический мотив наркопотребления сменился бóльшим разнообразием мотивов, на первый план выходит стремление побороть стресс, напряжение, депрессию. Преобладание подростково-молодёжного сегмента, маргинальных слоёв населения в качестве потребителей наркотиков сменилось вовлечённостью в наркопотребление представителей практически всех социальных групп, резко отрицательное отношение подавляющей части общества к употреблению наркотиков сменилось амбивалентным отношением – в зависимости от типа принимаемых наркотических средств. При этом значительная трансформация характеристик наркопотребления происходит на фоне существенного отставания системы антинаркотических мер, в бóльшей степени ориентированной на наркоситуацию конца 1990-х – начала 2000-х гг. Данное несоответствие обуславливает необходимость поиска путей повышения эффективности антинаркотической деятельности.

Согласно официальным данным, в Российской Федерации число летальных исходов, связанных с употреблением наркотических веществ, в 2021 году составило более 10 тыс. случаев, что на 37% больше, чем в 2020 году. Аналогичный показатель в 2019 году составил 4569 случаев, таким образом, в течение двухлетнего периода наблюдается более чем двукратный прирост уровня смертности от наркотиков¹. Из 10 043 смертельных случаев бóльшая доля приходится на случайные передозировки (4709 человек), на втором месте – отравления «с неопределёнными намерениями» – 2915 человек, 2419 человек умерли вследствие психических расстройств, вызванных приёмом наркотиков².

¹ Губернаторов Е., Ткачёв И., Порываева Л. В России смертность от наркотиков выросла на 37% // РБК : [сайт]. 09.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/07/2022/62c82a4e9a7947459362d0d5> (дата обращения: 27.04.2023).

² Свиридов А. Пандемия передоза // Коммерсантъ. 06.08.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5493440> (дата обращения: 27.04.2023).

И. В. Горбунов, возглавляющий Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД РФ, отмечает рост в 2,5 раза за период с 2017 года количества летальных исходов, вызванных наркопотреблением, среди подростков, а также увеличение числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершённых лицами младше 18 лет¹.

Наркологическая служба РФ в 2021 году зафиксировала 227,4 тыс. человек с синдромом наркотической зависимости (в 2020 г. – 224,2 тыс.) и 161 тыс. человек с установленным диагнозом «пагубное употребление» наркотиков (в 2020 г. – 157,4 тыс.). Также отмечен прирост числа пациентов с синдромом зависимости от наркотических средств, установленным впервые в жизни, – 13,9 тыс. человек (в 2020 г. – 12,5 тыс.)².

Представленные данные свидетельствуют о сохранении актуальности проблемы наркотизации общества. Особая опасность современной наркотизации заключатся в её высоком уровне латентности, вызванном появлением новых наркотических средств и распространением практик наркопотребления, позволяющих на протяжении достаточно длительного времени откладывать проявление негативных последствий для здоровья потребителя и его социального положения, а также ростом терпимого отношения общества к эпизодическому приёму так называемых «лёгких» наркотических средств. Согласно данным опросов трудоспособного населения РФ, проведённых сектором социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН³, примерно каждый шестой респондент каждой волны массива выступает за легализацию так называемых «лёгких» наркотических средств. Около 10% массива каждой волны опроса считают, что вред от наркотиков сильно преувеличен и некоторые из них можно принимать, когда хочется хорошо провести время. Прослеживается стабильное сокращение доли респондентов, осуждающих наркопотребителей: в 2013 году она составляла 64%, в 2016 г. – 59%, в 2018 г. – 54%. Особо следует отметить, что выявлена часть массива опрошенных (10–20%) без опыта употребления наркотиков, которые готовы их попробовать для достижения определённого эффекта, как правило – для повышения работоспособности, снятия напряжения и преодоления усталости.

Опрос студенческого сегмента (2021 г., n = 528) показал схожие результаты: 12% респондентов всего массива считают, что вред от нарко-

¹ См.: Лапшин А. Смертность от наркотиков среди подростков за 5 лет выросла в 2,5 раза // Парламентская газета. 09.12.2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/smertnost-ot-narkotikov-sredi-podrostkov-za-5-let-vyroslo-v-25-raza.html> (дата обращения: 27.04.2023).

² Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году (выдержка) // Государственный антинаркотический комитет. М., 2022. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4498892> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Опросы трудоспособного населения (2013 г., n = 1126; 2016 г., n = 1337; 2018 г., n = 1406) проводились методом онлайн-интервью по квотной выборке в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Краснодаре, Воронеже, Челябинске, Тюмени, Омске, Перми, Сыктывкаре, Архангельске, Калининграде. Возраст опрошенных от 18 до 60 лет. Опросы студентов (2021 г., n = 528) проведены в вузах следующих городов: Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, Вологда, Иваново, Чита. Возраст респондентов 18–25 лет. Отобранные города представляют регионы с различной степенью распространения наркотических средств, что связано с их географическим и экономическим положением, особенностями социально-демографической структуры населения, что даёт основания для усреднённых выводов.

тиков сильно преувеличен, ещё 16% затруднились дать однозначный ответ на данный вопрос, 11% опрошенных отметили, что при желании можно употреблять наркотики без вреда для здоровья. Примерно каждый пятый респондент группы с наркоопытом считает, что наркотики, которые они принимают, не вызывают зависимости (20,5%) и не вредны для здоровья (18%). Таким образом, 10% массива опрошенных проявили однозначно терпимое отношение к наркопотреблению и ещё 10% не сформировали чёткой позиции в отношении наличия вреда от употребления наркотических средств.

Таким образом, рост числа пациентов с синдромом наркотической зависимости, увеличение количества летальных исходов, связанных с употреблением наркотических веществ, а также современные характеристики наркотизации общества, такие как высокий уровень латентности, широкая доступность приобретения наркотических средств при помощи виртуальной сети [1], рост толерантного отношения населения к эпизодическому наркопотреблению, актуализируют социальный запрос на социологический анализ существующей системы антинаркотической профилактики, оценку соответствия предпринимаемых профилактических мер существующей наркоситуации.

Целью данной работы является сравнительный анализ состояния действующей в России системы профилактики незаконного употребления наркотических средств и применяемых за рубежом антинаркотических профилактических мер, наиболее результативные из которых могут быть использованы в качестве основы для повышения эффективности российской антинаркотической деятельности.

Для реализации поставленной цели осуществлён анализ положений Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года и других нормативных актов, лежащих в основе организации российской профилактической деятельности, аналитический обзор специализированных информационных источников на языке оригинала, анализ статистических данных. В работе использованы результаты актуальных исследований учёных американских государственных университетов Невады (Т. Дж. Григсби), Техаса (К. Ховард, Дж. Т. Ховард) и Пенсильвании (Д. Х. Фишбейн), Международной ассоциации прикладных профилактических наук (З. Слобода), данные европейского Министерства здравоохранения (А. Оригер), зарубежных специалистов в области профилактики (Х. Сюн, К. Патель, Х. Хундал, Б. М. Баккуш, К. В. Цао, Ш. С. Чжан, К.-Л. Чин, М. Линь, Н. Сун, Дж. Дж. Амон). Произведён анализ антинаркотической стратегии американского Управления национальной политики по контролю над наркотиками и принципов деятельности Национального института по изучению наркотической зависимости США (NIDA), информационных материалов Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании (EMCDDA). Представлены данные представителей японской ассоциации в сфере антинаркотической политики (Г. Кото, М. Таруи, Х. Камиока, К. Хаяши). Исследова-

ние также опирается на работы отечественных учёных, занимающихся изучением юридических (В. Е. Шинкевич, П. В. Тепляшин, Е. А. Мамай, Е. Н. Бен, Т. В. Плотникова, В. В. Харин, И. В. Горошко, В. Ю. Петрова) и социологических (Г. Ф. Ромашкина, Я. Н. Нахимова, Т. В. Шипунова, Н. Г. Чевтаева, Е. А. Качанова, А. С. Никитина, Т. Ю. Рублёва) аспектов вопросов профилактики наркопотребления в России. Осуществлён анализ положений, представленных в Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года, утверждённой указом Президента РФ.

Результаты исследования

В мировой практике можно выделить два альтернативных подхода в профилактике наркопотребления: либерально-ограничительный и репрессивный [2]. В основе первого подхода – признание невозможности полного контроля над потреблением наркотиков населением, направленность на сокращение негативных последствий для потребителей и всего общества. Второй подход нацелен на усиление мер контроля и наказания за любые деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Опыт применения на практике показывает наибольшую результативность антинаркотических профилактических программ, действующих в США и Европе, которые придерживаются либерально-ограничительного подхода.

В основе американской системы профилактики наркопотребления – признание первостепенного значения регулярного получения актуальных достоверных сведений о состоянии здоровья населения [3]. Один из главных принципов программ профилактики США заключается в развитии у молодёжи навыков оценки рисков потребления различных психоактивных веществ и преимуществ отказа от него, что позволяет молодым людям делать осознанный и ответственный индивидуальный выбор в каждой жизненной ситуации, в том числе при столкновении с предложением попробовать наркотики [4].

Профилактические стратегии Соединённых Штатов разработаны на основе актуальных научных данных о факторах риска микро- и макроуровня, способствующих вовлечению в наркопотребление, а также о факторах защиты от первой наркопробы и дальнейшего употребления наркотиков и направлены на поощрение просоциального поведения детей, обучение их эффективным здоровым способам преодоления стресса, создание равных возможностей получения образования и медицинских услуг для представителей различных социальных слоёв [5].

Применение программ профилактики в Америке начинается в раннем возрасте, когда развитие ребёнка легче всего направить в правильное русло. Профилактические меры для детей ориентированы на усиление защитных факторов, т. е. качеств и навыков успешного преодоления трудностей, и снижение факторов риска, способствующих осуществле-

нию первой наркотической пробы. Такое вмешательство государства в раннем возрасте позволяет сместить баланс в сторону факторов защиты, сформировать базу для осуществления ребёнком позитивной саморегуляции поведения. Например, программа «Заботливая школа» (Caring School Community Program) направлена на построение позитивных отношений со сверстниками и учителями, развитие социальных и эмоциональных навыков. Программа «Вмешательство, ориентированное на класс» (Classroom-Centered (CC) Intervention) направлена на раннее предотвращение агрессивного поведения и борьбу с плохой успеваемостью с целью снижения антисоциального поведения и вероятности употребления психоактивных веществ. Исследование результатов применения данной программы показало спад уровня проблемного поведения учащихся средней и старшей школ, а также смещение начала курения табака в сторону более старшего возраста. Кроме того, представители группы, прошедшей данную программу, в последующем имели более низкие показатели злоупотребления алкоголем и наркотиками и в целом антисоциального поведения в возрасте 19–21 года, чем представители контрольной группы¹.

Разработаны специальные программы профилактики для районов с высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних. «Связь интересов семьи и учителей» (Linking the Interests of Families and Teachers (LIFT)) – это комплекс мер, созданный для учащихся 1-х и 5-х классов и направленный на улучшение семейной и школьной среды, укрепление связей между ними. В рамках данной программы предусмотрены 20 занятий, в течение которых школьники обучаются социальным навыкам, способам позитивного решения проблем, отказа от агрессивного поведения, неприятия агрессии со стороны сверстников, практикуются также групповые собрания родителей, проходящие один раз в неделю в течение шести недель. Родителей обучают навыкам позитивного воспитания детей, надзора и решения проблем. Программа также ориентирована на создание и постоянное поддержание связи между семьями учащихся и учителями посредством телефонных звонков, электронной почты и интернета. Предусмотрена еженедельная информационная рассылка родителям, описывающая предстоящие на неделе мероприятия программы и дополнительные домашние задания. Программа «Ускоренный путь профилактики проблем с поведением» (Fast Track Prevention Trial for Conduct Problems) действует с 1-го по 10-й класс для детей с высоким риском антисоциального поведения. Данная система предусматривает применение мер для учащихся из группы высокого риска, проявляющих повышенный уровень агрессии в школе и дома. Для представителей группы высокого риска предусмотрены занятия по обучению социальным навыкам и самоконтролю, а также индивидуальные посещения на дому. Обучение родителей в рамках про-

¹ Principles of Substance Abuse Prevention for Early Childhood: a Research-Based Guide // National Institute on Drug Abuse; National Institutes of Health; U.S. Department of Health and Human Services : [сайт]. March 2016. URL: https://archives.nida.nih.gov/sites/default/files/early_childhood_prevention_march_2016_508_0.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

граммы направлено на формирование навыков адаптации их детей к школе, улучшение поведения и взаимодействия в семье¹.

Профилактическая программа «Невероятные годы» (Incredible Years) содержит специализированные компоненты для родителей, детей и учителей. Родители обучаются навыкам эмоционального, социального и академического воспитания детей, применению похвалы и материальных стимулов, методам позитивной дисциплины, которые направлены на укрепление семейных отношений и способствуют развитию детей. Причём для разных этапов развития ребёнка предназначены разные родительские программы. Количество занятий зависит от возраста ребёнка и потребностей родителей. Детский компонент программы направлен на обучение детей школьным правилам, тренировке эмпатии, развитию эмоционального интеллекта, стратегиям достижения успеха, навыкам дружбы и решения проблем. Для учителей разработаны курсы обучения стратегиям эффективного управления классом и сотрудничества с родителями².

Специализированные программы профилактики также включают семейные сессии с терапевтом, состоящие из интервью, оценки и обратной связи, проведение семейной поведенческой терапии, организацию системы мониторинга академической успеваемости и социального поведения детей [6].

Кроме мер, рассчитанных на детско-юношеские группы, в системе профилактики наркопотребления США действуют программы, предназначенные для взрослого населения. Одна из них – «Рабочее место без наркотиков». В рамках данной программы, финансируемой из федерального бюджета, создаётся для сотрудников система оздоровления на рабочем месте, проводятся специализированные онлайн-уроки, обучение наставников, организуется программа помощи, направленная на улучшение общего самочувствия, а также проводится тестирование на употребление наркотических средств³.

Европейские стратегии профилактики нацелены на организацию школьной среды как защитного фактора, препятствующего вовлечению в употребление наркотиков посредством создания благоприятного учебного климата, обучения общественным нормам и ценностям⁴.

В европейской системе профилактики выделяются всеобщие и селективные программы. Всеобщие – направлены на всё молодое население, они обучают молодёжь социальным навыкам, позволяющим избегать или, по крайней мере, отсрочивать пробы наркотических веществ. Селективные – ориентированы на определённые семьи, группы или со-

¹ Principles of Substance Abuse Prevention for Early Childhood: a Research-Based Guide // National Institute on Drug Abuse; National Institutes of Health; U.S. Department of Health and Human Services : [сайт]. March 2016. URL: https://archives.nida.nih.gov/sites/default/files/early_childhood_prevention_march_2016_508_0.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

² Там же.

³ National Drug Control Strategy // The White House Executive Office of the President Office of National Drug Control Policy : [сайт]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/04/National-Drug-Control-2022Strategy.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ Prevention topics page // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA) : [сайт]. URL: https://www.emcdda.europa.eu/topics/prevention_en (дата обращения: 15.05.2023).

общества, имеющие бóльшую вероятность стать наркопотребителями, им предоставляются специализированные консультации и поддержка¹. Кроме того, антинаркотическая профилактика включает специфические типы стратегий для разных этапов развития – от младенчества до зрелого возраста, а также постоянный мониторинг эффективности данных стратегий. Так, например, к результативным мерам, направленным на молодых матерей, имеющих проблемы с наркотиками, относятся: ежемесячные визиты специалистов, обучающих базовым родительским навыкам, поддержка физического и психического здоровья матерей, предоставление помощи в отношении питания, жилья и трудоустройства, мониторинг свободного времени, обучение установлению позитивной дисциплины. Мероприятия, не оказавшие никакого влияния либо, наоборот, приведшие к отрицательным результатам, проводились лишь в форме лекций, предоставлявших информацию о наркотиках [7].

В европейской школьной среде используется стратегия, получившая название «Игра хорошего поведения» (Good Behaviour Game). Цель стратегии – в формате игры обучить детей социальным навыкам и минимизировать их агрессивное поведение, являющееся фактором риска вовлечения в наркопотребление. Игра подразумевает разделение класса на команды, состав которых сбалансирован по полу и типу поведения – от агрессивного до застенчивого и социально изолированного. Награды получает та команда, члены которой совершают четыре и менее нарушений поведения во время игрового периода. Вначале игра проводится три раза в неделю по десять минут, далее периоды увеличиваются по продолжительности и частоте. Затем начало игрового периода может быть объявлено учителем в разное время дня. Таким образом, игра становится непредсказуемой по времени начала и времени вручения вознаграждений, что приучает детей к хорошему поведению всегда и везде [7].

Доказанную эффективность показали такие профилактические мероприятия, направленные на подростковые группы, как развитие навыков отказа от предложения проб наркотических веществ, противостояния давлению сверстников, обучение здоровым стратегиям преодоления стресса, устранение неверных представлений о последствиях употребления наркотиков посредством предоставления точной достоверной информации, исключающей намеренное преувеличение и запугивание [7].

Предусмотрены как универсальные, так и селективные стратегии предотвращения наркопотребления, направленные на работников различных предприятий. В рамках универсальных программ на рабочем месте проводится обучение сотрудников способам противостояния вовлечению в употребление психоактивных веществ, предоставляется достоверная информация о том, насколько негативно приём наркотиков может повлиять на их здоровье и благополучие, осуществляются меры по сплочению трудового коллектива и усилению взаимной поддержки. Селектив-

¹ Prevention topics page // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA): [сайт]. URL: https://www.emcdda.europa.eu/topics/prevention_en (дата обращения: 15.05.2023).

ная профилактика предполагает конфиденциальный скрининг работников, проявляющих проблемное поведение на рабочем месте и входящих в группу риска наркопотребления, оценку их физического и психологического здоровья, работу с мотивацией к изменению поведения. Данная программа также предусматривает направление сотрудников на специализированное лечение, дальнейшую реинтеграцию в трудовой коллектив и профилактику рецидивов наркопотребления. Таким образом, выявление потенциальных потребителей осуществляется не с карательной целью, а для предотвращения их вовлечения в наркопотребление или нарастания интенсивности приёма наркотических средств [7].

Европейская система профилактики также активно задействует средства массовой информации. Антинаркотические профилактические программы в СМИ разрабатываются под каждую целевую группу кампании и основываются на теоретическом фундаменте. Кампании в СМИ направлены на противодействие нормализации [8] употребления психоактивных веществ, информирование о последствиях приёма наркотиков, а также на предложение стратегий по отказу от наркопотребления [7]. Созданы специальные мобильные приложения для предоставления информации и советов по снижению вреда от употребления психоактивных веществ для молодой аудитории¹. Так, например, приложение TripApp содержит контакты специализированных служб помощи, сведения о действующем законодательстве в отношении наркопотребления, позволяет напрямую узнать результаты сданных тестов на наркотики².

Таким образом, система антинаркотической профилактики стран Европы и США преимущественно основывается на либерально-ограничительном подходе в противодействии наркопотреблению населения.

Система профилактики в Азии не столь однозначна. Рассмотрим действующие антинаркотические профилактические меры в трёх крупных азиатских странах – Китае, Японии и Южной Корее.

В Китае наркомания рассматривается в качестве личной неудачи и подвергается сильной стигматизации. Среди методов противодействия наркопотреблению распространено помещение в центры принудительной детоксикации для впервые выявленных потребителей и заключение в трудовые лагеря для рецидивистов. За участие в незаконном обороте наркотиков применяются очень суровые виды наказания, вплоть до смертной казни, что происходит довольно часто [9]. В целом система противодействия наркопотреблению в Китае действует как система наблюдения и наказания. Повторное выявление случаев употребления наркотических средств приводит к более жёстким ограничениям прав и свобод потребителя. В качестве альтернативы у наркопотребителей есть возможность добровольно

¹ Spotlight on... e-health interventions // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA) : [сайт]. Last updated: 21.06.2022. URL: https://www.emcdda.europa.eu/spotlights/spotlight-e-health-interventions_en (дата обращения: 16.05.2023).

² Европейская премия в области профилактики наркомании: победили проекты из Бельгии, Польши и Литвы // Council of Europe : [сайт]. 28.10.2021. URL: https://www.coe.int/en/web/portal/full-news/-/asset_publisher/y5xQt7QdunzT/content/id/109831681?_com_liferay_asset_publisher_web_portlet_AssetPublisherPortlet_INSTANCE_y5xQt7QdunzT_languageId=ru_RU (дата обращения: 16.05.2023).

пройти курс лечения в специализированном наркологическом центре. Однако такие потребители в дальнейшем также подвергаются долгосрочному мониторингу со стороны местных правоохранительных органов и при выявлении положительных результатов тестов на наркотики их могут отправить на двухлетнюю принудительную детоксикацию [10].

В то же время в Китае появляются и более гуманные подходы – растёт число клиник поддерживающей терапии, организована программа обмена игл для потребителей инъекционных наркотиков. На каждые 15 наркозависимых государство обеспечивает профессионального сотрудника, оказывающего им помощь в борьбе с зависимостью. По всей стране действует система антинаркотического обучения и профилактики, создана специализированная цифровая платформа, ориентированная на молодёжь, проводятся онлайн-уроки для учащихся, посвящённые развитию навыков противодействия вовлечению в наркопотребление¹.

Стратегия антинаркотической профилактики Японии ориентирована на информирование населения о последствиях употребления наркотиков, лечение и последующую социальную реинтеграцию потребителей.

В то же время признавая эффективность программ снижения вреда употребления наркотиков в других странах, правительство Японии выступает против их введения в своей стране. Поддержка наркопотребителей в основном осуществляется группами самопомощи при незначительном содействии медицинских организаций. Всё большее распространение находит пропаганда ведения здорового образа жизни [11].

Для Японии также характерна стигматизация людей, подозреваемых в приёме наркотиков, действует моральный кодекс, в соответствии с которым человек, употребляющий наркотические средства, подводит не только себя, но и всё общество. Чиновники обязаны информировать власти о потребителях наркотиков. Такая стигматизация влечёт за собой высокий уровень латентности наркопотребления в стране, практически полное отсутствие статистики смертности от наркотиков, обуславливает страх потребителей обращаться за необходимой помощью. Случаи передозировки наркотиками официально фиксируются как смерти по причине сердечной недостаточности².

В Японии большое количество цифровых медиа, плакатов, брошюр, специализированных автомобилей с громкоговорителями, которые информируют население о разрушительных последствиях употребления наркотических средств. В просветительских антинаркотических кампаниях часто используются фразы, усиливающие маргинализацию наркопотребителей: «Попробовав наркотики, вы не сможете остановиться», «Вы принесёте вред другим, если употребляете наркотики», «Злоупотребление наркотиками разрушит вашу жизнь» [11]. Низкий уровень нар-

¹ Как в Китае борются с наркотиками // Труд. 25.08.2022. URL: https://www.trud.ru/article/26-08-2022/1419770_kak_v_kitae_borjutsja_s_narkotikami/print/ (дата обращения: 16.05.2023).

² Van der List B., Daly M. How Stigma Created Japan's Hidden Drug Problem // Vice News : [сайт]. 08.05.2020. URL: <https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hidden-drug-problem> (дата обращения: 18.05.2023).

копотребления среди японской молодёжи в основном поддерживается такими факторами, как социальная стигматизация, культурная традиция подчинения молодых людей авторитету старших, жёсткая регламентация жизни, обусловленная усердной учёбой с целью поступления в высшее учебное заведение¹.

Власти Южной Кореи начали работу по внедрению курса по профилактике наркопотребления в обязательную образовательную программу школ по всей стране. Однако такие планы пока не находят большой поддержки среди учеников и их родителей². С 2023 года введён обязательный минимум в размере 10 часов уроков антинаркотической профилактики в начальных и средних школах. Организовано ежегодное посещение школ сотрудниками местных учреждений здравоохранения, которые в течение месяца проводят обучение детей навыкам противостояния вовлечению в употребление наркотиков. Сформированы группы родителей-добровольцев, осуществляющие наблюдение за территорией школы с целью пресечения фактов распространения наркотических средств. Для более взрослых групп населения предусмотрено проведение антинаркотических общественных кампаний³. Правительство страны также предпринимает меры, направленные на мониторинг онлайн-рекламы наркотических средств, ужесточение наказания врачей, выписывающих наркосодержащие лекарства в дозах, превышающих необходимые⁴.

Таким образом, профилактические программы либерально-ограничительного подхода в первую очередь ориентированы на развитие защитных социальных навыков, позитивного межличностного взаимодействия, помощь в преодолении стресса, выстраивании здоровых отношений внутри семьи, тогда как профилактика в рамках репрессивного подхода строится на ужесточении наказаний и запугивании, что ведёт к повышению латентности наркопотребления, отсутствию достоверных статистических данных и усугублению вредных последствий для организма потребителей, боящихся обратиться за специализированной помощью.

Действующая в Российской Федерации система профилактики наркопотребления опирается на Стратегию государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года⁵. В рамках данной Страте-

¹ Van der List B., Daly M. How Stigma Created Japan's Hidden Drug Problem // Vice News : [сайт]. 08.05.2020. URL: <https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hidden-drug-problem> (дата обращения: 18.05.2023).

² Min-kyung J. Korea's largely unnoticed but growing problem: Teen drug abuse // The Korea Herald : [сайт]. 05.12.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221205000517> (дата обращения: 19.05.2023).

³ Sung-eun L. Seoul city to bolster efforts to stop, treat drug abuse // Korea JoongAng Daily : [сайт]. 13.04.2023. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2023/04/13/national/socialAffairs/korea-drugs-daechidong/20230413180708365.html> (дата обращения: 19.05.2023).

⁴ Rising Drug Use in South Korea Forces Government to Respond, Adapt // Asia Pacific Foundation of Canada : [сайт]. 25.04.2023. URL: <https://www.asiapacific.ca/publication/rising-drug-use-south-korea-forces-government-respond-adapt> (дата обращения: 19.05.2023).

⁵ Стратегия государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document118/> (дата обращения: 20.05.2023).

гии указан комплекс действующих профилактических мер незаконного наркопотребления, основные среди которых: совершенствование образовательных профилактических методик и мероприятий и их включение в программу образования и работу по воспитанию молодёжи; формирование у учащихся стойкого неприятия незаконного наркопотребления посредством духовно-нравственного воспитания; разработка более эффективных мероприятий по раннему выявлению приёма наркотиков; расширение использования результативных зарубежных антинаркотических профилактических методик; повышение уровня осведомлённости населения о вреде наркопотребления при помощи средств массовой информации¹. В то же время в качестве одной из угроз национальной безопасности в сфере наркооборота обозначена недостаточная эффективность системы профилактической деятельности².

Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет понятие «профилактика» в качестве «комплекса мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья и включающих в себя формирование здорового образа жизни, предупреждение возникновения и (или) распространения заболеваний, их раннее выявление, выявление причин и условий их возникновения и развития, а также направленных на устранение вредного влияния на здоровье человека факторов среды его обитания»³. Таким образом, антинаркотическая профилактика подразумевает комплекс мероприятий, направленных на предупреждение приёма наркотиков, раннее выявление наркопотребления, а также устранение негативных последствий для здоровья потребителя и всего общества.

Что касается практической реализации мер профилактики наркопотребления в РФ, то на ежегодной основе проводится всероссийская акция «Дети России», посвящённая предупреждению наркопотребления среди несовершеннолетнего населения, повышению осведомлённости о вреде приёма наркотиков, а также выявлению фактов вовлечения молодёжи в незаконный наркооборот⁴. В рамках данной акции организованы профилактические осмотры учащихся, их социально-психологическое тестирование на предмет выявления случаев приёма наркотических средств, беседы об опасности наркопотребления и ценности здорового образа жизни.

С целью раннего выявления фактов приёма наркотических средств

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document118/> (дата обращения: 20.05.2023).

² Там же.

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. Информационно-правовое обеспечение : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12191967/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/#friends> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ Профилактика немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/narcotic/> (дата обращения: 20.05.2023).

среди учащихся российских образовательных учреждений проводятся специализированные профилактические осмотры. Данные осмотры осуществляются психиатром-наркологом в четыре ключевых этапа: разъяснительная беседа на тему незаконного наркопотребления и внешний осмотр; предварительные химико-токсикологические исследования образцов биологических жидкостей человека на предмет выявления наркотических средств; повторные химико-токсикологические исследования, подтверждающие полученные результаты; разъяснение результатов проведённого осмотра¹. Эффективная реализация данной меры профилактики затрудняется частым отсутствием добровольного согласия на осуществление осмотров со стороны учащихся, находящихся в группе риска, а также со стороны родителей, опасющихся нежелательных результатов и негативных социальных последствий.

К осуществляемым мерам профилактики наркопотребления в России также относится создание специализированных информационных разделов на интернет-страницах образовательных учреждений, организация единой горячей линии и телефонов доверия для предоставления консультаций и психологической помощи в трудной жизненной ситуации детям и родителям.

В то же время целостная эффективная система профилактики наркопотребления в России на сегодняшний день отсутствует [12, 13]. Обилие нормативно-правовых документов, призванных регулировать взаимодействие в профилактической сфере, отсутствие в них чётких формулировок и однозначных определений терминов затрудняет выработку единой консолидированной системы антинаркотической профилактики [14]. Кроме того, отмечается недостаток государственной финансовой поддержки агентов превенции, а также перманентное сокращение штата профилактических организаций при одновременном увеличении их рабочей нагрузки [15].

Профилактические меры в России носят эпизодический характер. Антинаркотическая стратегия профилактики в основном направлена на общее информирование о наркотиках и гиперболизированное запугивание вредными последствиями их употребления, а также на выявление, постановку на учёт в специализированных учреждениях и ужесточение наказания потребителей наркотических средств. Однако такие меры ведут лишь к повышению уровня латентности наркопотребления, никак не влияя на сокращение факторов риска вовлечения в употребление наркотиков и на усиление защитных факторов. Намеренное запугивание и преувеличение («любая проба наркотиков ведёт к смерти»; «зависимость от наркотиков

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 октября 2014 г. № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» // Гарант. Информационно-правовое обеспечение : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70832674/#friends> (дата обращения: 20.05.2023).

наступает после первой пробы»; «проба наркотиков ломает жизнь» и т. д.), особенно среди подростковой аудитории, зачастую приводят к противоположному результату – воспринимаются как вызов и разжигают любопытство [13], более того, после получения наркотического опыта или альтернативной информации о наркопробах молодые люди полностью утрачивают доверие к материалам официальной антинаркотической профилактики. Кроме того, всё возрастающая доступность приобретения наркотических средств [1], расширяющийся ассортимент новых наркотиков, рост толерантного отношения общества к эпизодическому наркопотреблению свидетельствуют о неуклонном изменении наркоситуации и необходимости реформирования устаревших профилактических мер.

Заключение

Анализ данных социологических исследований, статистических материалов относительно динамики и факторов, связанных с наркопотреблением и отношением к нему представителей различных групп населения нашей страны, демонстрирует нивелирование в общественном сознании страха перед наркопробами, отсутствие чётких барьеров, упреждающих употребление наркотиков. Готовность приобщиться к употреблению наркотических средств ради решения таких обыденных задач, как повышение работоспособности и снятие усталости, свидетельствует о переводе эпизодического наркопотребления в разряд повседневных практик человеческой жизни, а также о низкой эффективности действующих в России мер антинаркотической профилактики.

В целом существенное отставание ответной реакции со стороны системы антинаркотической профилактики на вызовы современной наркоситуации, отсутствие дифференцированного подхода в реализации профилактических мер по отношению к различным социальным группам потенциальных потребителей наркотических средств позволяют констатировать несоответствие организации профилактической деятельности актуальной наркоситуации.

Социальный запрос на изучение процесса наркотизации для более адекватного понимания недостаточной эффективности отечественной системы противодействия росту наркопотребления включает и задачу анализа эффективности зарубежного опыта. Одним из способов повышения эффективности антинаркотической профилактики в России может стать использование зарубежного опыта профилактических программ, доказавших свою результативность на практике, – при условии их социокультурной адаптации и с учётом особенностей российских целевых групп.

Согласно проведённому анализу антинаркотических профилактических мер разных стран, наибольшую результативность показывают программы профилактики наркопотребления, направленные на формирование поведенческих навыков противодействия вовлечению в употребление наркотиков, начиная с детства, на помощь родителям в укреплении

семейного межличностного взаимодействия и взаимопомощи, установлении позитивной дисциплины, на дифференцированное просвещение различных целевых групп населения о последствиях наркопотребления, основанное на достоверной информации.

Опираясь на мировой опыт эффективных программ профилактики, в России целесообразно заменить репрессивный подход на ограничительный, сместить акцент с запугивания и ужесточения наказания наркопотребителей на развитие позитивных социальных навыков, программы поддержки семей, детства и молодёжи, создание доступной системы продуктивных форм досуга в качестве альтернативы вовлечению в наркопотребление, систематическое просвещение населения, основанное на достоверных сведениях и разработанное с учётом особенностей восприятия конкретных целевых групп, на пропаганду здорового образа жизни. Особого внимания требует постоянное повышение квалификации специалистов в области профилактики [16]. Кроме того, большое значение в снижении латентности наркопотребления и вреда для здоровья потребителей имеет обеспечение возможности добровольного обращения в медицинские учреждения за специализированной помощью без неизбежного наступления негативных социальных последствий для пациентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Социологическая и криминологическая оценка динамики наркопотребления, совершаемых наркопреступлений и рекомендации по профилактике незаконного оборота опийных наркотиков в Российской Федерации / В. Е. Шинкевич, П. В. Тепляшин, Е. А. Мамай, Е. Н. Бен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 75–82. DOI [10.51980/2542-1735_2021_2_75](https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_2_75). EDN [KAULQD](https://www.edn.ru/KAULQD).
2. Чевтаева Н. Г., Качанова Е. А., Никитина А. С. «Мягкие» и «жесткие» стратегии социального контроля наркопотребления // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 152–156. DOI [10.31857/S013216250002795-7](https://doi.org/10.31857/S013216250002795-7). EDN [PJOQUZ](https://www.edn.ru/PJOQUZ).
3. Grigsby T. J., Howard K., Howard J. T. Comparison of Past Year Substance Use Estimates by Age, Sex, and Race/Ethnicity Between Two Representative Samples of the U.S. Adult Population // Population Research and Policy Review. 2022. № 41. P. 401–416. DOI [10.1007/s11113-021-09645-8](https://doi.org/10.1007/s11113-021-09645-8).
4. Origer A. Controlled Drugs, Use, Abuse and Youth: A Meaningful, Yet Evolving Relationship // Wohlbefinden und Gesundheit im Jugendalter / A. Heinen, R. Samuel, C. Vögele, H. Willems (Eds.). Wiesbaden : Springer VS , 2022. P. 343–361. DOI [10.1007/978-3-658-35744-3_16](https://doi.org/10.1007/978-3-658-35744-3_16).
5. Fishbein D. H., Sloboda Z. A National Strategy for Preventing Substance and Opioid Use Disorders Through Evidence-Based Prevention Programming that Fosters Healthy Outcomes in Our Youth // Clinical Child and Family Psychology Review. 2023. № 26. P. 1–16. DOI [10.1007/s10567-022-00420-5](https://doi.org/10.1007/s10567-022-00420-5).
6. Preventing Substance Abuse in Adolescents: A Review of High-Impact Strategies / Hsiung H., Patel K., Hundal H. [et al.] // Cureus. 2022. № 14 (7). e27361. DOI [10.7759/cureus.27361](https://doi.org/10.7759/cureus.27361).

7. European Prevention Curriculum (EUPC): a handbook for decision-makers, opinion-makers and policy-makers in science-based prevention of substance use // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction : [сайт]. 2019. URL: https://www.emcdda.europa.eu/publications/manuals/european-prevention-curriculum_en (дата обращения: 15.05.2023).
8. Шульгина Е. В. Практики наркопотребления среди молодёжи // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана (Екатеринбург, 22–23 марта 2018 г.) / Под ред. Е. В. Грунт, А. В. Меренкова, Н. Л. Антоновой. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. С. 694–700. EDN **YUHWQH**.
9. Zhang Sh. X., Chin K-L. A People's War: China's Struggle to Contain its Illicit Drug Problem // Improving Global Drug Policy: Comparative Perspectives and UNGASS 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/a-peoples-war-final.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).
10. Lin M., Sun N., Amon J. J. No Exit: China's State Surveillance over People Who Use Drugs // Health and Human Rights Journal. 2022. № 24/1. P. 135–146.
11. Drug use, regulations and policy in Japan / G. Koto, M. Tarui, H. Kamioka, K. Hayashi // International Drug Policy Consortium : [сайт]. April, 2020. URL: <https://idpc.net/publications/2020/04/drug-use-regulations-and-policy-in-japan> (дата обращения: 18.05.2023).
12. Нахимова Я. Н., Ромашкина Г. Ф. Социальные установки молодёжи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 6. С. 138–160. DOI [10.17853/1994-5639-2017-6-138-160](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-138-160).
13. Плотникова Т. В., Харин В. В. Наркотизм как одна из актуальных угроз национальной безопасности России // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 10. С. 243–250. DOI [10.20310/2587-9340-2019-3-10-243-250](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-10-243-250). EDN **HWJMJQ**.
14. Горошко И. В., Петрова В. Ю. Правовое регулирование профилактики наркопотребления // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 4 (61). С. 36–41. EDN **SMSKIE**.
15. Шипунова Т. В. Риторика агентов социального контроля в отношении профилактики противоправного поведения молодёжи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 4. С. 525–538. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-4-525-538](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-525-538). EDN **FUDKFR**.
16. Рублёва Т. Ю. Формирование антинаркотической политики в сфере профилактики наркомании в молодёжной среде по результатам мониторинга наркоситуации // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал. Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Красноярск, 25–26 ноября 2021 г.) / Под ред. И. О. Логинова, В. Б. Чупина, Л. С. Гавриленко [и др.]. Красноярск : Общество с ограниченной ответственностью «Версо», 2022. С. 196–203. EDN **SAILLJ**.

Сведения об авторе

Е. В. Ларина

кандидат социологических наук,

научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: **903092**

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.10)

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL PRACTICES IN DRUG ABUSE PREVENTION: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Elena Viktorovna Larina

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

elena_shulgina@inbox.ru,

ORCID [0000-0002-4928-4388](https://orcid.org/0000-0002-4928-4388)

For citation: Larina E. V. Comparative analysis of social practices in drug abuse prevention: Russian and international experience. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(3):187–205. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.10).

Abstract. The increasing mortality rate due to drug abuse, including among minors, the rising number of registered individuals with narcotic dependency syndrome, and contemporary characteristics of drug use underscore the social need for analysing drug abuse prevention practices in Russia and other countries. The article presents the results of a review of specialised statistical data and information sources, examining both liberal-restrictive and repressive anti-drug preventive measures. An analysis of current prevention strategies in foreign countries is conducted, including the USA, European countries, China, Japan, and South Korea, along with an examination of anti-drug preventive measures in Russia. The study reveals the greater effectiveness of prevention programmes using a liberal-restrictive approach, which focus on developing protective social skills, stress coping mechanisms, promoting positive interpersonal interactions, and fostering healthy intra-family relationships, in comparison to the repressive approach. The social practices of the latter are based on stricter penalties and intimidation, leading to increased covert drug use, heightened fears of seeking specialised help, exacerbated harmful consequences for users' health, and a lack of reliable statistical data. The conclusion is drawn that to enhance the effectiveness of drug abuse prevention in Russia, it is advisable to critically evaluate and utilise the experience of countries that emphasise a restrictive approach. The focus should shift from intimidating and harshly punishing drug users to developing positive social skills and creating differentiated support and educational programmes for various population groups.

Keywords: social groups, social practices, prevention, drug abuse, programme, measures, effectiveness

REFERENCES

1. Shinkevich V. E., Teplyashin P. V., Mamay E. A., Ben E. N. Sociological and criminological assessment of the dynamics of drug use, drug crimes and recommendations for the prevention of opium drug trafficking in the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;2(43):75–82. (In Russ.). DOI [10.51980/2542-1735_2021_2_75](https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_2_75).

2. Chevtaeva N. G., Kachanova E. A., Nikitina A. S. “Soft” and “hard” strategies for social control of drug use. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2018;11(415):152–156. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002795-7](https://doi.org/10.31857/S013216250002795-7).
3. Grigsby T. J., Howard K., Howard J. T. Comparison of past year substance use estimates by age, sex, and race/ethnicity between two representative samples of the U.S. adult population. *Population Research and Policy Review*. 2022;(41):401–416. DOI [10.1007/s11113-021-09645-8](https://doi.org/10.1007/s11113-021-09645-8).
4. Origer A. Controlled drugs, use, abuse and youth: a meaningful, yet evolving relationship. In: Heinen A., Samuel R., Vögele C., Willems H. (eds). *Wohlbefinden und Gesundheit im Jugendalter*. Wiesbaden : Springer VS; 2022. P. 343–361. DOI [10.1007/978-3-658-35744-3_16](https://doi.org/10.1007/978-3-658-35744-3_16).
5. Fishbein D. H., Sloboda Z. A National strategy for preventing substance and opioid use disorders through evidence-based prevention programming that fosters healthy outcomes in our youth. *Clinical child and family psychology review*. 2023;(26):1–16. DOI [10.1007/s10567-022-00420-5](https://doi.org/10.1007/s10567-022-00420-5).
6. Hsiung H., Patel K., Hundal H., Baccouche B. M. [et al]. Preventing substance abuse in adolescents: a review of high-impact strategies. *Cureus*. 2022;14(7):e27361. DOI [10.7759/cureus.27361](https://doi.org/10.7759/cureus.27361).
7. European Prevention Curriculum (EUPC): a handbook for decision-makers, opinion-makers and policy-makers in science-based prevention of substance use. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction : [website]. 2019. Available at: https://www.emcdda.europa.eu/publications/manuals/european-prevention-curriculum_en (accessed: 15.05.2023).
8. Shul’gina E. V. Drug use practices among young people. In: E. V. Grunt, A. V. Merenkov, N. L. Antonov (eds.). *Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience*. Materials of the XXI international conference in memory of prof. L. N. Kogan (Yekaterinburg, March 22-23, 2018). Yekaterinburg : Ural’skij federal’ny`j universitet; 2018. P. 694–700. (In Russ.).
9. Zhang Sh. X., Chin K-l. A People’s War: China’s struggle to contain its illicit drug problem. In: *Improving global drug policy: comparative perspectives and UNGASS 2016*. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/a-peoples-war-final.pdf> (accessed: 17.05.2023).
10. Lin M., Sun N., Amon J. J. No exit: China’s state surveillance over people who use drugs. *Health and human rights journal*. 2022;(24/1):135–146.
11. Koto G., Tarui M., Kamioka H., Hayashi K. Drug use, regulations and policy in Japan. In: *International drug policy consortium. Briefing Paper* :. [website]. April, 2020. Available at: <https://idpc.net/publications/2020/04/drug-use-regulations-and-policy-in-japan> (accessed: 18.05.2023).
12. Nakhimova Ya. N., Romashkina G. F. Social attitudes of young people on drug use and prevention of drug addiction. *Education and science=Obrazovanie i nauka*. 2017;19(6):138–160. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2017-6-138-160](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-138-160).
13. Plotnikova T. V., Kharin V. V. Narcotism as one of the urgent threats to Russia’s national security. *Current issues of the state and law=Aktual’ny`e problemy` gosudarstva i prava*. 2019;3(10):243–250. (In Russ.). DOI [10.20310/2587-9340-2019-3-10-243-250](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-10-243-250).
14. Goroshko I. V., Petrova V. Yu. Legal regulation of drug use prevention. *Bulletin of the Vladimir Law Institute=Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2021;4(61):36–41. (In Russ.).

15. Shipunova T. V. The rhetoric of agents of social control in relation to the prevention of illegal behavior of young people. *The journal of social policy studies=Zhurnal issledovaniya social'noj politiki*. 2019;17(4):525–538. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2019-17-4-525-538](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-525-538).
16. Rublyova T. Yu. Formation of anti-drug policy in the field of drug addiction prevention among young people based on the results of monitoring the drug situation. In: I. O. Loginov, V. B. Chupin, L. S. Gavrilenko [et al], eds. Human psychological health: life resource and life potential. Materials of the VIII international scientific and practical conference (Krasnoyarsk, November 25–26, 2021). Krasnoyarsk : Verso; 2022. P. 196–203. (In Russ.).

Information about the Author

E. V. Larina

Candidate of Sociology,

Research associate

ResearcherID: [903092](https://orcid.org/0009-0001-9030-9092)

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор

Горшков М. К.

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – Мозговая А. В.

Заместитель главного редактора – Кравченко С. А.

Заведующая редакцией – Зорина А. Е.

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Кофанова Е. Н., Мищенко Д. Ф., Савоськина А. П.

Технический редактор: Ломантёрова С. И.

Оригинал-макет; вёрстка: Чичилов Е. В.

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2023. Том 11, № 3. Дата выхода в свет 27.09.2023.